Пенелопа

Фицджеральд

В открытом море

Плыть по течению,
не прибегая к волевым решениям,
наслаждаясь теплым коконом любви
и вежливости...

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО
КНИГИ ЛАУРЕАТОВ
МИРОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ

В открытом море

Пенелопа Фицджеральд

Аннотация
Пенелопа Фицджеральд. В открытом море
Предисловие Гермионы Ли. «О творчестве Пенелопы Фицджеральд»
Предисловие Алана Холлингхёрста к роману Пенелопы Фицджеральд «В открытом море»
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая

Аннотация

Пенелопа Фицджеральд – английская писательница, которую газета «Таймс» включила в число пятидесяти крупнейших писателей послевоенного периода. В 1979 году за роман «В открытом море» она была удостоена Букеровской премии, правда в победу свою она до последнего не верила. Но удача все-таки улыбнулась ей.

«В открытом море» – история столкновения нескольких жизней таких разных людей. Ненны, увязшей в проблемах матери двух прекрасных дочерей; Мориса, настоящего мечтателя и искателя приключений; Юной Марты, очарованной Генрихом, богатым молодым человеком, перед которым открыт весь мир. И других удивительных обитателей плавучих домов, чья жизнь проходит на воде. Воде, которая одновременно может стать и раем, и адом.

Пенелопа Фицджеральд
В открытом море

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие Гермионы Ли «О творчестве Пенелопы Фицджеральд»

Когда в 1979 году в возрасте шестидесяти трех лет Пенелопа Фицджеральд неожиданно получила за роман «В открытом море» (*Offshore*) премию «Букер», она сказала друзьям: «Я же понимала, что я аутсайдер». Героями ее романов и биографических исследований тоже становились аутсайдеры: люди, не слишком приспособленные к жизни, — художники-романтики, исполненные надежд неудачники, непонятые любовники, сироты или просто чудаки. Ее привлекали именно такие персонажи, живущие как бы на самом краю, уязвимые, тонкие, не обладающие никакими привилегиями. Дети, женщины, пытающиеся самостоятельно противостоять любым трудностям, мужчины-неудачники, нежные, мягкие, но совершенно запутавшиеся. С ее точки зрения, мир вообще делится на «истребителей» и «истребленных». Она и сама признавалась: «Меня тянет к тем, кто уже от рождения числится в стане побежденных или потерявшихся в жизни».

У этой писательницы всегда было тонкое чувство юмора, но трагическое мировосприятие.

Близко к сердцу она принимала и жизненные истории литературных аутсайдеров — писателей и поэтов, зачастую недооцененных, а то и вызывавших кое у кого идиосинкразию, но обладавших яркими, отчетливо звучащими голосами; это и романист Дж. Л. Карр[1], и поэт Гарольд Монро[2] из «Poetry Bookshop», трагическая поэтесса Шарлотта Мью[3]. Пенелопа Фицджеральд активно участвовала в работе издательства «Вираго» по возвращению к жизни незаслуженно забытых писательниц и под эгидой этого издательства выступила в защиту романистки девятнадцатого века Маргарет Олифант[4]. Ее также восхищало творчество эксцентричной Стиви Смит[5]. Ей

---

[1] Примечания: 1

Джеймс Карр (1912–1984) — британский писатель и издатель.

[2] Примечания: 2

Гарольд Монро (1879–1932) — британский поэт и владелец магазина «Poetry Bookshop» в Лондоне, который помог многим поэтам опубликовать свои произведения и представить их читателям.

[3] Примечания: 3

Шарлотта Мью (1869–1928) — английская поэтесса, писавшая на стыке викторианской поэзии и модернизма.

[4] Примечания: 4

Маргарет Олифант (1828–1897) — британская (шотландская) писательница, автор исторических романов и мистики.

[5] Примечания: 5

Стиви Смит (1902–1971) — британская поэтесса, писательница и художница, известная своей «поэзией бессмыслиц», родственной Л. Кэрроллу.

вообще всегда были интересны люди, в том числе и собратья по перу, которые как бы стояли под странным углом по отношению к остальному миру. Пенелопа Фицджеральд родилась в необычной литературной семье, принадлежавшей к английскому среднему классу, и унаследовала как евангелические принципы своих дедов-епископов, так и качества, свойственные ее отцу и дядьям, знаменитым братьям Нокс[6]: прямоту и честность, строгость и простоту, сдержанность в высказываниях, яркость и лаконичность языка, чуть суховатое чувство юмора.

Успеха Фицджеральд не ожидала, хотя цену себе знала. Да и ее писательскую карьеру трудно назвать обычной. Публиковаться она начала очень поздно, ей тогда было уже около шестидесяти, и за последующие двадцать лет выпустила в свет девять романов, три биографии и немало различных эссе, статей и рецензий. В начале своей деятельности она четыре раза меняла издателей и в итоге остановилась на издательстве «Коллинз»; у нее никогда не было литературно-

[6] Примечания: 6

Эдмунд Нокс (отец П. Фицджеральд) — редактор популярного журнала «Панч»; Рональд Нокс — священник и писатель, автор детективных романов; Алфред Нокс — филолог-классик; Уилфред Нокс — филолог-библеист.

го агента, который заботился бы о соблюдении ее интересов, но почти все издатели стали для нее друзьями и защитниками. В мире литературы Пенелопа Фицджеральд считалась «темной лошадкой», и для всех было большой неожиданностью, когда за свой третий роман она получила «Букера». Впрочем, и в последние годы жизни она неоднократно попадала в шорт-лист кандидатов на эту премию, а также завоевала несколько других британских литературных премий, заняв весьма почетное место в литературном мире, а к восьмидесяти годам стала настоящей знаменитостью — после выхода в свет романа «Голубой цветок», получившего в США премию Национального круга книжных критиков.

И все же Пенелопа Фицджеральд всегда слыла человеком тихим. У нее, безусловно, был свой круг любящих и пристрастных читателей, но знаменитостью она себя отнюдь не чувствовала, да и не хотела этого. Ее изящные, даже какие-то хрупкие, романы всегда отличались известной компактностью. В них немало смешного, но немало и мрачного. Они проникновенны и чисты, но в них никогда ничего не говорится «в лоб», а очень многое и вовсе остается невысказанным. Берет ли Пенелопа Фицджеральд за основу про-

изведений собственный опыт — свою работу на Би-би-си во время лондонского Blitz[7], или попытку добиться успеха, открыв книжную лавку в маленьком городке Саффолка, или те несколько лет в начале 1960-х, когда ей пришлось жить на протекающей барже, пришвартованной в одном из затонов Темзы, или преподавание в детской театральной школе, — или же, как в ее последних четырех романах, не только возвращается назад по временной оси, но и порой покидает пределы Англии, с удивительной аутентичностью воссоздавая тот или иной интересующий ее исторический период, в каждом из этих случаев ей удается создать целый мир, причем удивительно экономными средствами. Казалось бы, действие ее романов развивается в весьма небольшом пространстве, но неким волшебным образом всегда выходит далеко за его пределы.

После смерти Пенелопы Фицджеральд — а умерла она в 2000 году в возрасте 83 лет — ее необычный тихий голос вполне может постепенно смолкнуть, утонув в забвении. Однако от забвения писательницу уберегли верные душе-

[7] Примечания: 7

Лондонский блиц, бомбежка Лондона — ночные налеты немецко-фашистской авиации в 1940–1941 гг. во время «битвы за Англию» (Battle of Britain).

приказчики и поклонники ее таланта. Вскоре за посмертной публикацией рассказов, эссе и писем Фицджеральд в издательстве «Чатто и Уиндус» вышла в свет ее биография (*Penelope Fitzgerald: A Life*, by Hermione Lee, Chatto & Windus, 2013), а затем последовали и долгожданные переиздания романов писательницы, где авторами предисловий выступили современные талантливые люди, доказывающие, что сегодня у Фицджеральд есть вполне достойные последователи. И я очень надеюсь, что теперь многие новые читатели смогут открыть для себя, а затем и полюбить произведения Пенелопы Фицджеральд, одной из самых завораживающих английских писательниц XX века.

Предисловие Алана Холлингхёрста к роману Пенелопы Фицджеральд «В открытом море»

«Все, чему учишься, полезно, — говорит героиня романа, одиннадцатилетняя Марта. — Разве ты не знал, что все знания, которые получаешь, и все страдания, которым подвергаешься, когда-нибудь непременно пригодятся?» А ее сестренка Тильда сердито заявляет, что Марта всего лишь повторяет, как попугай, умные проповеди их школьной наставницы, матери Игнатии, хотя, пожалуй, устами этой учительницы говорит сама Пенелопа Фицджеральд. Все ее книги — это плоды зрелого жизненного опыта, глубоких размышлений и мимолетных прикосновений к сокровищнице накопленных ею знаний. И все они отражают новое ощущение тех возможностей, которые могут появиться лишь в зрелом возрасте после тяжких утрат и сложных перемен. Так, первую свою книгу Фицджеральд написала лишь после смерти отца, Эдмунда Нокса, умершего в 1971 году; это была

биография художника Эдварда Бёрн-Джонса[8], опубликованная в 1975 г., когда писательнице уже исполнилось пятьдесят девять лет. А одним из главных героев ее следующей книги, замечательной объединенной биографии «Братья Нокс», вышедшей в 1977 г., стал ее отец. В обеих работах перед читателем раскрывается широкая картина долгой жизни прекрасных талантливых людей, непосредственно связанных с яркой артистической, интеллектуальной и духовной средой тех лет и поколений, которые предшествовали поколению самой Пенелопы Фицджеральд, для которой живым воплощением этой среды была ее собственная — поистине необыкновенная — семья. В те же годы выходит и первое крупное художественное произведение писательницы — роман «Золотое дитя», написанный ею специально для того, чтобы развлечь мужа Десмонда в последний год его жизни. Он умер в 1976-м, и все последовавшие за этим работы Фицджеральд — восемь романов, рассказы, еще одна биография и множество блестящих журналистских работ — были плодом ее четвертьвекового вдовства.

---

[8] Примечания: 8

Эдвард Бёрн-Джонс (1838–1898) — британский художник, близкий к поздним прерафаэлитам, а также знаменитый автор книжных иллюстраций и витражей.

В качестве романиста Пенелопа Фицджеральд сначала напрямую обратилась к собственному жизненному опыту, обнаружив, что при изменившихся обстоятельствах и перспективах более позднего периода своей жизни у нее появилась возможность по-иному оценить определенные эпизоды и события прошлого, придав им форму литературного произведения. А жизнь ее в прошлом складывалась зачастую весьма непросто и не слишком удачно. В итоге те годы, когда она работала в книжном магазине «Саутуорлд», послужили питательной средой для романа «Книжная лавка» (*The Bookshop,*1978), а роман «В открытом море» (*Offshore,*1979) связан с наиболее трудным и наименее обеспеченным периодом ее жизни, когда ей пришлось жить на старой барже, некогда плававшей по Темзе, а ныне пришвартованной в затоне Баттерси-Рич на южном берегу реки; чуть позднее в романе «Голоса людей» (*Human Voices,*1980) она рассказала о том, как во время войны работала в компании Би-би-си, а в романе «У Фредди» (*At Freddie's,*1982) — этот ее роман более всего богат юмором, и там комизм буквально бьет через край, — поведала читателям, как ей довелось преподавать в школе сценического искусства «Италиа Конти». В

романе «В открытом море» тоже есть смешные места, хотя по тональности это, пожалуй, наиболее переменчивое из ее произведений. Сама Фицджеральд называла его «трагифарсом».

В центре повествования молодая канадка Ненна Джеймс, которая в итоге вынуждена признать, что муж-англичанин, бросивший ее и двоих детей, больше никогда к ним не вернется. Скрипачка Ненна (она окончила консерваторию) так и не сумела пока воплотить в жизнь свои артистические задатки и стремления и в данный момент живет с двумя дочерьми в так называемом плавучем доме, а точнее — на старой барже, кое-как приспособленной для постоянного проживания и носящей говорящее имя «Грейс», что значит «милосердие». Опыт жизни на подобной барже имелся и у самой Фицджеральд, но героиня ее романа и замуж вышла, и детей родила куда более молодой — Ненне всего тридцать два года, а ее старшей дочери уже одиннадцать; подобная расстановка акцентов как бы напоминает читателю, одновременно предостерегая его, что Фицджеральд любит весьма произвольно выбирать и переставлять моменты собственной жизни, ибо сама она, как известно, вышла замуж в двадцать пять и родила троих детей, а на Темзе прожила

два года, когда ей было уже за сорок. События, связанные в романе и с личной жизнью самой Ненны, и с жизнью тех, кто находится с нею рядом, помогают понять и характер главной героини, и характеры ее соседей, обитателей таких же старых судов, между которыми с борта на борт перекинуты сходни. Если в романе «Книжная лавка» Фицджеральд, выбрав героиней женщину крайне уязвимую, страдающую явной нехваткой собственной «истории», да еще и угодившую в весьма сложные неустойчивые обстоятельства, рассказывает о ней с почти готическими преувеличениями и романтическим простодушием, то в романе «В открытом море» уже отчетливо видна рука зрелого мастера, способного немногословно и четко обрисовать судьбу человека с помощью нескольких мимолетных мазков кисти или осторожно упомянутых деталей. Уже в самом начале на сцене появляются почти все действующие лица, владельцы соседних плавучих домов — умный, точнее, находчивый Ричард Блейк и его разочарованная и абсолютно сухопутная жена; гомосексуалист Морис, оказывающий «клиентам» платные услуги и способный ужиться буквально со всеми; старый художник-маринист Сэм Уиллис, которому очень хочется продать свое

жалкое судно раньше, чем оно успеет окончательно пойти ко дну, — однако этот «групповой портрет» продолжает постоянно меняться, ибо перемены и непрерывное движение составляют суть данной книги, а ее автор, ловко обходя мели, движется в фарватере своего повествования с неизменными мудростью, легкостью и остроумием. Именно романом «В открытом море» Пенелопа Фицджеральд окончательно доказала свое писательское мастерство и силу. В нем, пожалуй, наиболее ярко проявились и ее основные литературные принципы: «скромность, тонкость и экономность».

Сама она относила себя к той категории писателей, которых «тянет к тем, кто уже от рождения числится в стане побежденных или потерявшихся в жизни… готовых принять условия, которые навязывает им окружающий мир, хотя и не всегда способных этим условиям подчиниться, несмотря на все их мужество и невероятные усилия…» «Собственно, я и пишу для того, чтобы стать голосом таких людей», — говорила она. В романе «В открытом море» обитатели старых барж — «существа, не принадлежащие ни суше, ни воде», — могут, конечно, стремиться к иным, «более разумным и адекватным», условиям жиз-

ни, которые сулит им соседний богатый район Челси. «Но жители Баттерси-Рич, предприняв очередную попытку стать такими же, как другие люди, и в очередной раз потерпев весьма огорчительную неудачу, вновь были вынуждены отступить и продолжали существовать в той грязной прибрежной полосе, где на поверхности воды плавало множество самого разнообразного мусора, выброшенного приливными волнами, и где давно уже стояли на якоре их старые баржи». Впоследствии Фицджеральд писала, что, к сожалению, смысл названия этого романа часто интерпретируют как «вдали от берега», тогда как его суть в том, сколь неустойчивы, неосновательны жилища, эти жалкие старые баржи, стоящие на якоре всего лишь в нескольких ярдах от берега, сколь «эмоционально подвижны, неспокойны герои моего романа, одновременно испытывающие и потребность в защите, и весьма сомнительную тягу к опасным приключениям».

Причины для этого, разумеется, у каждого из них свои, и одни лучше, другие хуже справляются с жизненными трудностями — Фицджеральд, как всегда, остро чувствует проблемы и состояние тех, кто попал в трудное положение. Созданные ею тонкие, психологически точные портреты

обитателей плавучих домов свидетельствуют о том, как хорошо она знает их жизнь, с каким сочувствием относится к их привычкам и обычаям, которым они издавна следуют, но которые в итоге неспособны их спасти. Практичный Ричард, советуя бедолаге Уиллису хорошенько подготовить судно перед продажей, просто не в состоянии понять, с кем имеет дело, «тщетно пытаясь помочь тому, кто никогда не ощущал ни физической, ни душевной потребности что-либо в своей жизни менять». На самом деле Уиллис давно уже сомневается «в целесообразности любых новых начинаний, доверяя лишь умению людей держаться вместе». (Но в итоге «новое начинание» — или, точнее, весьма драматические перемены — все же будет ему навязано.) Ненна более чутко реагирует на собственные просчеты и, понимая, что порой здравый смысл ей изменяет, выступает в качестве ответчицы на воображаемом суде и вынуждена подчиниться доводам судьи, когда тот подвергает безжалостному разбору ее представления о браке и его возможных перспективах. Даже такой обеспеченный, энергичный и достойный человек, как Ричард, принадлежащий «к тому типу мужчин, у которых даже в половине четвертого утра всегда

имеется при себе пара чистых носовых платков», трогательно изображен как жертва привычек, насажденных ему обществом и службой на флоте: «…мысль об этом… похоже, и объединила обе мучившие его проблемы; теперь они представлялись ему в виде некой единой структуры, работающие части которой пребывают в тесном взаимодействии». Ситуация трагифарса заставляет всех героев романа постоянно пребывать в движении, а поставленные этой ситуацией двусмысленные условия никогда не завершаются приходом в статичное состояние. В одной из статей, написанной лет через десять после выхода романа, Фицджеральд призналась, что реальный прототип Мориса, «некий элегантный молодой мужчина-натурщик», жил с ней рядом на соседнем судне и всегда старался поднять ей настроение, а однажды даже повез ее, усталую, потрепанную жизнью женщину средних лет, на целый день в Брайтон; к сожалению, вскоре после той поездки он вновь вернулся в Брайтон и там утопился. «Но когда я превратила его в одного из героев романа… — писала Фицджеральд, — у меня не хватило духу позволить ему убить себя. Ведь это означало бы, что он потерпел полный крах в жизни, тогда как на самом деле он со своей

добротой был — по крайней мере, в моих глазах — самым настоящим символом успеха». Подобные личные, изменчивые, а порой и взаимоисключающие оценки как раз и лежат в основе того, как изображает писательница взаимоотношения между людьми.

А еще в романе есть две маленькие девочки. Дети в произведениях Фицджеральд часто проявляют удивительную, лишенную иллюзий зрелость, которой так не хватает окружающим их несчастливым представителям старшего поколения. И все они — от десятилетней Кристины Гиппинг из «Книжной лавки», которая говорит бездетной вдове Флоренс, что «жизнь ее обошла», до невозмутимой и «на редкость ответственной» двенадцатилетней Долли из «Начала весны» (*The Beginning of Spring*) — как бы берут на себя роль организаторов общества и носителей истины; именно они первыми разгадывают тайну разлада, возникшего между их родителями. «Они необычные детишки, — говорит приехавший в гости дядюшка Долли, — вряд ли, например, нам с Нелли когда-либо разрешали так же свободно участвовать в беседах взрослых». Предшественников тех детей, какими они изображены в романах Фицджеральд, можно, наверное, отыс-

кать у Айви Комтон-Барнетт[9], в описанных ею детских комнатах и школьных классах. Однако своему другу, который находил образы детей в произведениях Пенелопы Фицджеральд «поистине драгоценными», писательница возразила так: «Я с этим не согласна…Они в точности такие же, как и мои собственные дети; те тоже всегда все замечали». И все же эти «романные» дети не могут быть точно такими же, как дети реальные; а также, возможно, кое-какими чертами своих характеров они обязаны и тем, порой излишне самоуверенным, ученикам детской школы театрального искусства, где преподавала Фицджеральд; именно их она так ярко изобразила в романе «У Фредди», на страницах которого они целыми абзацами изъясняются на своем особом жаргоне, с маниакальной решительностью рисуя свою грядущую, непременно успешную карьеру. А детей в романе «В открытом море» Фицджеральд рисует одновременно и подражателями (т.е. «обезьянами»), и самобытными творческими личностями (т.е. «чудаками»).

В Марте и Тильде воплощены два самых сим-

[9] Примечания: 9

Айви Комтон-Барнетт (1884–1969) — британская писательница, автор романов из семейной жизни миддл-класса в поздневикторианской или эдвардианской Англии.

патичных и любимых писательницей детских характера. Единственные дети на всем пространстве романа, они также служат ей — поскольку вечно прогуливают школу — средством и способом показать жизнь их родного причала и его историю. Шестилетняя Тильда, для которой весь мир — река, вдумчиво изучает этот мир со своего наблюдательного поста на верхушке мачты, возвышающейся над палубой баржи «Грейс»; она долгие часы проводит в мечтах, этаких снах наяву, в которых отражается и прошлое, и будущее. Разумеется, сегодня вы, приехав в Баттерси-Рич, с изумлением увидите, что берега Темзы выглядят совсем иначе, чем пятьдесят лет назад, когда Фицджеральд и сама жила там на старой барже; теперь, например, почти совсем не ощущается блеск того поздневикторианского Челси, который столь отчетливо чувствуют маленькие герои романа. Теперь на берегу на переднем плане возвышаются высотное здание Совета и прочие стеклянные зиккураты, а также кондоминиумы в форме парусов, да и суда, что стоят на якоре чуть выше моста Баттерси-Бридж, где была пришвартована баржа «Грейс», выглядят куда более достойными и процветающими. В этих местах, между прочим, в течение почти

всего девятнадцатого века находился большой «Лодочный двор Гривза», и два поколения членов семейства Гривз служили там лодочниками — они много раз возили Тёрнера, а затем и Уистлера[10], сумевшего уловить характер старого деревянного моста Баттерси-Бридж, написанного им прямо из лодки молодого Уолтера Гривза; его, кстати, Уистлер тоже научил писать красками и делать гравюры, и он вполне успешно изображал различные бытовые сценки на реке, используя приемы, показанные ему художником. Именно прекрасный ноктюрн Уистлера «Синее и Золотое: старый Баттерси-Бридж», на котором замечательно воспроизведена самая грязная и неряшливая часть Темзы, старый художник Уиллис и показывает Тильде во время их похода в галерею Тейт[11]. «Уистлер был очень хорошим художником… — говорит девочке Уиллис и прибавляет, подчеркивая практическое видение

---

[10] Примечания: 10

Джозеф Тёрнер (1775–1851) — английский живописец, график; крупнейший мастер романтического пейзажа. *Джеймс Уистлер* (1834–1903) — американский живописец, с 1855 г. живший во Франции и в Англии; был близок к французским импрессионистам.

[11] Примечания: 11

Лондонская галерея Тейт — богатейшее собрание картин английских мастеров, начиная с XVI века, и зарубежных художников XIX–XX вв., особенно импрессионистов и постимпрессионистов; основана в 1897 г., названа по имени основателя Генри Тейта.

художником изображаемого предмета: — Видишь, как раз начинается прилив, и этим решил воспользоваться вон тот лихтер...». Подобное отношение к описываемому предмету свойственно и самой Фицджеральд; и в данном случае она опирается на собственный, вполне реальный опыт, хорошо зная, что значит каждое покачивание и поскрипывание старых судов — эту науку за годы, проведенные на реке, она усвоила очень хорошо. И хотя в целом ее, пожалуй, можно было бы назвать осторожным лириком, но краткие и точные сведения о приливах и отливах, а также замечания о береговых и сигнальных огнях в ее устах производят не менее сильное, реалистичное впечатление, особенно описание сумерек, когда «казалось, что тьма поднялась прямо из реки, стремясь слить ее воедино с небесами», или рассвета, «того неуловимого часа, когда тьма, как бы рождаясь из тьмы, начинает подниматься над водой, и темные тени с каждой минутой превращаются в конкретные предметы, заявляя о себе то как дом, то как стоящее на якоре судно».

Столь же неуловимые взгляды в прошлое, как бы сквозь историю великой реки и живших на ее берегах людей, свойственны замечательному эпизоду с «кирпичной экспедицией» (глава 6), во

время которой Марта и Тильда с ручной тележкой пересекают Темзу по старому мосту Баттерси и направляются к водостоку близ древней церкви св. Марии, где еще до войны затонула баржа, перевозившая кирпичи и черепицу. Во время отлива здесь и сейчас еще можно отыскать рубиново-красные блестящие куски керамических плиток с клеймом Уильяма Де Моргана[12]. «Эти изделия, — поясняет торговцу Марта, — относятся к одной из самых последних его серий, когда он перенес производство керамики в Сэндзенд и Фулем. Разве вы этого не знали?» Легендарные керамики, выкопанные из грязного речного песка — дракон с извивающимся хвостом, изящная «изображенная чуть гротескно» серебристая птица, — это также трофеи из мира Уильяма Морриса[13] и прерафаэлитов, которых сама Фицджеральд ранее столь вдумчиво исследовала. В эссе о Де Моргане, написанном почти двадцать лет спустя, писательница вспоминает родствен-

[12] Примечания: 12

Уильям Френд Де Морган (1839–1917) — выдающийся английский художник-керамист, открывший секрет старинного «люстра». В последние годы жизни он посылал свои керамики из Флоренции в Лондон.

[13] Примечания: 13

Уильям Моррис (1834–1896) — английский художник, писатель, теоретик искусства; видел в искусстве средство преобразования общества; агитировал против машинного производства и за возрождение народных ремесел и ручного труда.

ницу художника Вильгельмину Стирлинг[14], «хранительницу очага», умершую на сотом году жизни в 1965 г., женщину «весьма значимую… даже героическую», которую она (как и Марта, а после нее и Тильда) посещала в Баттерси-хаусе, где «каждая стена и каждый уголок сияли разными красками». «Миссис Вильгельмина Стирлинг! Ей уже лет девяносто семь, не меньше», — объявляет шестилетняя Тильда, объясняя свои необычные для столь раннего возраста познания о керамике и как бы устанавливая через столетие связь с этой художницей. За выловленную из воды черепицу девочки получают в антикварной лавке на Кингз-роуд три фунта и отправляются в магазин покупать на вырученную сумму пластинку Клиффа Ричарда.

События, описанные в романе «В открытом иморе», относятся к 1961-му или к 1962 году (разница в дате несущественна, поскольку наши воспоминания о той или иной эпохе обычно формируются не раньше, чем лет через пятнадцать), так что, когда в 1979 году роман вышел в свет, эти

[14] Примечания: 14

Вильгельмина Стирлинг (1865–1965) — английская писательница, основательница центра Де Моргана, родная сестра жены Уильяма Де Моргана, Эвелины Де Морган, известной художницы, последовательницы прерафаэлитов.

события, как и связанные с ними настроения, уже успели стать относительно далеким прошлым. Генрих, австрийский подросток из обеспеченной семьи, имеющей большие связи, ненадолго появляется на «Грейс» в качестве гостя и прямотаки ослепляет юную Марту своей безупречной внешностью и воспитанностью; ему более всего хочется попробовать на вкус возбуждающее воздействие «свингующего Лондона», этого огромного города, живущего новой, кипучей жизнью, и Марта ведет его на Кингз-роуд, которая «манила, точно пестрый цыганский табор своим пышным, хотя и слегка полинялым убранством и толпами театрального люда…». Здесь «рай для детей, буйство увеселений». Здесь антикварные лавки спокойно сосуществуют с изысканными бутиками, от которых «несет ладаном и грехом», а также с кофейнями, явлением для Лондона новым, где «сверкающая кофемашина… наливала в керамическую чашечку полтора дюйма горького напитка, и за два шиллинга влюбленные могли сидеть хоть несколько часов подряд, окутанные темно-коричневым полумраком, поставив между собой мисочку с коричневым сахаром». Это тот мир, «которому судьбой предначертано было просуществовать всего несколько лет, а потом

чары будут нарушены»; это тот мир, который, как признается пожилая писательница, служил площадкой для игр и ее собственным детям, ныне, разумеется, давно ставшим взрослыми. И благодаря этим деликатным намекам перед нами возникает настоящий лабиринт пересекающихся жизненных линий, принадлежащих различным поколениям людей, и мы невольно чувствуем то напряжение, что свойственно грядущим переменам, но пока что находящимся в латентном состоянии. Именно это ощущение грядущих перемен всегда особенно привлекало Фицджеральд как писателя и принесло столь восхитительные плоды в виде ее последнего квартета — четырех исторических романов.

* * *

Из отзывов о книге «В открытом море»:

> «Идеально сбалансированное произведение… по сути дела, литературный эквивалент акварелей Тёрнера».
>
> ***The Washington Post***

«Удивительная книга. В ней едва ли больше 50 000 слов – она написана с поистине маниакальной экономностью, отчего кажется даже еще короче, – однако в этих словах чувствуется невероятная сила, как бы загнанная внутрь, но то и дело прорывающаяся в форме небольших жестко контролируемых взрывов. «В открытом море» – восхитительное творение Пенелопы Фицджеральд, в котором есть мощь и гибкость, человечность и зрелость, щедрость и изящество».

The Sunday Times

«Роман, отличающийся хрупкой оригинальностью, прозрачностью, экспрессивностью и поистине восхитительными вспышками иронии».

The Observer

«Она создает такие литературные произведения, когда кажется, что идеал почти достигнут, причем делает это столь ненавязчиво, как умеет лишь истинный виртуоз, и ощущать ткань ее романов – чистое наслаждение».

London Review of Books

Посвящается «Грейс» и всем тем, кто
на ней плавал и жил

Глава первая

— Итак, мы, видимо, должны предположить, что *Дредноут* просит нас совершить нечто недостойное? — спросил Ричард.

Дредноут радостно закивал; он был счастлив, что остальные так быстро его поняли.

— Это же просто для того, чтобы продажа могла состояться. По-моему, только так можно обойти возникшую проблему. Если, конечно, все присутствующие согласятся не упоминать о том, где у меня основная течь, или хотя бы не поднимать этот вопрос при покупателях, пока те впрямую не заинтересуются, есть ли на судне протечки.

— И в связи с этим вы, значит, хотите, чтобы мы утверждали, будто на вашем «Дредноуте» никакой течи нет? — терпеливо уточнил Ричард.

— Ну, «никакой» — это слишком сильно сказано…

Все собрания обитателей плавучих домов отчего-то естественным образом — столь же естественным, как приливы и отливы, — всегда проходили именно на этом судне, бывшем минном тральщике, великолепным образом

переоборудованном под жилье и носившем имя «Лорд Джим». «Лорд Джим» уже одним своим видом служил постоянным и ощутимым упреком жителям соседних барж: он всегда сверкал безупречной чистотой и постоянно обновляемой серой краской; он обладал почти в два раза большим водоизмещением, чем прочие суденышки, горделиво возвышаясь над ними; и наконец, Ричард, его хозяин, в своем в высшей степени пристойном темно-синем блейзере точно так же возвышался среди собравшихся на палубе людей и явно среди них доминировал. Сам он, впрочем, никоим образом к этому не стремился, как не стремился и к связанной с этим ответственности за соседей. Однако старые баржи, стоявшие в затоне Баттерси-Рич, куда выходили окна многих прекрасных домов на набережной, всегда привлекали к себе особое внимание чиновников из Управления лондонским портом, в связи с чем обитателям этих барж требовалось, естественно, соблюдать вполне определенные и, в общем, необходимые нормы поведения. Впрочем, сам Ричард последним из всех людей на суше и на воде стал бы кому-то эти нормы навязывать. Но кто-то же должен был следить за порядком? А в данный момент никто из соседей Ричарда не смог

бы этот священный долг исполнить. К счастью, ему самому объяснять, что такое долг, вовсе не требовалось. Понять это Ричарду давно помогли и служба во время войны в RNVR[15], и собственный темперамент.

Однако ему не хотелось даже председательствовать на этом собрании. Он предпочел бы стать просто членом какой-нибудь второстепенной комиссии, но понимал, что владельцы плавучих домов — хотя далеко не все они были именно их владельцами, кое-кто всего лишь арендовал свое судно, — явно не из того теста, какое годится для формирования хоть какой-то комиссии. Между «Лордом Джимом», стоявшим на якоре почти под мостом Баттерси-Бридж, и старыми речными баржами, выстроившимися вдоль причала ярдов на двести выше по течению, ближе к заброшенным верфям и пивоваренному заводу, была, что называется, большая разница. Обитатели этих барж, существа, не принадлежащие ни суше, ни воде, может, и хотели бы выглядеть более респектабельно, но им это не удавалось. Все их надежды и устремления были связаны с тем берегом, где раскинулся район Челси и где в

[15] Примечания: 15

Royal Naval Volunteer Reserve — добровольческий резерв ВМС и резерв морской пехоты.

самом начале 60-х многие тысячи тамошних жителей имели и достойное занятие, и адекватную зарплату. Но жители Баттерси-Рич, предприняв очередную попытку стать такими же, как другие люди, и в очередной раз потерпев весьма огорчительную неудачу, вновь были вынуждены отступить и продолжали существовать в той грязной прибрежной полосе, где на поверхности воды плавало множество самого разнообразного мусора, выброшенного приливными волнами, и где давно уже стояли на якоре их старые баржи.

Биологически их можно было бы причислить к одному из многих видов «вполне успешно» существующих прибрежных существ. Во всяком случае, выгнать из обжитого логова их было бы нелегко. Но и продать свое судно, покинуть знакомый причал они не решались. Подобное они воспринимали как последний, отчаянный шаг — примерно те же чувства, наверное, испытывали амфибии, когда на заре всемирной истории вышли на сушу. Как известно, в результате этой попытки многие из их видов попросту перестали существовать.

Ричард оглядел прочный, обитый медными гвоздями стол и решил, что, пожалуй, собравшиеся за этим столом ведут себя наилучшим образом.

В конце концов избежать этого собрания возможности не было; Уиллис сам обратился к ним с просьбой коллективно обсудить сложившуюся ситуацию и был готов тщательно учесть мнение каждого.

– Рочестер? Грейс? Блуберд? Морис? Часы досуга? Данкерк? Неумолимый?

Со стороны Ричарда было вполне корректно обращаться к людям по названиям принадлежащих им судов — так всегда было принято в порту, где все они с технической точки зрения и находились. Вот, например, Морис, очень милый молодой человек, едва успев появиться на Баттерси-Рич, сразу понял, что Ричард именно так всегда и будет их всех называть, а значит, к нему, Морису, прилипнет неприятная кличка *Dondeschiepolschuygen IV*[16], позолоченными буквами написанная на носу его судна. Поэтому он мгновенно переименовал свою баржу в «Мориса».

Выступать первым не хотелось никому, и Уиллис, шестидесятипятилетний художник-ма-

---

[16] Примечания: 16

Труднопроизносимый и непереводимый буквально термин, обозначающий понятие «третий пол» и используемый для описания людей, которые по своей воле или в итоге общественного консенсуса не идентифицируются ни как мужчины, ни как женщины или же просто не укладываются в двоичную систему понимания пола.

ринист, владелец пресловутого «Дредноута», сидел и ждал, положив руки на стол, сгорбившись и так втянув голову в плечи, что торчала только его макушка, увенчанная короной стоявших дыбом темных с сильной проседью волос. Затянувшееся напряженное молчание несколько разрядил лишь протяжный гудок какого-то судна, донесшийся из эстуария. Это был весьма специфический, свойственный лишь Темзе сигнал, буквально означавший «я начинаю движение». Прилив уже начался, но суда еще не поднимали якорей, оставаясь у причала.

Услышав у себя на камбузе негромкий шум, показавшийся ему важным, Ричард вежливо извинился и спустился вниз. Втайне он надеялся, что, вернувшись на палубу, обнаружит несколько большую активность среди собравшихся, которые, наконец, займутся обсуждением сложившейся ситуации, весьма, с его точки зрения, неловкой.

— Как ты тут, Лолли?

Лора что-то быстро крошила ножом, поглядывая в лежавшую перед ней поваренную книгу. Она одарила мужа усталым и чуть раздраженным взглядом своих больших глаз — это был взгляд типичной уроженки Центральных графств, которая

с первых дней жизни видела перед собой бесконечные, простирающиеся до самого горизонта акры пашен и пастбищ. Ее верность Ричарду — и он прекрасно это понимал — проявлялась в том, что до сих пор она никогда и никому (кроме самого Ричарда, разумеется) не жаловалась на то, что вынуждена жить в центре Лондона на каком-то старом судне, а не в симпатичном сельском особнячке. Раз в месяц Лора ездила домой, и ей каждый раз приходилось отбивать бесчисленные предложения родственников насчет «симпатичного особнячка» и уверять их, что у них с Ричардом все в порядке, а их соседи по причалу на Темзе — забавные и милые люди. Но перед мужем она никогда не притворялась, как и он перед ней. И все же Ричард, всегда спокойно оставлявший позади каждый очередной отрезок своей жизни, если считал, что с ним покончено, и всегда способный практически всему дать рациональное объяснение, в данном случае даже себе самому не мог объяснить, чем вызвана его нежная привязанность к «Лорду Джиму». Ведь он мог бы запросто позволить себе купить какой-нибудь дом, да и преобразование «Джима» в удобное жилище обошлось весьма недешево. Но если река отвечала скорее его мечтам, даже не

пытаясь вести разговор с его дневным «я», то и он считал, что ему вовсе не обязательно заводить с рекой подобные «дневные» разговоры.

— Мы почти закончили, — сообщил он жене.

Лора отбросила назад чуть влажные длинные волосы. Теоретически над ее внешностью трудилось много людей — «мой парикмахер, мой предыдущий парикмахер, мой доктор, мой второй доктор, к которому я пошла, когда поняла, что от первого проку нет», — но вне зависимости от их усилий Лора, с точки зрения Ричарда, всегда была прекрасна.

— Пожалуй, после установки новой вытяжки у нас на камбузе стало очень даже неплохо, тебе не кажется? — заметил Ричард. — Пару, конечно, еще многовато…

— Я тебя ненавижу. Не мог бы ты поскорее избавиться от этих людей?

А на палубе в этот момент выступал Морис, который довольно-таки сильно опоздал к началу собрания. Выступал он явно в поддержку Уиллиса, ибо был неисправим и вечно кому-то сочувствовал. Работал Морис в соседней пивной — он даже заключил с ее хозяином трудовое соглашение, — и его работа заключалась в том, чтобы под вечер подцепить там мужчину, «кли-

ента», и привести его к себе на судно, а затем вернуть в лоно семьи. Но особого дохода это ему не приносило. Похоже, судьба от рождения закрыла ему доступ к доходным должностям, однако он — и тоже, видимо, с рождения — был абсолютно неспособен обижаться на судьбу ни за это, ни за что бы то ни было другое. Те, кому судьба Мориса была небезразлична, просто не могли объяснить ему, что так нельзя, и он продолжал совершенно одинаково относиться и к друзьям, и к врагам. Например, один весьма неприятный его знакомый постоянно использовал трюм «Мориса» для хранения краденого. Ричард и Лора, кстати, принадлежали к числу тех немногочисленных обитателей плавучих домов, которым об этом известно не было. Сам же Морис оказанной ему «честью» чуть ли не гордился: еще бы, ведь этот Гарри был для него не «клиентом», а просто знакомым, который *попросил его об одолжении*, ничего не предложив взамен.

— Мне нужно будет предупредить Гарри, чтобы он не вздумал вести разговоры о ваших протечках, — сказал Морис.

— А что он в этом понимает? — спросил Уиллис.

— Вообще-то, он на Торговом флоте служил.

Если покупатели станут осматривать «Дредноут», они и его могут спросить, какого он мнения об этом судне.

— Я ни разу не видел, чтобы он хоть с кем-то здесь разговаривал. Да он, по-моему, и бывает у вас нечасто, не так ли?

Вдруг «Лорд Джим» как-то нервно встряхнулся, содрогнувшись от носа до кормы, и сильно накренился. Впрочем, ничего не упало, поскольку на судне все всегда было надежно закреплено. Но сам «Лорд Джим» снова сильно вздрогнул и покачнулся на мощной приливной волне.

Люди, сидевшие вокруг стола, тоже, естественно, почувствовали эту дрожь, пронизавшую судно. Теперь в течение последующих шести часов или, может, чуть меньше, потому что прилив в Баттерси обычно длится пять с половиной часов, а отлив — шесть с половиной, все они уж точно будут жить не на суше, а на воде. И каждый, разумеется, сразу вспомнил все заплатки, деформации и дыры в теле своего судна, чувствуя их так же остро, как если бы это были болезни и недостатки его собственного организма. Люди и страшились немного возвращения на свою родную развалюху, и с каким-то болезненным рвением стремились поскорее снова туда по-

пасть и проверить, не дало ли их судно новую течь после того, как они в последний раз его смолили и конопатили. Речные баржи на Темзе практически лишены киля и могут ходить даже там, где глубина не превышает нескольких дюймов. Единственным исключением в собравшейся на палубе компании был некто Вудроу, владелец судна «Рочестер» и бывший директор какой-то маленькой компании, ныне вышедший на пенсию. Вуди был прямо-таки фанатическим сторонником правильной эксплуатации судна, и хотя приливная волна никаких реальных бед ему не сулила, он все же каждый раз трепетал от нетерпения в ожидании отлива, поскольку «Рочестер», как ему казалось, обладал на редкость красивыми очертаниями, причем не только в надводной части, но и в подводной, а теперь целых двенадцать часов никто не сможет любоваться тем, что у «Рочестера» ниже ватерлинии.

Про каждую из старых барж, стоявших в затоне Баттерси-Рич, было известно, что даже за самым слабым, но зловещим звуком — не громче стука захлопнутой дверцы буфета — вполне могут последовать и куда более громкие и тревожные трески, издаваемые обшивкой судна, палубными досками, балками и наветренным бортом; порой

все эти звуки сливались в громоподобные залпы или многоголосые стоны, казавшиеся почти человеческими. Это кричали и стонали в ожидании своих хозяев безумные старые суденышки, легко вздымаемые волнами прилива, поскольку никакого груза в трюмах у них не имелось.

Ричард, будучи неплохим командиром, даже сквозь прочную тиковую переборку сразу почуял напряжение, возникшее среди тех, что собрались у него на палубе. Если бы в давние времена он был мореплавателем и ходил на своем корабле по дальним морям, то команда никогда не сумела бы застигнуть его врасплох, предприняв, скажем, попытку мятежа.

— Я, пожалуй, пойду и объявлю собрание закрытым, — заявил он жене, — пусть отправляются по своим делам.

— Если хочешь, можно пригласить кого-нибудь к нам и немного выпить, — предложила Лора. — Если, конечно, там есть кто-то подходящий.

Она часто бессознательно подражала интонациям своего отца; и порой, как и ее отец, слишком много пила от скуки. Но сейчас Ричарда буквально переполняла благодарность и нежность к жене.

— А я сегодня «Кантри Лайф»[17] купила, — сообщила она.

Но Ричард уже успел это заметить. На «Лорде Джиме» поддерживался такой идеальный порядок, что любая новая вещь сразу становилась заметной. Журнал был открыт на странице с объявлениями о продаже земельной собственности и фотографией чудесной лужайки с кедровым деревом, от которого падала роскошная тень; на заднем плане виднелся дом квадратного сечения, который как бы пояснял, в чем, собственно, смысл этой лужайки. Похожие фотографии, где варьировались лишь размеры дома и название графства, публиковались в «Кантри Лайф» из месяца в месяц, и создавалось впечатление, что те, кто читает этот журнал, принципиально выше перемен или же сам журнал никаких подобных перемен не признает.

— Да нет, Ричард, меня совсем не этот дом заинтересовал, а чуть дальше, через несколько страниц. Там предлагается несколько домов, и все они значительно меньшего размера, — затараторила Лора.

---

[17] Примечания: 17

Country Life — иллюстрированный еженедельный журнал, рассчитанный преимущественно на читателей из среды землевладельцев и фермеров. Издается в Лондоне с 1897 г.

— Я могу, например, предложить Ненне Джеймс заглянуть к нам после собрания, — сказал Ричард. — Я Ненну с «Грейс» имею в виду.

— Вот как? Ты считаешь ее хорошенькой?

— Как-то никогда ее с этой стороны не оценивал.

— А разве муж от нее еще не ушел?

— Боюсь, я не в курсе их семейных дел.

— Наш почтальон раньше говорил, что писем на «Грейс» ему носить практически не приходится.

«Раньше» — потому что теперь почтальон больше никому не носил писем; это случилось после того, как он дважды свалился на «Морисе» с плохо закрепленных сходней, и вся утренняя почта пропала, угодив в грязные замусоренные воды великой реки. Вот тогда Главное почтовое управление с полным на то основанием и уведомило обитателей плавучих домов с Баттерси-Рич, что доставка почты к ним более осуществляться не будет. Они признали, правда, что в обоих случаях мистер Блейк с судна «Лорд Джим» спас их сотруднику жизнь, и даже выразили желание принести ему официальную благодарность. Но письма с тех пор обитатели барж были вынуждены сами забирать из почтового офиса, и у Лоры

порой возникало впечатление, что они живут за границей; во всяком случае, такая жизнь казалась ей не намного лучше, чем на чужбине.

— Мне кажется, Ненна — неплохой человек, — продолжал развивать свою мысль Ричард. — Нет, правда, очень даже неплохой. Хотя вряд ли мне захотелось бы остаться с ней наедине. Даже ненадолго.

— Интересно, почему?

— А потому, что я не уверен в том, как именно она может себя повести: вдруг у нее истерика случится или она, скажем, начнет одежду с себя срывать. — На самом деле нечто подобное однажды с Ричардом действительно случилось в офисе «Нестор и Сейдж», компании советников по инвестициям, где он работал. И теперь там хотели даже полностью сменить интерьер, сделав помещение офиса более открытым и современным.

Вернувшись на палубу, Ричард объявил, что собрание окончено, и все сразу вздохнули с облегчением. Стоя в дверях рубки и твердо держась на ногах, хотя судно уже довольно сильно качало, Ричард уже одним своим видом давал им понять: любые обстоятельства, какими бы сложными они ни казались, всегда можно успешно разрешить.

И дело было вовсе не в том, что Ричард был так уж в себе уверен или казался таковым; просто он всегда умел трезво оценивать возможные перспективы.

Уиллис горячо благодарил молодого Мориса за поддержку:

— О, вы так удачно выступили… друзья, как говорится, познаются в беде…

— Рад был помочь.

Но Уиллис, уже вылезая из-за стола, все-таки не удержался и сказал:

— А знаете, я все-таки не верю, что этот ваш знакомый когда-нибудь на Торговом флоте служил.

В общем, вопрос о продаже явно оказался в подвешенном состоянии, понял Ричард. Решительно, но вежливо он проводил членов этой обветшалой ассамблеи к сходням, как всегда, испытывая огромное облегчение, оттого что вновь оказался на палубе. Первые осенние туманы уже окутали причал, не давая возможности видеть его во всю длину. Вокруг «Лорда Джима» крошечными лодочками лениво кружили морские чайки, и борт у ватерлинии был весь облеплен белыми перьями.

— У вас в любом случае еще есть время, чтобы потихоньку устранить беспокоящие неполад-

ки, — сказал Ричард Уиллису, — ведь продать такое старое судно непросто, да и вообще это дело долгое. У вас ведь основная течь где-то в кормовой части, не так ли?.. и, по-моему, постоянно работают все четыре насоса?.. по одному у каждого кингстона?

Однако мнение Ричарда о состоянии «Дредноута» было столь далеко от действительности, что Уиллис счел за лучшее ничего ему не объяснять и отделался довольно странным жестом, отчасти напоминавшим попытку старшины отдать честь капитану. А затем поспешил вслед за остальными, ибо они уже сошли по сходням на причал и потихоньку тащились к своим домам. Всю центральную часть причала обычно занимали мелкие суда, используемые в основном только летом; теперь почти все они уже приготовились зимовать здесь, и некоторые, дважды пришвартованные, были заботливо укрыты брезентом от грядущей непогоды. Эти суденышки принадлежали так называемым любителям хорошей погоды. Из-за них обитателям старых речных барж приходилось далеко тащиться, почти до территории пивного завода, а затем через бак «Мориса» или «Грейс» перебираться по сходням на свои суда. Вуди, например, был вынужден

преодолевать несколько таких препятствий — переходя с «Мориса» на «Грейс» и на «Дредноут», — чтобы добраться до своего «Рочестера», поскольку непосредственно рядом с причалом был пришвартован один лишь «Морис».

Как раз в этот момент мимо проплывал, ярко светясь огнями, один из последних в этом сезоне прогулочных пароходов, направлявшийся в Кью[18]. «А вот и Баттерси-Рич, леди и джентльмены. Справа от вас колония художников. На этих судах люди живут постоянно, точно так же, как в Париже на Сене. Они здесь, знаете ли, ведут абсолютно богемный образ жизни, свойственный художникам. Да-да, уверяю вас, на этих старых баржах действительно живут люди!»

После собрания Ричард отвел в сторонку Ненну Джеймс.

— Мне было бы очень приятно, если бы вы согласились заглянуть к нам ненадолго и немного выпить. И Лора тоже очень надеялась, что вы будете не против…

Ненна отличалась довольно сложным характером, однако благодаря особому инстинкту почти сразу могла понять, отчего тот или иной человек

---

[18] Примечания: 18

Западная часть Лондона, где расположен большой ботанический сад Кью-Гарденз, основанный в 1759 г.

несчастлив; этот инстинкт изменил ей лишь однажды — в случае с ее собственным мужем. Однако сейчас она прекрасно видела, как сильно Ричард огорчен неудачным собранием, где, собственно, так и не было дано никакой оценки неприятной ситуации с «Дредноутом», да и саму эту ситуацию толком не обсудили.

— Хорошо бы поточнее узнать, который сейчас час, — сказала Ненна.

И доставила этим Ричарду огромное удовольствие — ему всегда бывало приятно что-либо установить с максимальной точностью. Точное время! В таком случае Ненна, возможно, захочет взглянуть на его хронометры? На небольших судах хронометры частенько давали сбой — сказывались и температурные колебания, и, разумеется, вибрация, — но у Ричарда они работали идеально; он мог бы сообщить Ненне не только точное время, но и высоту прилива, а также уровень воды под каждым мостом на Темзе. К сожалению, редко кого интересовали подобные вещи.

Подавая в отверстие люка поднос с бутылками и бокалами, а также большое блюдо со всевозможными закусками, Лора заметила:

— Чем это у нас здесь так странно пахнет?

На палубе действительно отчетливо чувствовался запах вара; этот запах постоянно тянется повсюду за владельцами старых барж, поскольку значительную часть дня они посвящают текущему ремонту.

— Хорошо, дорогая, если тебе так не нравится этот запах, давайте пройдем на корму, — предложил Ричард, подхватывая поднос. Он никогда не позволял женщинам носить что-либо тяжелое. И все трое перебрались в кокпит, уютное помещение со встроенными шкафчиками и рундуками, на которых были разбросаны красные подушки. В углу неярко светился маленький обогреватель, тщательно отрегулированный и поддерживавший оптимальный уровень тепла.

Лора, тяжеловато плюхнувшись на сиденье, передала Ненне высокий стакан с джином и спросила:

— Скажите, как вам теперь живется — без мужа? Я, вообще-то, часто об этом задумываюсь.

— Может быть, хотите еще немного льда? — перебил жену Ричард. Льда на столе имелось в избытке.

— Видите ли, мой муж меня не бросал, — заверила Ненна. — Просто так получилось, что мы не вместе.

— Ну, вам, разумеется, лучше знать. Меня, собственно, интересовало, как вы без него справляетесь? Сейчас ведь такие холодные ночи… и, пожалуйста, не обращайте внимания на Ричарда — ведь если вдуматься, это скорее комплимент в его адрес.

Ненна смотрела то на одного, то на другого и, пожалуй, испытывала даже облегчение, получив возможность поговорить о своих проблемах.

— Ну да, я тоже не умею делать многое из того, чего женщинам попросту уметь не дано, — призналась она. — Например, не умею переворачивать страницы «Таймс», чтобы они ложились ровно, не умею так аккуратно свернуть карту, чтобы все изгибы непременно совпали, не умею ровно вбить гвоздь, не могу одна войти в бар, заказать выпивку и не думать при этом, какое впечатление произвожу на присутствующих, а еще я не умею зажигать спички по направлению к себе. Зато у меня хорошее образование и двое детей, и в целом я справляюсь очень даже неплохо, потому что есть еще много разных жизненно необходимых вещей, которые я делать умею; но того, что я только что перечислила, я делать так и не научилась, и, когда сталкиваюсь с этим, мне больше всего хочется разреветься.

— Я наверняка смог бы научить вас правильно сворачивать карту, — сказал Ричард, — это совсем нетрудно, просто нужен некоторый навык.

Казалось, глаза у Лоры даже немного сдвинулись к переносице, так сосредоточенно она вслушивалась в разговор.

— Он что же, так и оставил вас на этом судне? — спросила она.

— Нет. Дело в том, что «Грейс» я купила сама, пока он был в отъезде, и истратила на это почти все деньги, какие у нас тогда еще оставались. Мне хотелось, чтобы нам с девочками было где жить.

— И вам действительно нравится на этой барже?

— Да, я к таким судам вполне привыкла. Я ведь выросла в Галифаксе. У моего отца была летняя дачка на берегу озера Бра д'Ор. Там у всех какое-нибудь судно имелось.

— Надеюсь, у вас в данный момент нет проблем с ремонтом? — поинтересовался Ричард.

— Нет, хотя во время дождя вода вниз затекает.

— Ага, с наветренного борта. А вы не пробовали брезент над палубой натянуть?

Но как Ричард ни старался, он никак не мог уразуметь, как можно жить, если у тебя в доме постоянно что-то не в порядке?

— Хотя лично я сомневаюсь, — сказал он, — стоит ли без конца ремонтировать старые баржи. На мой взгляд, их следует сразу воспринимать как убыточное имущество. Пусть себе догнивают потихоньку год за годом, зато вы всегда будете знать, сколь малы были ваши затраты на содержание такого плавучего дома. Ну а через несколько лет прилив попросту унесет прочь его жалкие останки, стоимость которых к этому времени упадет уже ниже нуля.

— Просто не представляю, а нам-то где тогда жить? — вздохнула Ненна.

— Но вы же, по-моему, говорили, что хотите подыскать что-нибудь на берегу?

— Хотеть-то мы, конечно, хотим…

— Ох, простите, если мой вопрос вас расстроил…

А Лора между тем, без особого желания прислушиваясь к их разговору, продолжала опустошать один стакан джина за другим. Впрочем, алкоголь пробуждал в ней скорее любопытство, чем враждебность.

— Где это вы раздобыли такую чудесную шерстяную фуфайку? — спросила она у Ненны.

На обеих женщинах были толстые темно-синие свитеры, какие обычно носят моряки и любите-

ли парусного спорта — с довольно широкими, в полдюйма шириной, разрезами внизу вдоль боковых швов. Поскольку в уютном кокпите было очень тепло, Ненна даже рукава закатала, демонстрируя округлые предплечья, покрытые легким золотистым пушком.

— Этот свитер я купила на распродаже, на том конце Куинстаун-роуд.

— Хотя он, пожалуй, не такой толстый, как мой.

И Лора, наклонившись к гостье, забрала в горсть изрядный кусок свитера, большим и указательным пальцами ощупывая плотность вязки.

— Я в качестве таких вещей разбираюсь и сразу могу сказать: он не такой толстый. Ричард, хочешь пощупать?

— Нет, боюсь, я в таких вещах разбираюсь плоховато.

— Тогда прибавь, пожалуйста, нагрев. Да поверни же регулятор печки, идиот! Ненна просто замерзает!

— Нет-нет, мне очень тепло, спасибо…

— А по-моему, вам необходимо согреться! Ричард, ты забываешь, что Ненна — твоя гостья!

— Я, конечно, могу еще прибавить, *если тебе угодно*, — с некоторым нажимом произнес

Ричард. — Я могу хоть до отказа регулятор повернуть.

— Да нет, не нужно ничего прибавлять! — поспешно заверила его Ненна.

Она прекрасно понимала: если бы с его стороны это не выглядело как предательство, он бы напрямую попросил ее что-нибудь сказать или сделать, и поэтому сразу заговорила:

— Знаете, на нашем конце причала в качестве топлива используется практически все. Куски плавника, выброшенный на берег уголь, вообще все, что может гореть. Морис рассказывал, что прошлой зимой ему пришлось позаимствовать на «Дредноуте» свечку, чтобы разморозить замок на двери той сараюшки на палубе, где он топливо хранит. А в другой раз, когда у него был в гостях один из его приятелей, ему никак не удавалось разжечь на камбузе плиту, и в итоге он был вынужден использовать в качестве растопки горстку спичек и деревянных шпажек для сыра.

— Совершенно порочная идея — держать топливо на палубе, — заметил Ричард.

Лора теперь прислушивалась к их разговору с каким-то болезненным интересом, а потому спросила:

— А разве шпажки для сыра горят?

— Морис считает, что очень даже неплохо.

На мгновение Лора исчезла, и у Ненны как раз хватило времени, чтобы сказать: «Мне пора идти», но тут Лора снова появилась, слегка покачиваясь, но все же стараясь держать фасон, и в руках у нее была большая жестянка с сырными шпажками.

— Куплено, между прочим, у Фортнума[19], — объявила она.

А потом, обойдя Ричарда, который, разумеется, тут же вскочил, заметив, что жена что-то несет, щелчком открыла жестянку и высыпала золотистые деревянные шпажки прямо на докрасна раскаленный обогреватель.

— Вот теперь действительно жарко!

Шпажки мгновенно вспыхнули, распространяя мощную вонь подгорелого сыра.

— Просто прелесть! А как тепло! И у меня еще много таких есть! Наш камбуз этими шпажками просто битком набит! Сейчас мы заставим Ричарда все их принести и бросим в огонь. Да, сейчас мы их дружно бросим в огонь!

---

[19] Примечания: 19

«Фортнум и Мейсон» — большой магазин на Пиккадилли-стрит, рассчитанный на богатых покупателей; основан в 1707 г. и назван по имени своего первого владельца У. Фортнума, придворного лакея королевы Анны, 1665–1714 г.

— Кто-то идет, — забеспокоилась Ненна.

На палубе послышались шаги, и Ненна, точно жертва осады, испытала невероятное облегчение, узнав решительную поступь своей младшей дочери. Впрочем, там были слышны и еще чьи-то шаги, крупные, тяжелые. Ненна резко обернулась, чуть не свернув себе шею.

— Ма, тут у вас чем-то горелым пахнет!

После короткой, но яростной схватки с женой Ричарду удалось перехватить жестянку со шпажками, а Ненна подошла к трапу и спросила у дочери:

— Кто это там с тобой, Тильда?

На верхней ступеньке трапа появились ножки шестилетней Тильды в резиновых сапогах, покрытых коркой засохшей грязи.

— Это отец Уотсон.

И, поскольку смущенная Ненна слегка замешкалась с ответом, Тильда завопила во весь голос:

— Ма, ты что? Это же наш старый добрый пастор! Он заглянул к нам на «Грейс», а я привела его сюда.

— Отец Уотсон вовсе не старый, Тильда. Проводи его, пожалуйста, сюда. То есть…

— Ну, разумеется, — поспешил поддержать ее Ричард. — Вы ведь выпьете с нами виски, святой

отец? — Он не знал человека, с которым разговаривал, но, судя по фильмам, мог предположить, что священники Римско-католической церкви виски, безусловно, пьют, а также любят рассказывать длинные истории, что вполне может оказаться полезным в сложившейся ситуации. Ненна была искренне восхищена тем, как уверенно и спокойно держится Ричард, и думала, что сейчас, пожалуй, с удовольствием бросилась бы ему на шею.

— Нет, я никак не смогу к вам присоединиться, но все равно большое спасибо! — крикнул сверху отец Уотсон, и его хлопающие на ветру брюки появились в проеме люка рядом с «веллингтонами» Тильды. — Миссис Джеймс, можно вас на два слова? Впрочем, если вы заняты или это еще по какой-то причине неудобно, я с легкостью подожду более подходящего случая.

Однако Ненна уже поднималась к нему по трапу, чем несколько его удивила; надо сказать, отец Уотсон редко чувствовал себя по-настоящему желанным гостем. Начинало моросить, и на его длинном макинтоше блестели мелкие капельки дождя, в которых отражались и береговые огни, и огни на палубе судна, стоявшего на якоре и покачивавшегося на волнах прилива.

— Боюсь, ваша малышка промокнет, — заметил отец Уотсон.

— Ничего, она у нас водоустойчивая, — успокоила его Ненна.

Едва они сошли на причал, как отец Уотсон размеренно и неторопливо принялся излагать цель своего посещения «Грейс»:

— Я ведь, собственно, пришел по поводу ваших детей, как вы, должно быть, уже догадались. Письмо из монастырской школы от сестер-воспитательниц, письмо из монастыря Милосердия Господня… — Отцу Уотсону порой приходило в голову, что выполнение подобных неприятных поручений удавалось бы ему гораздо лучше, если бы он обладал, скажем, ирландским акцентом или еще какой-нибудь оригинальной особенностью речи. — Ваши девочки, миссис Джеймс… вот эта, Тильда, и вторая, ей, кажется, двенадцать…

— Марта.

— Какое очаровательное, радостное имя! Марта взяла на себя хлопоты по дому во время посещения Лазаря Господом нашим[20]. Только ведь, по-моему, святой с таким именем нет?

---

[20] Примечания: 20

Имеется в виду притча о воскресении Лазаря. Марта (Марфа) — сестра Лазаря и Марии. — Евангелие от Луки, 10, 38–41; Евангелие от Иоанна 11, 1–40.

Похоже, все эти слова отец Уотсон произносил почти машинально. Да и вряд ли стоило тащиться в такую даль, покинув свой, пусть и не слишком уютный, домик священника, только затем, чтобы обсудить имя «Марта».

— Впрочем, во время конфирмации, я полагаю, девочка получит другое имя. А конфирмацию вам бы не следовало надолго откладывать. Я бы предложил, скажем, Стелла Марис, Морская Звезда, раз уж вы решили поселиться здесь, на поверхности вод…

— Святой отец, вы ведь, наверное, пришли с жалобой на то, что девочки плохо посещают школу?

Они уже добрались до того конца причала, который был освещен особенно плохо. Хозяин пивоваренного завода, которому принадлежала эта территория, обуреваемый идеей — как и все пивовары 1960-х годов — возродить те увеселения, что, согласно их предположениям, были свойственны восемнадцатому веку, испросил разрешения превратить запущенный участок земли в модный пивной сад. Однако подобная идея уже сама по себе противоречила духу затона Баттерси-Рич, насквозь промокшего, исполненного меланхолии, но стойко противостоящего

трудностям. Когда же все эти грандиозные планы были отправлены в долгий ящик, территорию сдали в аренду хозяевам различных недолговечных мастерских и складов, о деятельности которых свидетельствовали полуразвалившиеся сараи, ангары и навесы, все еще, должно быть, являвшиеся чьей-то собственностью, а также груды упаковочных клетей с выцветшими надписями, сделанными по трафарету.

Однако эта территория, заброшенная и кишащая крысами, по-прежнему относилась к причалу. Здесь был тот самый участок берега, где призраки Вергилия простирали руки, страстно, но тщетно стремясь перебраться через реку, где Данте, человеку живому, перевозчик отказал в переправе и где останки дощатого настила как бы обозначали место встречи суши и воды; именно в таком месте, безусловно, стоило остановиться и поразмышлять над смыслом жизни, даже если перед этим ты, подобно отцу Уотсону, споткнулся в темноте о десятигаллонную канистру с креозотом.

— Боюсь, я не привык к столь слабому освещению, миссис Джеймс…

— А вы смотрите на небо, святой отец. Старайтесь смотреть на самую светлую его часть, и ваше

зрение понемногу адаптируется.

Тильда давно уже умчалась вперед; она и в полной темноте чувствовала себя как дома в любом месте, где рядом была видна и слышна вода. Чувствуя, что уже отдала священнику долг вежливости — а этого всегда настоятельно требовали от нее и мать, и старшая сестра, — Тильда неслышно перебежала по сходням на палубу «Мориса», а потом, лишь чуточку замешкавшись в темноте, отыскала и те сходни, что соединяли «Мориса» с «Грейс».

— Вы меня извините, миссис Джеймс, но дальше я, пожалуй, не пойду. Вы были правы: более всего нас беспокоит нерегулярное посещение вашими девочками школы. Видите ли, ситуация, как мне объяснили, такова, что возникают проблемы с законом…

Господи, вот бедняга, думала Ненна. Как же его удручает необходимость говорить ей подобные вещи! И как все это, должно быть, далеко от тех ожиданий, какие он питал, когда стал священником и впервые преодолел две низшие ступени духовной иерархии, окончательно смирившись со своей новой судьбой и отрекшись ото всего земного! Стоит, бедолага, с несчастным видом на окутанном густыми сумерками грязном при-

чале, больно ударившись о бидон с креозотом, и пытается играть роль даже не монастырского капеллана, а обыкновенного чиновника из отдела школьного образования!

— Я знаю, святой отец, что мои дочери в последнее время нерегулярно посещали школу. Но, с другой стороны, они ведь болели.

Вряд ли можно было ожидать, что подобное вранье запросто проглотит даже такой смиренный человек, как отец Уотсон. И он, естественно, возразил:

— Однако меня просто поразила крепость духа и тела, свойственные вашей младшей дочери. По-моему, она совершенно здорова. У меня даже мелькнула мысль, что неплохо бы ей впоследствии пройти обучение в одной из этих женских вспомогательных служб, которые так хорошо себя проявили во время войны — я имею в виду, разумеется, WRENS[21]. Работа в таких организациях отнюдь не является несовместимой с жизнью истинного христианина.

— Но ведь с детьми, знаете ли, всегда так: сегодня ребенок абсолютно здоров, а завтра уже заболел. — Ненна отличалась довольно гибким

[21] Примечания: 21
Women's Royal Naval Service — женская вспомогательная служба ВМС.

отношением к понятию «правдивость»; в этом плане у нее было куда больше сходства с Уиллисом, чем с Ричардом. — И с Мартой все примерно так же, что, кстати, вполне естественно в ее переходном возрасте.

Ненна надеялась хоть немного смутить или встревожить священника своими намеками на приближающийся пубертатный период в жизни Марты, однако его это, похоже, только воодушевило.

— Если именно это вас беспокоит, то вам лучше всего поручить девочку заботам умелых и понимающих сестер. — «До чего же все-таки у него затравленный вид!» — думала Ненна. — Они, кстати, выражали надежду, что уже в следующий понедельник увидят в классе обеих ваших дочерей.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Вот и отлично, миссис Джеймс.

— Разве вы к нам не зайдете?

— Нет, нет, я бы не хотел второй раз рисковать и перебираться по этим сходням. — «Интересно, а что с ним случилось в первый раз?» — подумала Ненна. — Боюсь, я уже и без того несколько утратил чувство направления, так что вынужден просить вас показать, как мне снова выбраться

на сушу.

Ненна не только проводила его кратчайшим путем прямо на набережную — через ворота, болтавшиеся на проржавевших петлях и давно уже ни для кого не служившие препятствием, — но и подсказала, где ему нужно свернуть сперва налево, потом направо, а уж затем по Партизанской улице выйти прямо на Кингз-роуд. Прощаясь со священником, она заметила, что на лице у него написано прямо-таки невероятное облегчение, как если бы ему удалось успешно завершить труднейшую миссию, посетив обитателей подземных вод.

— Мам, я ужин приготовила, — сообщила Марта, когда Ненна вернулась на «Грейс». Она чувствовала, что нравилась бы себе куда больше, если б походила на старшую дочь. Однако Марта, маленькая, худенькая, с темными глазами, в которых уже отчетливо отражалось ее спокойное отношение к недостаткам окружающего мира, на мать была совсем не похожа, а на отца — и еще меньше. Она давно преодолела тот критический рубеж, когда дети осознают, что их родители младше них самих. — Я печеные бобы разогрела, но если отец Уотсон тоже будет с нами ужинать, придется еще одну банку открыть.

— Нет, дорогая, он домой пошел.

Ненна, чувствуя себя ужасно усталой, присела на кильсон, тянувшийся вдоль всей плоскодонной баржи. Да, думала она, это большая ошибка — докатиться до того, чтобы почти полностью зависеть от собственных детей.

Марта уверенно возилась на камбузе, где имелась и газовая плита с двумя конфорками, присоединенная к обогревателю, и медная раковина с краном. Вода в кран поступала из расположенного на палубе бака, который раз в сутки наполнял служитель из Управления портом. Кухонные заботы всегда требовали от Марты известной импровизации, вот и сейчас она пристроила три жестяных тарелки над исходящей паром сковородкой с бобами, чтобы согрелись.

— Весело было на «Лорде Джиме»?

— Ну что ты! Совсем нет.

— А как ты думаешь, мне бы там понравилось?

— Думаю, что нет. Миссис Блейк высыпала в обогреватель шпажки для сыра, и они загорелись.

— И что на это сказал мистер Блейк?

— Ничего. Он хочет, чтобы она была счастлива, хочет… сделать ее счастливой. В общем, я не знаю.

— А чего от нас хотел отец Уотсон?

— Разве он с тобой ни о чем так и не поговорил?

— Он-то, может, и собирался со мной поговорить, да только я сразу же отправила его вместе с Тильдой тебя искать; ей, кстати, невредно было прогуляться.

— Значит, он ничего тебе не сказал?

— Понимаешь, как только он сюда спустился, я тут же налила ему чашку чая, и мы вместе прочли покаянную молитву.

— Он хотел знать, почему ты в последнее время в школу не ходишь.

Марта вздохнула.

— Я все это время твои письма читала, — призналась она. — Они у тебя по всей каюте валяются, а ты сама в них даже не заглядываешь.

Эти письма служили для Ненны связующим звеном не только с сушей, но и с ее прошлой жизнью. Все они почти наверняка были из Канады, от ее сестры Луизы, которая, скорее всего, сообщала о том, что намерена «встряхнуть» кое-какие старые знакомства, когда проездом окажется в Лондоне, или о том, что хорошо бы подыскать подходящую семью для «очень милого австрийского мальчика», не намного старше Марты, отец

которого, кажется, граф, однако занимается каким-то крутым импортно-экспортным бизнесом; а может, Луиза пыталась вспомнить «одного чудесного человека», близкого друга кого-то из ее друзей, у которого в жизни была «очень, очень печальная история». Кроме писем от Луизы там, конечно, нашлась бы и парочка счетов, вряд ли больше, потому что кредитов Ненна никогда не брала, а также, возможно, открытка от какой-нибудь школьной подруги, начинающаяся словами «Спорим, ты меня не помнишь», и несколько листовок, призывающих участвовать в благотворительности — эти листовки отец Уотсон постоянно рассылает даже по таким малообещающим адресам, как баржа «Грейс».

— От папы что-нибудь есть?

— Нет, мам, это я в первую очередь проверила.

Что ж, больше тут и сказать было нечего.

— Ох, Марта, голова у меня просто раскалывается. Печеные бобы в таких случаях — самое оно.

На камбуз спустилась Тильда, мокрая с головы до ног и прямо-таки черная от грязи.

— А Уиллис мне рисунок подарил!

— И что там нарисовано?

— «Лорд Джим», а еще разные чайки.

— Тебе не следует принимать такие подарки.

— Ой, так я ему один рисунок уже обратно отдала.

Оказалось, что Тильда ждала на «Дредноуте» прилива, чтобы посмотреть, сколько воды попадает внутрь в месте основной протечки. Она сообщила, что вода в каюте поднялась очень высоко, почти на высоту койки Уиллиса, чуть одеяла не замочила. Ненна была искренне огорчена этим, и Тильда попыталась ее успокоить:

— Ну, мама, ведь при отливе вся вода непременно уйдет! Хотя Уиллису придется показывать судно покупателям только во время отлива, а потом быстренько уводить их на берег, пока снова прилив не начался.

— Вообще-то, он мог бы его немного и подремонтировать, — заметила Марта.

— Нет, сама Судьба против него ополчилась, — решительно заявила Тильда. Затем проглотила пару ложек печеных бобов, положила голову на стол и мгновенно уснула. Впрочем, купать ее все равно было нельзя: грязную воду разрешалось спускать только во время отлива.

А сейчас как раз набирал силу прилив. Туман рассеялся; видневшаяся на северо-востоке, на Лотс-роуд, электростанция выпустила из четырех своих фантастически огромных труб длинные

перья жемчужно-белого дыма, и теперь этот дым медленно стекал на землю, приобретая неприятный бурый оттенок. Ярко горели береговые огни, а у самого берега на поверхности широкой полосы воды то и дело возникали многочисленные воронкообразные вихри, выдавая местонахождение тех предметов, которые река оказалась не в состоянии скрыть. Если бы на старой Темзе по-прежнему жили ремесленники и осуществлялся торговый обмен, если бы лодочники по-прежнему получали неплохой приработок, обчищая карманы утопленников, то близился бы как раз их час. И словно усугубляя драматизм сцены, по прозрачному темно-фиолетовому небу плыли и плыли в вышине тяжелые осенние облака.

После ужина они еще немного посидели при свете очага. Ненна страдала от неприятной необходимости все-таки написать Луизе, которая была замужем за успешным бизнесменом. Письмо она начала так: «Дорогая сестренка, скажи своему Джоэлю, что для моих девочек неплохим образованием является уже одно то, что они живут и учатся в самом центре британской столицы, причем на берегу той великой исторической реки, что пересекает весь Лондон…»

Глава вторая

Тильда торчала на верхушке мачты. Да, на «Грейс» была пятнадцатифутовая мачта из почерневшей сосны, укрепленная в табернакле, так что легко опускалась на палубу в те времена, когда баржа еще курсировала между Ричмондом и морским побережьем, проплывая подо всеми двадцатью восемью мостами. Бизань и шпринтов на «Грейс» отсутствовали, да и имеющаяся фок-мачта вовсе не предназначалась для того, чтобы на нее забираться, но Тильда все-таки забиралась и подолгу сидела «на верхотуре», хотя сидеть там было явно не на чем.

Марта, не менее храбрая и решительная, чем сестра, тоже иногда залезала на мачту и, повиснув примерно на фут ниже Тильды, читала вслух какой-нибудь комикс-ужастик. Но сегодня Тильда оказалась там одна, как всегда оглядывая сверху окрестности и следя за постоянно кренившейся палубой, угол которой менялся в зависимости от того, провисали или натягивались швартовы. С верхушки мачты отлично просматривался и равнодушно-бездейственный берег, и полные

тайн воды реки.

Будущее Тильду абсолютно не интересовало, и в результате ей была дарована великолепная способность уже в настоящем чувствовать себя счастливой. В данный момент, например, она казалась себе совершенно счастливой.

Она ждала, когда переменится приливная волна. Точно напротив «Грейс» в стоячей воде спокойно лежала целая груда упаковочных клетей, некогда привезенных по бесконечным извилистым дорогам за двадцать миль из Грейвзенда, и эти клети были явно заколдованными, ибо никогда даже на дюйм не сдвигались ни в ту, ни в другую сторону. Вот лихтеры[22], например, качаясь на якорях, то и дело вертелись в разные стороны и были совершенно беспомощны, не обладая соответствующими инструкциями относительно приливов. А еще было очень странно видеть, как быстро движутся по небу облака, а вода внизу остается абсолютно неподвижной.

Тильда дважды моргнула, рискуя пропустить самую важную для нее пару секунд, но все же успела заметить, как край одной из упаковочных

---

[22] Примечания: 22

Лихтер — несамоходное морское судно для перевозки грузов и для беспричальных операций при погрузке-разгрузке на рейде глубокосидящих судов, которые не могут войти в порт.

клетей начал медленно, словно украдкой, отползать от основной груды и потихоньку огибать ее, описывая полукруг. Тильда, затаив дыхание следившая за этим, позволила себе набрать в легкие воздуха. Дрожь прошла по канатам и якорным цепям судов, лихтеры, только начавшие движение, сразу же стукнулись металлическими бортами и сбились в кучку. Прилив сменялся отливом. Скопившийся у берега плавник какое-то время еще продолжал двигаться вверх по воде, подгоняемый приливной волной, но отлив уже начинал сгонять его к середине реки, снова направляя всю эту довольно плотную массу в сторону моря вместе с повернувшей туда Темзой.

Уиллис не раз рассказывал Тильде, что на таких старых баржах, как у них, раньше имелись огромные паруса, однако в большой команде эти суда совершенно не нуждались — вполне хватало двух человек, скажем, одного взрослого мужчины и одного мальчика, и эти двое легко со всем своим хозяйством справлялись. В те времена паруса на речных баржах были коричневыми, как сама земля, и настолько пропитанными маслом, что, казалось, никогда до конца не просыхали. Теперь таких парусов уже не осталось. Впрочем, «Грейс» паруса не понадобились бы ни

для того, чтобы выйти в море во время отлива, ни для того, чтобы достигнуть Лондонского порта. Благодаря плоскому днищу, она легко поднялась бы вверх по реке вместе с приливной волной, выключив все двигатели и всего лишь умело используя подводные течения. И тому шестилетнему мальчику все эти течения и опасные повороты были хорошо известны. Он давно уже изучал тайны Темзы. Никто, кроме него, не заметил бы блеснувшего золотом и бриллиантом перстня на пальце мертвого мужчины, рука которого на мгновение вынырнула из воды. Прощай! Он узнал эту руку: она принадлежала его отцу, давно исчезнувшему. Тогда «Грейс» со своей грузоподъемностью 180 тонн легко проходила даже под низкими арками мостов у берегов Миддлсекса, где не могли пройти другие суда, равные ей или превосходившие ее размерами. У моста Тауэр-Бридж сигнальные диски, имевшие четыре фута в диаметре и разрисованные черными и белыми полосами, показывали уровень воды по отношению к берегу, и если вода добиралась до отметки «четырнадцать футов», это означало, что мост невозможно поднять по техническим или каким-то иным причинам. В таких случаях пройти там могла только «Грейс» — не «Морис»

и даже не «Дредноут», — и это было поистине незабываемое зрелище. Толпы людей, мужчин и женщин, выходили полюбоваться, как «Грейс», расправив большие коричневые паруса, поднимается вверх по реке, и у ворота лебедки стоит при этом всего лишь шестилетний ребенок, а сама баржа, направляясь в Ушант, уже, казалось, чует запахи открытого моря.

У подножия мачты Тильда услышала царапанье. Это кошка с облепленной пухом и перьями чаек мордой предпринимала тщетные попытки взобраться по стволу мачты, но через пару футов когти у нее соскальзывали, и она падала на палубу.

— Страйпи!

Корабельная кошка Страйпи была плоть от плоти Баттерси-Рич. Она даже передвигалась по-моряцки, плотно «прилипая» брюхом к палубе, напряженная как пружина и готовая к любым фокусам непогоды. Уши Страйпи всегда прижимала к голове так плотно, что они были почти незаметны.

Но, хотя за все эти годы Страйпи не утратила самоуважения и постоянно старалась вылизать себя дочиста, ее все же покрывал довольно плотный слой грязи, причем как на брюхе, так и на

холке. Однако прихорашиваться она никогда не переставала. Страйпи приходилось вечно к чему-то приспосабливаться, причем не только к приливам, отливам и сезонным сменам погоды, но и к крысам, с которыми она регулярно встречалась и на верфях, и на причале. Пока крысы не достигали определенного размера — а они достигали его уже через несколько недель после появления на свет, — Страйпи ловила их и съедала, а затем, инстинктивно чувствуя безусловное собственное превосходство, приносила в каюту крысиные хвосты и складывала к ногам Марты. Все прочие крысы, превосходившие упомянутый размер, сами на нее охотились, и в результате Страйпи постоянно испытывала неуверенность в том, нападать ей или спасаться бегством, из-за чего кошачий рассудок начал страдать определенной нестабильностью.

Страйпи не заботило, будут ли люди ее кормить, в этом отношении она проявляла полную самостоятельность и прекрасно знала, как согреться в холодную погоду. Спала она обычно на палубе одной из барж, возле дымовой трубы, где обычно было грудой навалено разнообразное топливо. Иногда, впрочем, она сворачивалась клубком прямо на выходном отверстии, создавала непре-

одолимое препятствие для дыма, который, естественно, возвращался обратно, делая жизнь обитателей баржи совершенно невыносимой. Эта неприятная привычка Страйпи привела к тому, что Вуди, Уиллиса, Ненну, Мориса, а также клиентов Мориса одолевал порой мучительный надсадный кашель; впрочем, кошка постоянно меняла место ночлега и редко проводила две ночи подряд на одном и том же судне.

Сидя на мачте, Тильда воображала себя то мореплавателем, вышедшим на «Грейс» в открытое море, то начальником порта, который внимательно следит за причалом и пришвартованными судами. Собственно, основой ее представлений об окружающем мире служило именно то, что она видела у причала и в затоне, и, в общем, представления эти имели крайне малое отношение к жизни того огромного города, неустанно трудившегося всего в сотне ярдов от «Грейс».

На палубе «Лорда Джима» она никакого движения не заметила. Зато увидела на причале Уиллиса, который направлялся к «Дредноуту» вместе с каким-то человеком, наверное, чиновником Управления, который, судя по его сердитой жестикуляции, отказывался обеспечить Уиллиса варом, газом и водой, пока тот не оплатит преды-

дущие счета.

А вот владелец «Рочестера» Вуди, видимо, опять готовился на всю зиму «залечь в берлогу». Пожалуй, думала Тильда, он все-таки единственный *ненастоящий* обитатель плавучих домов. Принадлежавшая Уиллису маленькая звукозаписывающая компания, как он сам объяснял и даже, пожалуй, слишком часто, «самоликвидировалась», однако и теперь средств у него хватало, чтобы существовать более-менее достойно, так что холодную зиму он собирался провести в собственном доме в Перли. Понятие более-менее достойного существования казалось обитателям северного конца причала довольно-таки странным. Тем более Вуди еще и поговаривал о том, чтобы *нанять работников*, которые как следует отскребли бы корпус «Рочестера» и сделали его таким же чистым, как у «Лорда Джима». Все старые баржи были покрыты толстым слоем различных представителей морской флоры и фауны, поэтому даже просто добраться до деревянной обшивки было весьма затруднительно. Борта у них поросли таким количеством зеленых водорослей и всевозможных ракушек, что проплывающие мимо киты вполне могли бы их приветствовать как своих сородичей.

На палубе «Мориса» тоже никого видно не было, но Тильда знала, что Мориса, как это случалось довольно часто, пригласили на весь день в Брайтон. Но, присмотревшись, девочка заметила, что дверь его рубки не заперта. А вскоре на причал въехал легкий грузовичок, из него выпрыгнул какой-то человек и прямо с причала стал одну за другой сбрасывать на палубу «Мориса» какие-то картонные коробки. Одна из коробок от удара раскрылась, и Тильда увидела, что она битком набита фенами для волос. Заметив это, незнакомый тип был вынужден перебраться на палубу и аккуратно сложить коробки. Их бы хорошо еще и куском брезента накрыть, подумала Тильда, хотя брезент он, похоже, с собой захватить забыл. Да и вообще этот тип явно старался особо на палубе не задерживаться и, сложив коробки, сразу поспешил к грузовику. Только тогда девочке и удалось мельком разглядеть его лицо, которое оказалось довольно странным: очень бледным и начисто лишенным какого бы то ни было выражения. Вполне возможно, смену выражений лица этот тип считал чем-то необязательным, входящими, так сказать, в число дополнительных услуг.

Вскоре мимо «Мориса» вновь прошел Уиллис, двигавшийся, как всегда, неторопливо. Он остано-

вился, с удивлением рассматривая груду коробок, высившуюся на палубе, даже головой недовольно покачал, но почему-то так ничего и не предпринял. Ненна вполне могла бы прибавить к своему списку «вещей, которые мужчины умеют делать гораздо лучше женщин», подобное умение вести себя столь же неторопливо и достойно в весьма неоднозначной ситуации и ровным счетом ничего не предпринимать. Но как, с другой стороны, Уиллису следовало на появление этих коробок отреагировать? Да никак — ведь Морису вряд ли захотелось бы видеть у себя на борту полицию!

— Эй, на судне! — крикнул Уиллис Тильде. — Ты там осторожней!

Тильда и без него очень даже хорошо знала, какой опасной может быть эта река. И хотя девочка давно уже стала, можно сказать, автохтонным обитателем старых барж и с искренним состраданием относилась к жалким обитателям фешенебельного Челси, в жизни которых явно недоставало приливов и крыс, но к реке она всегда питала огромное уважение и понимала, что здесь можно запросто погибнуть даже рядом с набережной.

Однажды весенним вечером голландская баржа Waalhaven, пришедшая из Роттердама,

импозантная, самоходная, так и сверкавшая медью, бросила якорь почти на середине реки, как раз напротив тамошних плавучих домов. Она, должно быть, прошла таможенную проверку в Грейвзенде, а потом вместе с приливом поднялась сюда. Рядом с этим прекрасным судном «Морис», который тоже был родом из Роттердама, выглядел бедным родственником. Да и остальные старые баржи, точно вросшие в берег, казалось, смотрят на Waalhaven с тоской узников, следящих за своими гуляющими на свободе собратьями.

Команда голландской баржи выстроилась на палубе, и у всех моряков были такие серьезные лица, словно им предстояла важная деловая встреча, провести которую следовало безупречно; впрочем, выглядели эти бизнесмены в резиновых морских сапогах, как всегда, гармонично.

Сразу после файв-о-клок хозяин Waalhaven, подойдя к поручням, крикнул хозяину «Мориса», чтобы тот прислал за его людьми шлюпку и помог переправить их на берег. Но поскольку никакой реакции не последовало, бизнесмен из Роттердама понял, что оказался в местах, лишенных даже самых элементарных удобств, и удалился, дабы посоветоваться со своими. Затем, когда уже наступали сумерки, а прилив быстро усиливал-

ся, трое голландцев все-таки спустили на воду собственную шлюпку и приготовились плыть к причалу. Они, видимо, специально дожидались высокой воды, чтобы пройти бок о бок с другими судами и показать, как поступают цивилизованные люди. Более всего это походило на урок так называемого воскресного спорта, демонстрируемый на небольшой шлюпке. Резиновых сапог голландцы, разумеется, не сняли, но, предвкушая прогулку по городу, взяли с собой цивильную обувь, сложив ее в сумку из промасленной кожи. Наверное, боги реки, решив повеселиться, отняли у них остатки разума.

Ветер с моря, как всегда, с силой задувал прямо в широкий проход между пакгаузами, выстроившимися на суррейском берегу. Вуди, рассказывая впоследствии об элегантном отплытии голландской шлюпки, говорил, что ему очень хотелось одолжить этим безумцам свою морскую карту № 3 и тем самым дать им понять, что и на самом дальнем конце Баттерси-Рич есть по крайней мере один компетентный судовладелец. А Ричард, который в этот момент как раз возвращался с работы после утомительного дня и остановился на причале, чтобы посмотреть, как от Waalhaven отчаливает шлюпка, вспомнил, что однажды

побывал на борту этой баржи, когда та заходила в Орфорднесс, и даже выпивал вместе с командой.

Стоило шлюпке миновать воздушный коридор между пакгаузами, как ветер совершенно стих, а шлюпку, потерявшую ориентир, стало сносить к трем лихтерам, стоявшим на траверзе. Затем она зацепилась мачтой за свес кормы ближайшего лихтера, и та сломалась, да с таким треском, что слышно было на обоих берегах реки, а саму шлюпку затянуло под форштевень, смяло и перевернуло, однако стальная основа ее мачты ломаться не желала, из-за чего шлюпка застряла в перевернутом положении. Люди вывалились за борт и исчезли под тяжелым металлическим днищем лихтера, поглощенные рекой. Вскоре, впрочем, всплыла та самая кожаная сумка с туфлями, а затем на поверхности воды появились и первые двое моряков и следом за ними пара чьих-то резиновых сапог почему-то кверху подошвами.

Тильда не так уж часто вспоминала тот случай, но всегда при этом испытывала искреннее огорчение. Интересно, думала она, а что случилось с остальными резиновыми сапогами? Стоит заметить, памятью Тильды управляло отнюдь не сердце — этим она сильно отличалась от Марты

и Ненны, зато была избавлена от такого неудобства, как излишние эмоции.

Уиллис снова крикнул: «Эй, на судне! Тильда, ты там осторожней! Не вздумай мне оттуда кричать!» Ясное дело, он по-прежнему считает ее хрупким и нежным ребенком и, как всегда, беспокоится, как бы она не перенапрягла свой «божественный» голосок. Обе сестры обладали хорошим слухом и пели очень чисто, точно попадая в ноты, и Уиллис, который обожал музыку и всегда был оптимистично настроен относительно будущего других людей, с удовольствием лелеял мечту о том, что когда-нибудь девочки станут выступать на сцене. Они все еще могли с грехом пополам исполнить «Abends, wenn wir schlafen gehen»[23], которой их научили монахини для какого-то торжества, причем голоса у них и впрямь были ангельские, однако «ангелы» эти понятия не имели, о чем песня, и хорошо помнили лишь самую первую строчку. Куда более успешно, пожалуй, сестры исполняли «Jailhouse Rock»[24]. Но вскоре Тильда освоила новые зву-

[23] Примечания: 23

«Вечером, когда мы спим» (*нем.*).

[24] Примечания: 24

«Тюремный рок», песня Д. Либера и М. Столлера, впервые исполненная Элвисом Пресли в одноименном кинофильме (1957).

ки — научилась, разинув рот и превратив его в большое продолговатое «о», воспроизводить на редкость неприятную имитацию боцманского свистка; эти жуткие звуки можно было услышать даже на «Лорде Джиме», когда Тильда подавала сигнал о намерении покинуть верхушку мачты, а однажды она до смерти напугала своим «свистком» отца Уотсона, который потом признавался сестрам-монахиням, что, с его точки зрения, столь кошмарные звуки способно издавать лишь механическое приспособление, а не человеческое существо. Благодаря его рассказу монахини еще более утвердились в своем мнении относительно девочек Джеймс, таких умненьких, таких музыкальных, которые, безусловно, подвергаются моральному и физическому риску, живя на этой ужасной барже, и кому-то, по всей видимости, следует очень серьезно поговорить об этом с их матерью, миссис Джеймс.

Глава третья

Обычно на «Грейс» — и на камбузе, и в каютах — царил порядок, но каждый раз после посещения «Лорда Джима» Ненна испытывала непреодолимое желание немедленно приняться за чистку корабельной «меди», которой, собственно, было не так уж много: поручни трапа, петли на дверцах шкафчиков и рундуков, набалдашники на ручках насосов. Все то, что осталось от первоначальной оснастки баржи; там даже дата была выгравирована: 1905 год.

Ненне уже исполнилось тридцать два года, а уж если и к этому возрасту волосы у блондинки не потемнели, значит, никогда и не потемнеют. Она приехала в Лондон после войны, чтобы продолжать музыкальное образование, и не ощущала себя тогда ни канадкой, ни англичанкой. В 1949 году они с Эдвардом поженились. Ненна еще училась в RSM[25], ее основным инструментом была скрипка, и влюбилась она именно так, как способны влюбляться только скрипачи. Во всяком случае, она вряд ли смогла бы внятно

[25] Примечания: 25
Royal School of Music — Королевское музыкальное училище.

ответить на вопрос, долго ли они с Эдвардом обдумывали столь серьезный шаг — именно этот вопрос задала Ненне ее старшая сестра Луиза. Эдвард еще некоторое время продолжал служить в инженерных войсках, затем уволился, но все никак не мог найти работу по душе, и Ненна была уверена, что его вины в этом нет. Ну, а если кто-то утверждал, что вина все-таки есть, она сразу вставала на дыбы и заявляла, что «кое-кто зря сует нос в чужие дела». Они сняли квартиру. Когда у Ненны спрашивали, почему она не воспользуется собственными талантами и умениями и не начнет давать хотя бы уроки пения, она только пожимала плечами; вряд ли, думала она, эти люди представляют себе, как можно давать уроки пения, живя в двух комнатушках над лавкой зеленщика и имея двух малолетних детей. Впрочем, друзья Эдварда уверяли, что он обладает деловым чутьем и способен любого заставить работать. Именно поэтому Ненна, соглашаясь с мужем, и решила тогда, что прачечная самообслуживания — это отличное вложение капитала. В то время подобные прачечные были в новинку; можно было не возиться со стиркой дома, а прийти в прачечную, где к вашим услугам стиральные машины и вежливый мене-

джер, который сам засыплет нужное количество стирального порошка, и потом просто забрать выстиранные вещи. Но Эдвард, увы, оказался неспособен к бухгалтерии; в итоге его неумение подвести баланс привело не только к закрытию прачечной, но и дало основания для возбуждения дела в суде графства. Впрочем, в результате Эдварда и Ненну признали невиновными, однако оба успели почувствовать, с каким презрением на них посматривает солиситор, который, похоже, всегда куда-то страшно спешил.

Это судебное разбирательство, несомненно, и послужило причиной того, что мысли Ненны, стоило ей остаться наедине с собой, неизменно принимали одну и ту же форму — вечных слушаний в присутствии членов магистрата, во время которых ее собственная версия их с Эдвардом брака представала то как до смешного примитивная, но доказуемо правильная, то, причем почти сразу же, как абсолютно неправильная. Ее сознание, выступавшее в качестве этакого непрошеного адвоката-наблюдателя, то и дело вмешивалось в судебную процедуру, выступая с заявлениями совершенно нежелательного характера.

«…До сих пор в вашей жизненной истории, миссис Джеймс, в некотором смысле не хватало

определенности. Осмелюсь, правда, заметить, что история эта представлялась вполне определенной и даже необычной, пока вы оба существовали внутри нее, — во всяком случае, она отличалась от жизни многих других людей».

«Вы прекрасно это сформулировали, ваша честь». — Она понимала, что магистрат давно уже превратился в настоящего судью, даже в прокурора.

«Итак, через какое-то время… а именно в 1959 году… ваш муж пришел к выводу — и вы, насколько я понял, полностью с ним согласились, — что было бы разумно, если бы он принял предложение некой строительной фирмы и на пятнадцать месяцев отправился работать в Центральную Америку, дабы иметь возможность откладывать большую часть своей зарплаты для …»

Ненна выразила горячий протест, заявив, что на самом деле никогда не считала это решение разумным, потому что в результате они, двое любящих людей, были вынуждены надолго расстаться, а это всегда неразумно; просто тогда они оба сошлись во мнении, что Панама и, в частности, город Давид — место совершенно неподходящее, чтобы тащить туда маленьких детей. Ее возражения прозвучали убедительно,

и судья одобрительно склонил голову. Приободрившись, Ненна признала тот факт, что муж действительно доверил ей последние 2000 фунтов, а она на них купила плавучий дом, то есть вот эту баржу «Грейс».

«Ваши дети скучали по отцу?»

«Старшая скучала. А Тильда, похоже, нет. С другой стороны, никогда не поймешь, что у Тильды на уме; это знает только Марта».

«Благодарю вас, миссис Джеймс, но впредь мы бы предпочли, чтобы вы строго придерживались тех свидетельств, которые получены из первых рук… Вы, разумеется, писали мужу, желая объяснить, какие действия предприняли в его отсутствие?»

«Конечно. Я сразу же сообщила ему наш новый адрес. И, разумеется, я ему писала».

«Адрес, который вы ему сообщили, это 626 Чейн-Уок, Челси, Юго-запад 10?»

«Да, совершенно верно. Это адрес того офиса, который курирует наш причал. К ним приходит вся наша корреспонденция».

«…но вы тем самым создали у него впечатление — впрочем, так подумал бы и любой другой человек, не знакомый с этим районом, — что сумели по весьма разумной цене приобрести хорошо

оборудованный дом или квартиру в Челси».

Употреблять выражение «хорошо оборудованный» было в данном случае совершенно нечестно, но с собственной защитой Ненна всегда запаздывала и опротестовать эти слова не сумела.

«Просто я не хотела его волновать. И потом, многие готовы что угодно отдать, лишь бы в таком месте поселиться».

«Вы говорите совсем не о том, миссис Джеймс…»

«Когда я послала фотографии плавучего дома в Канаду, сестре, она тоже нашла, что он выглядит очень красиво».

«То есть у вас к этой реке некое романтическое отношение?»

«Да, именно так!»

«И еще более романтичной она кажется тем, кто недостаточно хорошо ее знает, не так ли?»

«Я не могу ответить на этот вопрос».

«Возможно, эти люди знакомы с картинами Уистлера или с его словами о том, что, «когда вечерний туман окутывает берега реки дымкой поэзии, когда жалкие домишки как бы растворяются в неярких небесах, а высокие каминные трубы кажутся изящными башенками, пакгаузы

— дворцами и весь город словно плывет в небесах, а перед нами открывается путь в волшебную страну… вот тогда путник и начинает спешить домой, а Природа, в кои-то веки запевшая в такт, поет самую изысканную свою песнь для одного лишь художника, ее сына и повелителя — сына, потому что он ее любит, а повелителя, потому что он ее понимает…» Мне снова зачесть вам эти показания, миссис Джеймс?»

Ненна промолчала.

«Уистлер, однако, жил в весьма комфортабельном доме, не так ли, миссис Джеймс?»

Но уступать Ненна не желала.

«К мелким трудностям быстро привыкаешь, ваша честь. И большинству они очень даже нравятся».

«Миссис Джеймс. Скажите, вашему мужу тоже *очень понравился* плавучий дом «Грейс», когда он вернулся на родину, надеясь воссоединиться с вами и детьми?»

«Верно ли, что многие плавучие дома, а точнее, вышедшие в тираж баржи, к каковым относится «Грейс», отличаются повышенной влажностью?»

«Миссис Джеймс. Вы любите мужа?»

«Миссис Джеймс. Жаловался ли ваш муж на то, что плавучий дом, именуемый «Грейс», нуж-

дается в серьезном ремонте, не говоря уж о том, что там невероятно сыро? Жаловался ли он, что для вас обоих оказалось весьма сложно, а то и совсем невозможно, возобновить сколько-нибудь нормальные сексуальные отношения, поскольку ваша каюта служила чем-то вроде проходного двора, и через нее постоянно ходили обе ваши дочери, желавшие либо подняться, либо спуститься по трапу? Жаловался ли он, что над головой у вас кто-то постоянно топает, начиная с раннего утра, когда приходит молочник? Вы, конечно, скажете, что молочник давно отказался приносить вам молоко, но это лишь придаст весу моим, приведенным ранее, доказательствам того, что данное судно не только непригодно для проживания, но и небезопасно».

«Я люблю его, люблю страстно. Те пятнадцать месяцев и восемь дней, что он был в отъезде, стали самыми долгими в моей жизни. И я даже сейчас не могу поверить, что между нами все кончено. Вы спросите, почему же я к нему не съезжу? Ну, а почему он сам к нам не приезжает? Он ведь так и не подыскал никакого другого жилища, где мы могли бы жить все вместе. И снимает меблированную комнату где-то на северо-востоке Лондона».

«По адресу: 42 «би» Милвейн-стрит, Стоук Ньюингтон».

«Господи, да разве кто-нибудь слышал о таком месте?»

«Скажите, миссис Джеймс, вы предпринимали попытки съездить туда и повидаться с *истцом*? Должен еще раз напомнить, что для нас свидетельства из вторых рук абсолютно неприемлемы».

Ну вот, теперь все стало ясно. Она окончательно превратилась в *ответчицу* или скорее в *обвиняемую*, хотя, вообще-то, ей следовало бы с самого начала это понять.

«Повторяю свой вопрос. Вы бывали когда-нибудь на Милвейн-стрит, которая, насколько это известно всем нам, вполне подходит для проживания вас и ваших детей?

«Но ведь я прекрасно знаю, что это не так! Разве подобное место может быть подходящим для проживания?»

«Ваш муж проживает там один?»

«Да, я практически уверена в этом».

«Не с другой женщиной?»

«Он никогда ни о какой другой женщине не упоминал».

«В своих письмах?»

«Письма писать он никогда особенно не любил».

«Однако вы пишете ему каждый день. Не слишком ли это часто?»

«Возможно, я веду себя не совсем правильно. Но ведь все знают, как женщины любят писать письма!»

Она уже почти кричала, вызывая неодобрение и даже неприязнь членов суда.

«Я всего лишь хочу, чтобы он чуточку уступил! Чтобы похвалил меня за то, что я нашла такой дом, где мы можем жить все вместе!»

«Вы слишком зависимы от похвал, миссис Джеймс».

«Нет, ваша честь. Все дело в том, *кто* меня похвалил».

«Скажите, можно ли вас назвать «упрямой сукой»?» А вот это, пожалуй, заговорило уже ее собственное сознание. Раньше она никогда упрямством не отличалась, и, если честно, странно было бы объяснять именно им ее неуклюжие попытки сохранить «Грейс». В относительно спокойные периоды она и сама понимала, отчего Эдвард, по природе будучи великодушным и щедрым, все же не нашел в себе сил уступить. Впрочем, он вообще не привык ни в чем-то усту-

пать, ни что-то отдавать. У них в семье, похоже, вообще не было принято обмениваться подарками — вещь для Ненны почти непостижимая, поскольку в ее детстве подарки составляли значительную часть жизни; подарки, извинения, прощения, утешения, примирения — любые знаки любви и внимания они каждый раз вручали друг другу в ярких красочных обертках. А вот Эдвард о подобных вещах понятия не имел и не знал, что столь простым образом можно выразить самые глубокие чувства. Ему, впрочем, и покупки-то не особенно удавались. Например, когда родилась Марта, до него внезапно дошло, что неплохо было бы принести жене цветы, однако он не учел тот простой факт, что если среди зимы покупаешь азалии, а потом еще довольно долго везешь их на автобусе и несешь по промерзшим улицам, то они попросту замерзнут и скукожатся раньше, чем ты доберешься до больницы.

По поводу загубленных азалий Ненна тогда не сказала ему ни слова. Зато над ним вволю посмеялись другие молодые матери, ее соседки по палате. Это было в 1951 году, и в их палате сразу двое новорожденных получили имя Фе-

стиваль[26].

«Прошу вашего внимания, миссис Джеймс, не отвлекайтесь».

Первым реальным доказательством проблем в семье в ее случае послужила весьма болезненная ссора, подробности которой ей пришлось выложить перед судом. Из панамского города Эдвард вернулся, не скопив в результате работы на строительной фирме практически ничего, но тогда Ненна, пожалуй, и не ждала, что он привезет какие-то сбережения. Если бы ему и впрямь удалось что-то скопить, то для этого он наверняка был бы вынужден изменить самому себе, а значит, вряд ли вернулся бы к ней тем самым человеком, которого она так любила. И потом у них, в конце концов, уже имелась «Грейс». Ненна, которой всегда было свойственно надеяться на лучшее, собиралась попросить мать Эдварда ненадолго взять к себе Марту и Тильду, чтобы они с мужем хотя бы какое-то время побыли вдвоем. Тогда они задраили бы на «Грейс» все люки и при желании могли бы не вылезать из постели хоть все двадцать четыре часа в сутки.

---

[26] Примечания: 26

Festival of Britain, «Фестиваль Британии» — Британская юбилейная выставка в Лондоне в 1951–1952 гг. в ознаменование столетия «Великой выставки» 1851 года.

«Миссис Джеймс, неужели вы просите суд поверить в искренность ваших слов? Ведь вам прекрасно известно, что мать вашего мужа проживает довольно далеко отсюда, а точнее, в пригороде Шеффилда, и что прежде она никогда, ни разу не предлагала вам присмотреть за детьми».

Эдвард тогда сказал примерно то же самое. Но конкретно их ссора, раз уж теперь она подверглась столь тщательному рассмотрению, возникла вовсе не из-за его возражений, а по совершенно иному поводу: Эдвард требовал ответить, куда Ненна могла засунуть его ракетки для сквоша, пока он был в отъезде. Он не взял их с собой, потому что они оба сочли климат Панамы не слишком благоприятным для хранения ракеток, хотя, как оказалось, их вполне можно было и взять. Зато теперь, особенно если Ненна притащила его ракетки с собой на «Грейс» и они просто где-нибудь валяются, они уже наверняка успели пострадать от здешней сырости. Но все оказалось гораздо хуже: ракеток на «Грейс» они так и не нашли. Ненна, исполненная раскаяния, твердила: «Господи, мне так жаль! Я не хотела тебя обидеть!» А ведь знала, что «тридцать минут игры в сквош обеспечивают мужчине такую

же физическую нагрузку, что и два часа любых других спортивных упражнений». Он доверил ей свои драгоценные ракетки, которые были для него в определенном смысле святыней. А она не может даже вспомнить, когда в последний раз их видела!

«Может быть, вы нарочно их куда-то засунули?»

«Я ничего не делаю *нарочно*».

И суду показалось, что это действительно так. Хотя в одних случаях ее поведение и носило оборонительный характер, а в других она была чрезмерно исполнена оптимизма. Но, так или иначе, более половины всех ее поступков воспринимались судом как ошибочные.

«Итак, в пылу ссоры вы, потеряв терпение, швырнули в мистера Джеймса неким тяжелым предметом?»

Ну, допустим, «тяжелым предметом» была всего лишь ее банковская книжка, и Эдвард тогда совершенно справедливо заметил, что вряд ли эту книжку стоит читать.

Но затем эти доказательства — ссора, вся эта отвратительная история, которая стала известна многим чужим людям, что очень смущало Ненну, — как бы совершенно изменили свою

сущность и в итоге превратились в свидетельство защиты. Тогда взбешенный Эдвард спросил у нее, знает ли она хотя бы, какой сегодня день недели — видимо, в пылу ссоры этот аргумент показался ему каким-то особенно важным.

«Послушай, так сегодня среда или четверг?»

«Не знаю, Эд, пусть будет то, что тебе больше нравится».

И он, получив полную свободу выбора, моментально растаял; к счастью, впереди у них было несколько часов для себя, поскольку девочки еще не вернулись из школы, и все это время они могли провести наедине. И никакие беды, никакие горькие чувства, когда-либо владевшие Ненной, не смогли бы затмить то счастье, которое бурным потоком на них обрушилось, похожее на могучую реку со всеми ее течениями и водоворотами, прямо под ними несущую свои воды к морю.

Похоже, все дело разваливалось на глазах к великому разочарованию защиты, которую в конце концов оказалось почти невозможно отличить от обвинения. Для мирного разрешения конфликта было нужно совсем немного, и все же слово «конфликт» уже предполагало две несговорчивые стороны, а в данном случае оба — и Ненна, и Эдвард — отличались еще и застенчи-

востью. Не соответствовало истине и то, что, как утверждали их «беспристрастные» обвинители, они оба предпочитают существовать в атмосфере постоянного кризиса. На самом деле им обоим был нужен мир; оба частенько вспоминали те мгновения своей мирной совместной жизни, которые были им особенно дороги и в которых они как бы вновь обретали дом и спасение.

Когда Ненна не чувствовала себя дающей свидетельские показания в суде, ей порой представлялось, что она готовится к визиту инспекционной комиссии, заранее предупредившей ее о своем возможном появлении, причем в составе этой комиссии могут оказаться и Эдвард, и его мать, и некий представитель власти, куда более высокой, чем первые двое, — Ненне в таких случаях оставалось только надеяться, что их визит придется на время отлива, — и эта комиссия попытается определить, в чем она и ее дети могут реально нуждаться. Будучи решительно настроенной ни в коем случае не завалить это испытание, Ненна заставляла себя не думать о муже, заглушая все подобные мысли повседневными заботами, тщательной полировкой судовой «меди» и мытьем палубы. Ей хотелось, чтобы палуба постоянно была чиста, дверные петли подтянуты, Страйпи

убрана с глаз долой, и, самое главное, девочки опять регулярно посещали школьные занятия.

— Вы ведь пойдете в школу в понедельник? Обе, да, Марта?

Марта, как и ее отец — и, что удивительно, как Ричард, — не считала необходимым что-то выдумывать. Подняв на мать темно-карие мрачноватые глаза, она решительно заявила:

— Я пойду — и Тильду с собой возьму, — только когда ситуация там вновь станет нормальной.

— Значит, вскоре к нам снова заявится отец Уотсон.

— Вряд ли, мам. В прошлый раз он так оступился на сходнях, что чуть в воду не упал.

— Господи, как я устала без конца извиняться!

— Лучше бы ты всегда говорила правду, мам.

Но каким образом сделать эту правду приемлемой? Ведь Тильда и впрямь совершила целую череду недопустимых проступков, а это довольно часто случалось при ее безалаберном отношении к жизни. Например, в ответ на требование монахинь немедленно закончить вышивание крестиком прихватки для чайника, якобы предназначавшейся в подарок отцу, Тильда заявила, что никогда в жизни не видела, чтобы отец брал в руки чайник, и вообще папочка давно от них

уехал.

На самом деле Тильда почти сразу потеряла те шесть квадратных дюймов полотна, что были выданы ей, как и всем остальным ученицам, для изготовления прихватки. Марта об этом, разумеется, знала, но сестру ни за что бы не предала.

Затем Тильда принялась еще и приукрашивать только что выдуманную историю, сообщив, что мама теперь ищет им нового папу, однако, будучи девочкой наблюдательной и сообразительной, она очень быстро поняла, что в данном случае, пожалуй, зашла слишком далеко, и поспешно прибавила, что они с сестрой каждую ночь молят Всемилостивую Деву Фатиму, чтобы их отец вернулся. До этого случая Тильде — хотя в ее прозрачных серых глазах светилась одна лишь девственная чистота, заставлявшая монахинь сдерживать себя и не рисковать, зря ругая невинное дитя за проделки, — все же частенько попадало. Среди своих ровесниц в классе она славилась, например, тем, что регулярно самым непочтительным образом разрисовывала картинки в альбомах для раскрашивания, делая бороду Господа нашего пурпурной или даже зеленой; но, честно говоря, чаще всего это случалось, потому что Тильде было абсолютно безразлично,

успеет ли она первой захватить лучший набор цветных карандашей. Однако теперь Тильда превратилась в объект вселенского сочувствия. После приватной беседы с матерью-настоятельницей сестры-монахини объявили, что отныне каждое утро несколько минут, отведенные для личных целей, будут посвящены особой молитве с четками в руках и вся начальная школа станет просить Господа, чтобы Он вернул отца Марты и Тильды в семью. А после молитвы, если погода будет хорошая, процессия из учениц младших классов направится к построенному в зоне рекреации макету Лурдской пещеры, воссозданной в натуральную величину в неком подобии искусственной скалы, более всего похожей на большую кучу угля. Текст особой молитвы написала сестра Поль, известная как автор нескольких молитвенных сборников: «Господи, ото всего великого сердца Твоего благослови сего мужа, не принадлежащего к католической вере, отца маленьких слуг Твоих, Марты и Тильды, дабы открылись его вежды, а остылая душа его вновь исполнилась горячей веры в Тебя, и он смог бы вернуться к законному семейному очагу, аминь».

— Они, конечно, женщины хорошие и желают нам добра, — сказала Марта, — только ноги моей

в школе не будет, пока все это продолжается.

— Я могла бы поговорить с монахинями.

— Не стоит, мам. Иначе они еще и за тебя молиться начнут.

И Марта на всякий случай взглянула на мать, как бы желая убедиться, не приняла ли она эти слова чересчур всерьез.

И тут как раз появилась Тильда, неся в руках какой-то мерзкий комок сочащейся влагой глины. Комок она шлепнула прямо на обеденный стол, и он вдруг ожил, зашевелился, потом выпростал из глины тощую заднюю лапу, принадлежавшую, как оказалось, Страйпи.

— Видимо, она решила осуществить произвольную самоликвидацию, — предположила Марта, однако все же принесла кусок старого полотенца и принялась оттирать с кошки грязь. Страйпи украдкой поглядывала на свою спасительницу сквозь белую тряпицу, точно воскрешенный Лазарь сквозь саван[27].

— Каким образом кошка ухитрилась так выпачкаться? — растерянно спросила Ненна. — Это ведь явно не прибрежный ил.

— Она на крыс охотилась, — охотно пояснила

---

[27] Примечания: 27

Известная притча о воскресении Лазаря Иисусом; Евангелие от Иоанна, XI, 1–5.

Тильда, — и свалилась на палубу лихтера, груженного глиной. Это лихтер фирмы «Мерчантайл Лихтередж Лимитед», у них еще такой красивый флаг с черным бриллиантом на широком белом поле.

— Кто же ее оттуда вытащил?

— Один матрос. Он не только ее оттуда достал, но и сошел с ней на берег прямо возле лестницы, ведущей к Кадоган-холлу, а потом добрался до нас и передал Страйпи Морису.

— Ну что ж, вымойте ее, только потом постарайтесь как следует отжать у нее из шерсти воду, особенно из хвоста. И, пожалуйста, поаккуратней.

Глина быстро высыхала, превращаясь в твердую корку, уже успевшую покрыть и стол, и пол под столом. Марте пришлось еще по крайней мере полчаса мыть и отскребать все эти поверхности, тогда как Тильда почти сразу утратила к происходящему всякий интерес. За это время успело стемнеть, и казалось, что тьма поднялась прямо из реки, стремясь слить ее воедино с небесами. Ненна приготовила чай и растопила дровяную плиту. Эти старые баржи, которые когда-то вовсю ползали вверх-вниз между портами Восточного побережья и Английского канала, те-

перь «вздыхали», сидя на привязи, зато их новые владельцы чувствовали себя вполне спокойно.

Внезапно в открытом люке вспыхнул отблеск очень яркого, но довольно неприятного розовато-лилового света.

— Это, похоже, на «Морисе», — встрепенулась Марта. — Не может быть, чтобы так береговой прожектор светил.

Затем на сходнях послышались шаги самого Мориса, и последовал довольно тяжелый прыжок, с помощью которого он преодолел те восемнадцать дюймов, что отделяли палубу «Мориса» от палубы «Грейс».

— Морис не может так тяжело прыгать, — усомнилась Марта. — Он совсем мало весит и запросто перепрыгивает к нам на палубу.

— Как кошка? — язвительным тоном спросила Ненна.

— Боже упаси! — завопила Марта.

— Эй, на «Грейс»! — зычным басом крикнул Морис, явно подражая Ричарду. — Не хотите посмотреть?

Ненна и обе девочки, стряхнув дремоту, охватившую их после чая, поднялась на палубу и буквально замерли от изумления. На корме «Мориса», повернутой к «Грейс», произошли весьма

заметные и странные перемены. А тот яркий свет — он, собственно, в первую очередь и привлек их внимание — исходил, как оказалось, от старого уличного фонаря, наклонившегося под каким-то немыслимым углом, отчего возникало ощущение некого таинственного действа, а точнее, любительской постановки «Сказок Гофмана»; вместо стекла в фонарь были вставлены полоски розовато-лилового пластика, а от столба тянулся длинный провод, исчезавший где-то в темноте открытого люка. На палубе оказались разбросаны довольно неожиданные предметы, более всего похожие на булыжник или брусчатку, а подветренный борт судна был несколько вызывающе выкрашен красной, белой и золотой краской.

Волна от проходившего мимо угольщика качнула обе старые баржи, и тут же раздался оглушительный вой его гудка, так что разговаривать стало совершенно невозможно. Наконец угольщик прошел, и Морис, отчасти скрытый густой тенью, а отчасти казавшийся ярко-пурпурным, застенчиво спросил:

— Правда, можно подумать, что находишься в Венеции?

Ненна, поколебавшись, призналась:

— Я в Венеции никогда не бывала.

— Так ведь и я тоже, — усмехнулся Морис, мгновенно устранив всякую претензию на собственное превосходство. — У меня эта идея возникла благодаря открытке, которую мне один мой знакомый прислал. Вообще-то, я от него не одну, а целую серию таких открыток получил, так что легко сумел себе представить, как выглядит типичный уголок этого города. Конечно, не Большой Канал, как вы понимаете. Просто одна из маленьких улочек. В такой теплый вечер, как сегодня, можно оставить люк открытым и воображать, будто находишься в центре Венеции…

— Как красиво! — восхищенно воскликнула Тильда.

— А тебе, Ненна, похоже, так не кажется?

— Да нет, мне тоже очень нравится. Я всегда хотела побывать в Венеции. Пожалуй, даже больше, чем где-нибудь еще. Просто я сейчас вдруг подумала: а что, если ветер поднимется?

О чем она не должна была спрашивать — мало того, Морис не должен был догадаться, что ей хочется это сделать, — так это о том, что будет, когда к нему в очередной раз заявится Гарри. Ведь в качестве хранилища краденого «Морис», безусловно, должен был ни в коем случае не привлекать внимания и не казаться подозри-

тельным.

— Я, возможно, вскоре и сам за границу уеду, — как бы между прочим обронил Морис.

— Да? Ты никогда раньше об этом не говорил.

— Я тут на днях кое-кого встретил, и этот человек сделал мне одно интересное предложение насчет работы…

Было бесполезно спрашивать, какую именно работу Морису предложили; в его жизни было так много самых различных начинаний. Иногда он, например, уезжал в Бейзуотер, чтобы потренироваться в фигурном катании, поскольку надеялся получить место в ледяном шоу. Возможно, он и сейчас имел в виду нечто подобное.

— А «Мориса» ты тогда, наверное, продавать будешь?

— О да, если за границу соберусь уезжать, то конечно.

— Ну и продашь, у тебя ведь и течь не такая серьезная, как на «Дредноуте».

Столь внезапный переход на практические рельсы, похоже, огорчил Мориса, который увлеченно перекладывал брусчатку на палубе так и сяк.

— Кстати, надо спросить Уиллиса, как у него дела подвигаются… и вообще… мне еще столько

всего обдумать нужно… но если кому-то понадобится описание судна, то, по-моему, этот «уголок Венеции» мог бы стать его отличительной чертой…

Морис встал и выключил розовое сияние. Никто из владельцев старых барж не мог позволить себе зря расходовать электричество, и потом, задуманная сцена явно предназначалась для куда более позднего вечера, просто сегодня он решил включить свет пораньше, желая удивить и порадовать Ненну и девочек.

— Да! Скоро я буду жить на суше. А приятелю моему придется быстренько забрать свое барахло из трюма.

— Морис совсем с ума сошел, — тихонько заметила Марта, когда они вернулись на «Грейс».

Глава четвертая

Впрочем, период странного оптимизма у Мориса продлился недолго. Всей душой откликаясь на самообман других людей, сам он, к несчастью, был способен даже слишком быстро понять, что тоже начинает предаваться самообману. Он больше ни слова не сказал о якобы предложенной ему работе, и очень скоро перестало быть понятно, кто и кому пытался доставить удовольствие, создавая «уголок Венеции».

— Скажи, Морис, а мне-то что дальше делать? — спросила однажды Ненна, ибо ему она доверяла больше, чем кому бы то ни было другому. Помимо всего прочего и рабочий день Мориса начинался не раньше семи или восьми часов, да и в течение дня он часто оставался дома и всегда был готов ее выслушать; хотя порой, конечно, его клиенты уходили только под утро, часа в два или в три, и тогда Морис, взбудораженный чрезмерным количеством выпитого виски, сам являлся на «Грейс», чудом удерживая равновесие на хлипких сходнях, садился на фальшборт и ждал Ненну. Вниз он никогда не спускался — боялся потревожить

девочек. И Ненна вскоре поднималась к нему, кутаясь в пальто и прихватив два коврика.

В эти предутренние часы пьяноватый Морис превращался в настоящего оракула, несколько, правда, капризного, но тем не менее впечатляющего. У него даже голос становился другим. Он изрекал мрачную правду о себе, человеке внешне беспечном, невольно выдавая во время этих случайных разговоров такие тайны, которые никогда и никому открывать не собирался. Во время отлива Ненна и Морис любовались огнями на ближнем берегу, а когда начинался прилив, слушали, как бормочет и хихикает река, выжидая того момента, когда ей удастся с силой приподнять баржи; когда вода стояла особенно высоко, река представлялась им могущественным божеством с белой пенистой бородой из растворенных моющих средств, которое с грустью вздыхает над уходящей ночью, созывая домой все двадцать семь затерявшихся в Лондоне речек.

— Слушай, Морис, может, мне лучше отсюда уехать?

— Ты не можешь отсюда уехать.

— Но ведь, по твоим словам, ты и сам уезжать собирался!

— Только никто моим словам не поверил. Вот

ты, например. А остальные что на сей счет думают?

— Они думают, что твое судно принадлежит Гарри.

— Ничего тут Гарри не принадлежит! И уж точно ему не принадлежит все то барахло, что у меня в трюме сложено. Он считает, что куда легче жить, вообще не имея собственности. А что касается «Мориса», то я купил его на деньги, подаренные крестной, когда я из Саутпорта уезжал; ей хотелось, чтобы я на них приобрел «какую-нибудь собственность».

— Я никогда не бывала в Саутпорте.

— Там очень мило. Садишься на поезд в центре Ливерпуля и едешь до самого конца; последняя остановка прямо на берегу моря.

— А с тех пор ты хоть раз туда возвращался?

— Нет.

— Но если «Морис» принадлежит тебе, зачем ты с этим Гарри поддерживаешь отношения?

— На это я тебе ничего не могу ответить.

— А что ты будешь делать, если к тебе на борт полиция явится?

— А что ты будешь делать, если твой муж к тебе так и не явится?

«Я должна непременно воспользоваться воз-

можностью и как-то прояснить ситуацию, — думала Ненна, — пусть даже это получится случайно, как при гадании, когда соломинки в реку бросают…»

— Что же мне делать, Морис? — снова спросила она.

— А ты предпринимала попытки с ним увидеться?

— Пока нет. Хотя мне, конечно, давно следовало бы это сделать. Вот найду кого-нибудь, кто согласится остаться с девочками хотя бы на одну ночь, максимум на две, и сразу же к нему поеду. Спасибо, что подтолкнул меня, заставил решиться.

— Нет, не надо.

— Чего не надо?

— Не надо меня благодарить.

— Почему же?

— За такое не благодарят.

— Господи, ты же прекрасно знаешь, что сама я принять решение неспособна!

— Тебе вообще не следует принимать никаких решений.

— Но почему, Морис, почему?

— А с какой стати ты считаешь это решение правильным? Почему думаешь, что поездка туда сделает тебя счастливей? На свете нет какого-то

единого для всех счастья, но существует великое множество его разновидностей. А потому всякое принятие решения — пытка для человека с воображением. Ибо, окончательно что-то решив, ты как бы умножаешь количество тех вещей, которые мог бы сделать, но теперь уже никогда не сделаешь. А если хоть один человек может пострадать от принятого тобой решения, такое решение тебе вообще принимать не следует. Тебе твердят: давай, решай поскорей, не то будет поздно, но если действительно окажется слишком поздно, то нам следует быть за это благодарными. Ты ведь прекрасно понимаешь, Ненна, что мы с тобой два сапога пара. Что самое правильное для нас — жить именно там, где мы сейчас и живем, то есть между сушей и водой. Вот ты, моя дорогая, влюблена в мужа лишь наполовину; а твоя Марта — лишь наполовину ребенок, а наполовину уже девушка; Ричард никак не может предать ту половину своей души, которая по-прежнему принадлежит флоту; Уиллис чувствует себя наполовину художником, а наполовину портовым грузчиком; даже наша кошка Страйпи сегодня была наполовину жива, а наполовину мертва…

Морис умолк, так и не упомянув о собственной половинчатости — если, конечно, и впрямь соби-

рался это сделать.

Партизан-стрит, находившаяся напротив причала Баттерси, считалась местом нехорошим; там привыкли к частым визитам полиции. А тамошние мальчишки восприняли появление «уголка Венеции» как неожиданное, но приятное событие и стали каждый день после школы приходить на причал и бросаться в старый фонарный столб камнями. Но уже через неделю на «Морисе» вновь объявился Гарри — разумеется, именно в тот момент, когда хозяина на борту не было, — и забрал с собой коробки с фенами, а розовый фонарь и брусчатку пошвырял в воду. Тильда, будучи опытным чистильщиком водостоков, сумела вытащить большую часть пурпурного пластика, но все пластины оказались разбиты и вряд ли теперь на что-то годились. Морис, впрочем, оценил движение ее души, хотя в целом, похоже, его уже не слишком волновала судьба «уголка Венеции», столь любовно им воссозданного.

Глава пятая

Уиллис глубоко уважал Ричарда и считал его, а иногда и называл вслух настоящим Капитаном. Кроме того — хотя на том собрании Уиллиса практически открыто обвинили в нечестности, — его собственные моральные устои были весьма близки к тем, в пределах которых существовал Ричард; вот только Уиллису, в отличие от Ричарда, частенько и при самых различных обстоятельствах не хватало силы воли, чтобы действовать в соответствии с этими устоями. Впрочем, у Ричарда ситуация, слава богу, никогда не становилась совсем уж безнадежной — при его характере такое вообще вряд ли было возможно, — тогда как Уиллис считал, что у него вряд ли останется хоть какая-то надежда, если он так и не сумеет продать «Дредноут». Двух тысяч фунтов, согласно его подсчетам, должно было более-менее хватить на то, чтобы перебраться к своей овдовевшей сестре и провести у нее остаток жизни. Однако явиться к ней с пустыми руками он себе позволить не мог, хоть ему не раз указывали на преимущества подобного переезда.

— Дом сестры построен буквально на гравиевой подушке. И сырость там совершенно не чувствуется. Ее невозможно почувствовать, даже если очень захотеть.

Но и Темзы там тоже не увидишь, а значит, ему, Уиллису, придется искать что-то другое, чтобы заполнить ту огромную пустоту, которая непременно возникнет в его жизни, когда он утратит возможность постоянно наблюдать за судами, плывущими вверх и вниз по течению. Кстати, по морю Уиллис, как и многие другие маринисты, никогда не плавал. Во время войны он, правда, состоял во вспомогательном отряде береговой охраны. Однако понятия не имел, каково это — плыть под парусами по голубому морскому простору. Впрочем, быть наблюдателем — тоже ведь своего рода профессия; долгое время сидеть неподвижно, глядя, как мимо по своим делам проплывают суда, и запросто различать и класс любого судна, и любую оснастку, и любой груз — вот так бездействие и превращается в добродетель. Уиллис, находясь либо на «Дредноуте», либо в любой иной точке берега вплоть до пивной «Кошка и омар», что в Грейвзенде, с честью нес звание наблюдателя. Он родился в Силвертауне, где круглые сутки был слышен шум, доносивший-

ся со старых судоверфей, и всю жизнь не любил тишину. Он, как и маленькая Тильда, считал, что лучше всего засыпать под неумолчный шепот воды на мелководье, на фоне которого раздается оглушительный скрежет лихтеров, похожий на скрип железных гробов в день всеобщего воскресения мертвых, когда эти грузовые суда-работяги, бросив якорь, всю ночь стукаются друг о друга бортами.

Тильда, несмотря на неудачи с монастырскими книжками-раскрасками, тоже мечтала стать художником-маринистом. Ее главной целью было научиться рисовать, как Уиллис, и уметь в точности переносить на холст корабельную оснастку, выверив все размеры с помощью линейки, чтобы суда выглядели как настоящие. А еще Тильде хотелось, чтобы воскресные обеды у них хоть иногда бывали «как у Уиллиса», который, следуя обычаям матросов с речных барж, сперва подавал пудинг с кишмишем, а уж потом жаркое.

Вообще-то, его карьера художника вполне удалась, и зарабатывал он раньше очень даже неплохо, и картины его, аккуратно запакованные в картон и вощеную бумагу, рассылались в разные порты мира, становясь частью чьих-то коллекций, поскольку многие его постоянные

заказчики служили на торговых судах. Но в последние десять лет заказов становилось все меньше и не только на большие работы, но и на всякую мелочь — шаржи и карикатуры, которыми Уиллис в былые времена весьма успешно кормился в различных журналах. К тому же, честно говоря, он и сам стал работать гораздо меньше. А после войны существенно уменьшилось количество таких читателей, у которых вызывали смех карикатурные изображения пассажиров, страдающих морской болезнью, или боцманов, неизменно одерживающих верх над вторым помощником капитана.

Немногочисленные далекие приятели, нетронутые временем, порой еще писали Уиллису, прося воспроизвести на полотне изображение того или иного конкретного судна и пребывая в полной уверенности, что ему ничего не стоит это сделать.

Дорогой Уиллис… Поскольку от лиц, должным образом информированных, мне стало известно, что вы окончательно «осели на суше» где-то на берегах великой лондонской реки, то вас, надеюсь, не затруднит сообщить мне, где теперь находится моя дорогая старая «Фортуна», построенная в 1892 г. и оснащенная — во всяком случае, в 1920

году я видел ее именно такой — как бригантина с квадратными фоковыми парусами. Старые корабли ведь никогда не умирают, и «Фортуна», несомненно, по-прежнему качается на волнах где-нибудь у Восточного побережья, хотя, полагаю, старичок «Пейн» теперь наверняка уже стоит на якоре в своем последнем порту… Меня могла бы заинтересовать картина маслом на холсте или на доске (что, как я полагаю, будет несколько дешевле!!) примерно с таким сюжетом: «Фортуна» под парусами огибает мыс при крайне неблагоприятных погодных условиях — скажем, при ветре в шесть баллов…

Уиллису оставалось только молиться, чтобы авторы подобных писем, застрявшие в тех портах, которых война практически не коснулась, никогда больше не вернулись на берега Темзы и не почувствовали себя преданными, увидев, как сильно там все переменилось.

Иногда Уиллис вместе с Тильдой, которая считала себя ученицей художника, отправлялись в галерею Тейт, до которой только по набережной нужно было пройти пешком две с половиной

мили. Метро до Пимлико[28] тогда еще не ходило, так что им, несколько раз «меняя галс», приходилось сперва добраться до вокзала «Виктория», где они наконец могли спуститься в подземку. На станции «Слоан-сквер» Уиллис показал Тильде огромную железную трубу, проходившую высоко над пассажирскими путями, и пояснил:

— Смотри, в эту трубу заключена речка Уэстбурн, текущая с запада Лондона, из района Паддингтон. И если эта труба вздумает протекать или, не дай бог, прорвется, всем нам здесь придется немедленно заняться плаванием, спасая собственную жизнь.

Тильда, во все глаза глядя на толстенную трубу, спросила:

— А где эта речка наружу выходит?

— Тебя интересует, где находится водоотвод? Это, детка, наверняка один из самых больших коллекторов. Я непременно выясню, как он называется, и скажу тебе. — И Уиллис сделал пометку в записной книжке.

Другие пассажиры метро заметно сторонились неопрятных жителей реки, которые своим видом явно выбивались из общей толпы.

---

[28] Примечания: 28

Пимлико — район в центральной части Лондона, некогда славившийся своим увеселительным садом.

Лора не раз высказывала сомнения, следует ли разрешать маленькой девочке уходить куда-то на весь день в сопровождении такого не слишком добросовестного, с ее точки зрения, старика, как Уиллис. Она рассказывала Ричарду всевозможные истории на эту тему, в основном почерпнутые из ежедневных газет, и каждый раз предлагала ему подумать над ее словами. Но Ричард уверял жену, что в этом нет ни малейшей необходимости.

— Но ты же сам говорил, что этот Уиллис нечестен!

— В этом нет необходимости.

По пути Уиллис и Тильда обычно заглядывали в маленькую лавчонку на улице Воксхолл-Бридж[29], где, казалось, рады были любым покупателям, и покупали там четверть фунта анисовых «шариков», продававшихся россыпью. Покупку им всегда клали в особый бумажный пакетик с напечатанными на нем словами:

Сюда, ребятишки, вот вам новая радость!

Сперва поиграете, а потом и полако-

[29] Примечания: 29

Мост Воксхолл через Темзу был открыт в 1906 г. на месте моста, построенного в 1811–1916 гг.

митесь.

Среди знакомых Уиллиса детей было крайне мало, и, пока в одном из плавучих домов на причале не поселилась Ненна, он успел почти позабыть, что на свете вообще есть такие существа, как дети. Впрочем, вкус анисовых «шариков», пожалуй, самых тошнотворных лакомств в мире, пробуждал в нем воспоминания о былом и о детстве.

Когда Уиллис и Тильда добирались наконец до галереи Тейт, у них обычно хватало времени только на те картины, где были изображены море или река, то есть, разумеется, на картины Тёрнера и Уистлера. Уиллис восхищался работами этих художников со смешанным чувством гордости и смирения, чувствуя себя их наследником, хотя и весьма далеким. А Тильда воспринимала их прекрасные картины всего лишь как продолжение ее жизни на барже. Ей, например, показалось очень странным, что Тёрнер, который вроде бы немало времени проводил на причалах Челси, не знал, что морские чайки всегда садятся на самую высокую точку той или иной местности. Прекрасно понимая, что в общественном месте нужно стараться говорить потише, Тильда осмеливалась прибавить звук, лишь когда Уиллису

не удавалось ее расслышать, а высказаться ей непременно хотелось.

— Это Уистлер написал?

Смотритель в зале, внимательно следивший за девочкой, рассчитывал хоть немного развеять скуку затянувшегося дежурства и сделать Тильде замечание или попросить, чтобы она отошла от картины подальше. Но она ему такой возможности не предоставляла.

— Зачем же он поместил вон туда два красных фонаря? Ведь такие фонари обозначают преграду, не полностью скрытую в воде, верно? Но тогда что они делают среди штаговых огней?

— И как это они все замечают! — восхищенно заметил смотритель, обращаясь к Уиллису. — Это я о вашей маленькой внучке.

Тильду развеселило это заблуждение насчет ее родства со старым художником, и она громко спросила:

— Дорогой дедуля, ты не устал? Давай лучше вернемся к нам на корабль. Ничего, я у тебя молодая, сильная! Обопрись на мою руку и пойдем.

Но Уиллис, относившийся к девочке с невероятной нежностью, практически не обратил внимания на ее слова и продолжил свои пояснения.

— Уистлер был очень хорошим художником. И на сей счет у тебя никаких заблуждений быть не должно. Предполагать, что это не так, могут только дилетанты-любители. Вот смотри: старый мост Баттерси-Бридж. Он в те времена еще деревянным был. Видишь, его для пущей сохранности серой грунтовкой выкрасили. Похоже, как раз начинается прилив, и этим решил воспользоваться вон тот лихтер…

Издавна было условлено, что чай по возвращении они будут пить непременно на «Грейс».

— Как вы думаете, миссис Джеймс, сколько мне лет? — спросил Уиллис, слегка наклоняясь к Ненне. — Только не говорите, что вам эта мысль никогда даже в голову не приходила. Мой богатый опыт подсказывает, что каждый человек, глядя на окружающих, думает: господи, какие же все они старые!

Уйти от ответа было невозможно, и Ненна предположила:

— Ну, пожалуй, шестьдесят с лишним, ближе к семидесяти.

Уиллис всегда как-то очень медленно менял выражение лица. Казалось, ему требуется совершить значительное усилие, чтобы изменить направление морщин на коричневых от загара

щеках, или поставить торчком кустистые седые брови, которые как бы подпирала мощная оправа очков с толстыми увеличительными стеклами.

— А я, похоже, совсем своего возраста не чувствую. Особенно во время таких вот маленьких экспедиций с Тильдой. Или когда рисую.

И он вдруг подумал о том, что теперь у него практически не будет времени ни на то, ни на другое. Ему придется постоянно наводить на судне чистоту и суетиться вокруг потенциальных покупателей.

Для всех связанных с продажей судна проблем Уиллис старался найти максимально простое решение. Если, скажем, основную течь можно вполне успешно скрыть, показывая «Дредноут» визитерам исключительно во время отлива, то не менее серьезную проблему на палубе, вызванную дождями — деревянный фальшборт в одном месте основательно прогнил, — можно замаскировать, встав в непромокаемой шляпе с широкими полями прямо под тем местом, откуда капает вода. Уиллис был уверен: такая шляпа где-нибудь на судне непременно отыщется.

— Он же понятия не имеет о том, как что-то продать, — говорил Вуди Ричарду. — Исключая, пожалуй, его собственные картины, да и то я

сомневаюсь, чтобы он за них когда-нибудь настоящую цену запрашивал. Вот уж поистине невинный младенец!

— Зато он в судах отлично разбирается.

— Но живет прошлым. Он, например, как-то расспрашивал меня об одном человеке по имени Пейн, который, похоже, давным-давно умер.

И все же Ричард, понимая, хотя и с некоторыми оговорками, каков в данном случае его долг, сумел выставить «Дредноут» на продажу через одного старого приятеля по службе в RNVR; этот человек, уволившись из вооруженных сил, вместе со своим партнером владел на Холкин-стрит агентством по торговле недвижимостью. Возможно, в данном случае скорей подошло бы слово «знакомый», а не «приятель», однако различия в этих понятиях стали окончательно ясны лишь в мирное время.

Этот риелтор хотел, разумеется — в полном соответствии с современными требованиями, — придать объявлению о продаже судна максимально завлекательный вид и считал, что публиковать такое объявление следует не в жалкой газетенке «Обмен и рынок», куда его вознамерился поместить Уиллис, а в тех газетах, которые пользуются наибольшей популярно-

стью.

— Итак… «Баттерси-Рич» Уистлера… эстуарий… выход в открытое море… нет? Ну, хорошо… подключение к магистральной электропроводке… две уютные каюты — в одной, кстати, хорошо бы поставить модель Летучего Голландца… трюм огромный, прямо как на «Катти Сарк»[30], но требует преобразований… хорошо бы дополнить все изображением «старого морехода»…[31] возможно, удастся убедить покупателя немного подождать, а тем временем укрепить основные распорки…

Обычно эскиз подобных объявлений набрасывал старший партнер по бизнесу, и каждый раз все остальные партнеры считали, что, будь у них такая возможность, они бы сделали это гораздо лучше.

— «Катти Сарк» — была чайным клипером, — заметил Ричард. — И вряд ли Уиллис согласится здесь задержаться и заняться ремонтом. Собственно, в этом весь смысл предпринятой им

---

[30] Примечания: 30

«Катти Сарк» — последний из больших чайных клиперов, быстроходных парусных кораблей, доставлявших чай в Великобританию; построен в 1869 г., стоит в сухом доке в Гринвиче.

[31] Примечания: 31

Герой знаменитой поэмы Сэмюэла Колриджа (1772–1834) — «Сказание о старом мореходе».

срочной продажи судна.

— Эта баржа ходила в Дюнкерк?[32]

— Многие из них действительно тогда были использованы, — сказал Ричард. — Например, «Грейс» и «Морис», а вот «Дредноут», по-моему, нет.

— Жаль. Это послужило бы отличной приманкой для покупателей. Слушай, Ричард, как ты насчет того, чтобы продолжить разговор за доброй порцией розового джина?

Этот приятель Ричарда так часто повторял подобный призыв, что его с давних пор так и прозвали: Пинки[33].

После встречи с риелтором Ричард продолжил спор с самим собой. Это, конечно, дело покупателя — нанять или не нанять опытного оценщика, если речь идет о такой крупной покупке, как дом или судно; да и Пинки, в конце концов, не станет предлагать «Дредноут», не имея никаких гарантий ни в отношении прочности судна,

---

[32] Примечания: 32

Имеется в виду Дюнкеркская операция 1940 г., когда благодаря героизму английских и французских моряков удалось эвакуировать на баржах основную часть английских, французских и бельгийских войск, блокированных немецко-фашистской армией в районе французского порта Дюнкерк, где осуществляется паромная связь с английским Дувром.

[33] Примечания: 33

«Розовенький» (*англ.*).

ни в отношении его несколько старомодной необычности. С другой стороны, Пинки, похоже, в некотором смысле потерял голову, ибо мечтает отличиться и привнести нечто новое в развитие своего бизнеса. И он, разумеется, отнюдь не вызывал у Ричарда такого раздражения, как вахтенный офицер на «Ланарке». Однако самым слабым элементом в данной ситуации — то есть человеком, который более всех нуждался в защите, о котором Ричард всегда помнил и знал, что и впредь будет постоянно мысленно к нему возвращаться, — был, естественно, Уиллис. Лора утверждала, что старик опустился, перестал следить за собой. Она рассказала мужу, что как-то зашла к Уиллису по пустячному делу и обнаружила там одну из дочерей Ненны, младшую, и — «Представь только!» — малышка готовила для старика на камбузе «какое-то жуткое месиво». Но Ричарду нравились картины Уиллиса; он даже заказал ему «портрет» «Лорда Джима», сделанный пером и акварелью. Он понимал, что столь необходимая старику сумма по нынешним меркам совсем невелика, но и этой небольшой суммы ему вполне хватило бы, чтобы как-то выкрутиться.

Ричард, сам того не сознавая, больше уже не резонерствовал, позволяя череде сменявших друг

друга образов — рисунок «Лорда Джима», Тильда, готовящая на камбузе «Дредноута» еду для Уиллиса, — играть роль отвлекающих элементов в его споре с самим собой; благодаря этому разум Ричарда мог работать как бы вполсилы, почти так же, как разум Мориса или Ненны, однако конечный продукт работы его разума был бы совсем иным — окончательное решение, которое примет он, непременно должно было быть четким и целостным, а не распадаться безвольно на множество невнятных составляющих. Не обладай Ричард такой способностью, ему никогда не удалось бы сохранять и поддерживать окружавший его мир в нынешнем состоянии.

Подробно и очень осторожно объяснив Уиллису дальнейшие шаги, Ричард пригласил Пинки на ланч. Встречу пришлось назначить в ресторане. Ричард состоял только в одном клубе — Pratt's, так что от мысли позавтракать там с Пинки отказался сразу, ибо это было бы попросту невозможно[34]. В приверженности Ричарда к этому клубу было нечто необъяснимое — пожалуй,

[34] Примечания: 34

Джентльменский клуб в центре Лондона, создан в 1857 г., назван по имени его создателя Уильяма Пратта. Клуб придерживается старых традиций, и трапезы там проходят за общим столом, где умещается всего 14 человек, хотя членов клуба во много раз больше.

такая же приверженность заставляла его жить на «Лорде Джиме», хотя это и ставило их с Лорой брак под угрозу, — и кроме того, клуб Пратта привлекал его тем, что празднования там случались исключительно по случаю кончины короля или королевы.

И Ричард пригласил Пинки в один из тех ресторанов, где у него имелся счет и где, по крайней мере, не нужно было задумываться, какую выпивку заказать. Пинки, разумеется, сразу же присосался к стакану с джином; это выглядело, пожалуй, даже забавно, а может, и странно, если учесть, сколько стаканов алкоголя он уже успел высосать в течение этой недели; казалось, что стакан у него в руках — это некое отверстие, отдушина, пробитая в толще арктических льдов, через которую он только и может дышать и в которой заключена его единственная надежда на выживание.

— Между прочим, Ричард, когда вы с Лорой собираетесь отказаться от своей дурацкой затеи жить посреди Темзы? Сейчас самое время приобретать собственность, и ты, не сомневаюсь, отлично это понимаешь.

— Где? — спросил Ричард, думая: а с какой это стати Пинки упомянул о Лоре? И с упавшим серд-

цем догадался, что жена давно перестала держать недовольство в себе, и эхо этого ее недовольства наверняка раскатилось достаточно далеко от их причала.

— Где? Ну, разумеется, в таком месте, где и полагается жить джентльменам, — медленно промолвил Пинки словно из-под толщи арктических льдов. — Например, в Нортгемптоншире. Оттуда ты запросто смог бы каждое утро ездить на машине в Лондон, уже в десять был бы у себя в офисе, а к половине седьмого вечера возвращался домой. Я подсчитал, что в таком случае ты шестьдесят процентов жизни проводил бы на работе, а сорок — дома. Неплохо, а? И учти, собственность якобитов[35] не каждый день на рынке появляется. Нам просто повезло, что мы раньше других ее к рукам прибрать успели. И в Норфолке тоже неплохо — если, конечно, тебя небольшие суда интересуют.

Интересно, подумал Ричард, почему Пинки считает, что если он живет на довольно большом судне, его непременно должны интересовать и небольшие суда?

— Только не в Норфолке, пожалуй, — сказал

[35] Примечания: 35

Сторонники короля Якова II, правившего с 1685 по 1688 г., и его наследники.

он. В Норфолке проживало слишком много родственников Лоры. Впрочем, он привел Пинки в ресторан «Реле» не для того, чтобы обсуждать сложные взаимоотношения с родней своей жены. — Кстати, на продаже «Лорда Джима» ты много не выиграешь, — предупредил он приятеля. — Я это судно как достойное вложение капитала даже и не рассматриваю.

— Так за каким чертом ты его тогда покупал, скажи на милость?!

А вот на этот вопрос Ричарду отвечать совсем не хотелось. Между тем официант поставил перед каждым из них подогретую тарелку с написанным на ней названием заведения, однако через несколько минут снова эти тарелки унес — очевидно, он просто дал им возможность полюбоваться столовыми приборами, за которые ресторан «Реле» берет такую наценку. Затем официант стал последовательно подавать на стол различные несъедобного вида предметы: например, хлеб, так сильно подсушенный, что рассыпался на крошки, и весьма сомнительного вида ракушки. Пинки все же сжевал нечто крайне неаппетитное и сказал:

— А ведь его можно было бы назвать «старым морским волком», если тебе кажется, что это

лучше, чем «старый мореход».

— Кого назвать?

— Да Уиллиса твоего. Это уже не звучало бы чересчур литературно.

Официант предложил им на выбор coq au vin или navarin[36], причем в иных обстоятельствах оба блюда наверняка носили бы название просто «рагу».

— А этот парень свое дело знает! — отметил Пинки, и Ричард почувствовал, что, пожалуй, полностью с ним согласен.

Вино, впрочем, хотя Ричард и сам не принадлежал к числу тех, к кому сомелье стремятся с распростертыми объятьями, оказалось не особенно хорошим. Но на сей счет Пинки ничего не сказал, поскольку был вполне удовлетворен изрядным количеством джина, да и платил за угощение не он; ну а Ричард ничего не сказал, потому что, подумав, пришел к выводу, что для Пинки и это вино вполне сойдет.

После того как принесли coq au vin и официант принялся сгружать на тарелки с загадочным образом разделенного блюда какие-то увядшие овощи, Ричард решил, что ему пора конкретизи-

---

[36] Примечания: 36

«Петух в вине» (*фр.*) и «баранье рагу с репой и картошкой» (*фр.*).

ровать свою цель.

— У меня самого нет особого интереса в продаже этого судна, — признался он. — Я всего лишь изо всех сил стараюсь помочь старому, вышедшему в тираж художнику Сэму Уиллису, которого считаю своим другом. А ты не должен забывать, что помимо всех этих частностей ты получил от меня полную спецификацию «Дредноута».

— Ну-у, осмелюсь заметить… спецификация и в Управлении портом имеется… бесценная мисс Баркер… А впрочем, продолжай.

— Но я не помню, чтобы судно кто-то осматривал или инспектировал. И, по-моему, я прав, утверждая, что право подробного осмотра остается за покупателем.

Еще один официант прикатил тележку, на которой было блюдо с кусками gateaux[37], украшенное какой-то белой субстанцией, и стеклянная миска с водой, в которой плавали ломтики жесткого яблока. Вряд ли кому-то могла прийти в голову абсурдная мысль хоть что-то из этого съесть, но Пинки все же попросил положить ему кусочек «десерта» и сказал:

— Итак, спецификации. Ну что ж, мне придется

---

[37] Примечания: 37
Сладкий пирог (*фр.*).

вернуться в офис и проверить их, хотя, как я уже говорил, они там, безусловно, имеются. А теперь, надеюсь, ты не станешь ворчать, если я выпью бокал бренди?

Ричард заказал бренди.

— Я и еще кое о чем пока не упомянул, — решительно начал он, — и хочу, чтобы в этом отношении между нами все было абсолютно ясно: у меня есть основания полагать, что на «Дредноуте» имеется приличная течь.

Это заявление так насмешило Пинки, что он даже пролил несколько капель бренди, принесенного официантом с чрезвычайно утомленным лицом.

— Ну, естественно, эта старая калоша протекает! Все старые суда на Темзе протекают, как решето. И точно так же все пресловутые исторические особняки прогнили насквозь, точно головка перезрелого сыра. Всем это известно, однако старина нынче в цене.

Ричард вздохнул.

— Скажи, Пинки, тебе никогда не приходило в голову, каково это — принадлежать к классу вещей, ценность которых с возрастом только возрастает? Я имею в виду дома, дубы, мебель, вино, ну что там еще?.. Вот мне тридцать девять,

а тебе не знаю точно, сколько…

Однако Пинки разговор на эту тему не поддержал, а через полчаса Ричард подписал счет, и они покинули ресторан «Реле». Пинки все еще что-то соображал, во всяком случае, ему было ясно, что в данном случае у него весьма слабые перспективы насчет комиссионного вознаграждения или повышения по службе.

— Раз уж ты уперся, Ричард, — сказал он, приобняв приятеля за плечи и одновременно отгородившись от него зонтом, — раз уж ты так уперся, то тебя черта с два с места сдвинешь, мне это, во всяком случае, не под силу, ты существуешь в каком-то непонятном пространстве — ни на земле, ни на воде. — И, поскольку Ричард молчал, Пинки прибавил: — Ладно, оставайся на связи. Следующая встреча не за горами. Да и вообще, надо бы почаще встречаться.

* * *

Вторыми или третьими покупателями, присланными Пинки, были страховой агент и его жена, которым хотелось иметь такое судно, где летом при полной воде можно было бы время от времени устраивать вечеринки, и старый «Дредноут» им весьма приглянулся, они, можно

сказать, были им очарованы. В день осмотра шел небольшой дождик, но Уиллис так и не нашел в себе сил, чтобы заняться поисками «водонепроницаемой» шляпы, и ему пришлось обойтись обыкновенной фетровой шляпой с высокой тульей, но он упорно стоял на посту под протекающим фальшбортом, пока ни о чем не подозревающий сотрудник агентства показывал потенциальным покупателям судно. На камбузе, разумеется, царил жуткий беспорядок, зато прекрасное впечатление произвели и кубрик со старой табличкой «На 2-х матросов», и рубка, и салон на верхней палубе, откуда Уиллис обычно наблюдал за жизнью реки.

— Вы, наверное, заметили качество днищевой обшивки? — вещал риелтор. — Все планки сплошь из молодого английского вяза и наложены в три слоя от киля, а поверху еще и дубом обшиты! Дуб — вот что, знаете ли, имел в виду адмирал Нельсон, говоря о качестве деревянных переборок! Причем, обратите внимание, я ведь не утверждаю, что долгая жизнь не оставила на этом судне своих печальных следов. Здесь, безусловно, имеются кое-где небольшие повреждения, вызванные особенностями нашего климата…

Через несколько недель, которые Уиллису, од-

нако, показались годами, солиситоры составили, наконец, предварительный вариант договора на продажу несчастной старой баржи, согласно которому риелторское агентство было готово заплатить за «Дредноут» 1500 фунтов, но при условии, что через полгода, то есть к весне 1962-го, Уиллис приведет судно в порядок.

«Полгода!» — то и дело повторял Уиллис. Это, конечно, довольно долго, но в пределах допустимого.

Ричард предложил ему заменить за это время насосы, насосные колодцы и кое-какие части корпуса. Он все никак не мог понять, с каким человеком в данном случае имеет дело, тщетно пытаясь помочь тому, кто никогда не ощущал ни физической, ни душевной потребности что-либо в своей жизни менять. Даже сама внешность Уиллиса — короткие, торчком стоящие черные волосы и победоносное, как у боксера-профессионала, выражение лица — не претерпела особых изменений с тех пор, как он еще в начальной школе прогуливал уроки, уходя на берег реки и слоняясь в доках. Вообще-то некогда у него были и жена, и мать, на редкость прочная старуха, великая велосипедистка и сторонница местных лейбористов, но обе они умерли от

рака, и тут, разумеется, никакие замены оказались невозможны. Уиллис считал, что тело должно либо само себя восстанавливать, либо попросту переставать функционировать, но к чувствам это абсолютно неприменимо, особенно к его собственным чувствам. И он в итоге стал сомневаться в целесообразности любых перемен и новых начинаний, доверяя лишь умению людей держаться вместе. «Дредноут» оставался на плаву более шестидесяти лет, а Ричард, хоть Уиллис и называл его Капитаном, в таких старых деревянных судах, во всех этих тимберсах и шпангоутах, разбирался плоховато. Однако было ясно, что если починка «Дредноута» будет произведена кое-как, она почти наверняка станет его концом. По этому поводу Уиллис часто вспоминал свой последний визит к дантисту. В 60-е годы посещение зубоврачебного кабинета было бесплатным, но если вы хотели избежать хирургического вмешательства, требовалось подписать какие-то бумаги, которые Уиллис с радостью и подписывал. А когда дантист объявил, что два зуба необходимо срочно удалить, Уиллис просто встал и пошел прочь, довольный тем, что не успел снять куртку и благодаря этому избежал необходимости продолжать дискуссию. Покинув

приемную врача, он с полным основанием думал: ведь если удалить один зуб, а еще хуже два, то вскоре за ними последуют и все остальные.

— «Дредноут» и так отлично продержится еще несколько лет, — настаивал он. — И потом, какой ремонт можно делать при дубовой обшивке?

— А ты спросил у него, как оценили судно страховщики? — поинтересовалась у Ричарда Лора.

— На таких старых баржах оценка обычно не производится. Или, по-моему… страховую оценку можно потребовать, скажем, в случае пожара, но не в случае затопления судна или полученных во время шторма повреждений.

— Я уезжаю домой, — объявила вдруг Лора. — Недели на две. А может, и больше — в общем, не знаю точно на сколько.

— Когда?

— О, в самое ближайшее время. Так что мне будет нужна некоторая сумма.

Ричард старался не смотреть на жену, опасаясь, что она может неправильно воспринять этот его взгляд. Но Лора как ни в чем не бывало продолжала:

— А что там с «Грейс»?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, «Грейс» ведь, кажется, тоже в плохом

состоянии?

Ричард вздохнул.

— Да, состояние у нее, конечно, оставляет желать лучшего. Но на «Грейс» все основные беды выше ватерлинии. Я много раз говорил Ненне, что ей надо раздобыть надежного помощника. Завела бы какого-нибудь хахаля из бывших моряков, и он в свободное время постепенно все привел бы в порядок. У них ведь даже переборок между каютами нет.

— Это тебе Ненна сказала?

— Да это каждому сразу видно, стоит хоть раз туда заглянуть.

— Какие, однако, странные вещи тебе выдают.

— Ну, люди, наверное, уже до некоторой степени привыкли со всеми своими неприятностями ко мне обращаться, — пожал плечами Ричард и прошел в каюту, чтобы сменить черные офисные туфли на красные кожаные шлепанцы, которые, как вся прочая его одежда и обувь, никогда, похоже, не снашивались. В этих шлепанцах он сразу начинал чувствовать себя не таким усталым.

— И на «Грейс» тебе, похоже, задают куда больше вопросов, чем на «Дредноуте»?

— Не уверен. Никогда в количественном отношении это не оценивал.

— Впрочем, они не стоят того, чтобы уделять им слишком много внимания. Хотя люди, по-моему, частенько нас обсуждают.

— Ты так думаешь?

— Ну да. Говорят, например: «Вот снова идет эта миссис Блейк. Меня от ее кислой рожи просто тошнит, у нее весь день такой вид, словно ей все вокруг осточертело».

Ричард очень не любил, когда его вынуждают думать о двух вещах одновременно, тем более под конец дня. Он поцеловал Лору, сел поудобнее и попытался как-то упорядочить предложенные ему темы, как бы поместив их под одним заголовком. От тяжких раздумий между бровями у него пролегла глубокая косая морщинка. Проблема Лоры заключалась в том, что ей толком нечем было заняться — детей у них не родилось, хотя о детях она в последнее время даже не заикалась, — и Ричард испытывал угрызения совести, хотя не раз предпринимал попытки сделать ее счастливой, но все они оказались неудачными. С другой стороны, Ненна имела, пожалуй, даже слишком много. А если муж так уж ее разочаровал, что, по всей видимости, и было основной причиной ее недовольства, то ей следовало обратиться к кому-то из своих родственников-мужчин и по-

просить обо всем позаботиться. Ричард по опыту знал, что у каждой женщины всегда найдется немало таких родственников. У Лоры, например, было два младших брата, не слишком удачливых биржевых маклера, которые все никак не могли прижиться на той фирме, куда их пристроили, а также многочисленные дядья — один из них, старый урод, приглашал к себе на полный пансион скандинавские пары, находя их по объявлениям в женском журнале «Леди», — и, разумеется, не менее многочисленные норфолкские кузены. А вот у Ненны, похоже, никого не было. Впрочем, она ведь из Канады сюда приехала. И мысль об этом — Ричард почти не сомневался, что приехала она из провинции Новая Шотландия, — похоже, и объединила обе мучившие его проблемы; теперь они представлялись ему в виде единой структуры, работающие части которой пребывают в тесном взаимодействии.

Лоре очень повезло, что она вышла именно за Ричарда, который никогда, ни за что на свете не стал бы сознательно причинять ей боль. И теперь он надеялся, что две недели в родительском доме среди бесконечных акров полей, пропитанных влагой, смогут вернуть Лоре понимание тех преимуществ, какие дает жизнь на «Лорде

Джиме». Правда, до сих пор ничего подобного с нею так и не произошло, и сейчас придется ему поломать голову, чтобы отыскать наиболее приемлемый выход из сложившейся ситуации. Но пока что Ричарда не особенно удовлетворяло то, как складывается его мысль. Похоже, там вылетела какая-то фаза. Плохой знак, и вряд ли есть надежда запросто все восстановить.

— Знаешь, Лолли, давай пойдем куда-нибудь? Пообедаем? — вдруг предложил он.

— С чего это вдруг?

— Ты сейчас такая хорошенькая, и мне захотелось, чтоб и другие тобой любовались, завидуя мне. Хотя, боюсь, люди просто удивляться начнут, с какой стати эта красотка согласилась пойти на свидание с таким простецким парнем.

— А куда ты обычно приглашаешь деловых партнеров? Скажем, на ланч?

— В «Реле», конечно. Впрочем, по вечерам там ничего хорошего нет. Но мы можем пойти в другой французский ресторанчик, он называется «Провансаль», и устроить им проверку.

— На самом-то деле никуда тебе идти не хочется, — заметила проницательная Лора, однако тут же ушла переодеваться в ту каюту, которая, увы, заменяла ей нормальную гардеробную. Ричард

снял любимые шлепанцы, вновь сунул ноги в строгие черные туфли, и они вместе спустились на причал.

Глава шестая

Вышло так, что у Марты и Тильды совсем не оказалось денег на карманные расходы; впрочем, пока они не ходили в школу, это было не так уж и важно, поскольку дома они избавлялись от мучительного сравнения себя с другими; а в отношении матери они и вовсе никаких обид не испытывали, прекрасно зная, что денег и у нее нет. Ненна, правда, надеялась, что к весне какие-то деньги у них все же появятся в результате трех событий, которые точно льдины во время ледохода неторопливо последуют друг за другом. Во-первых, вернется Эдвард, и они все вместе будут жить на «Грейс», что, по крайней мере, позволит сэкономить ту сумму, которую он сейчас платит за съемную квартиру; во-вторых, девочки, как только монахини и ученицы младших классов перестанут молиться за них в искусственной пещере, непременно вновь начнут посещать школу; и в-третьих, пока Тильда будет в классе, Ненна сможет наконец-то выбраться из дома и поискать себе работу.

Правда, Марта даже представить себе не могла,

чтобы мать вышла на работу, и чувствовала, что подобный эксперимент, скорее всего, окажется провальным.

— Вы, девочки, просто жизни моей не знаете, — говорила дочерям Ненна. — Я ведь до войны во время каждых каникул где-нибудь работала — и тарелки мыла, и туристам советовала, где лучше на ночлег остановиться. В общем, самыми разными делами занималась.

Марта улыбнулась при мысли о тех милых временах, давно канувших в прошлое, и спросила:

— И что же ты туристам советовала?

Собственно, деньги девочкам требовались в основном для того, чтобы покупать синглы Элвиса Пресли и Клиффа Ричарда; радостно улыбающаяся фотография последнего занимала у них в каюте центральное место. Эта фотография — в полный разворот — была напечатана в журнале Disc Weekly, откуда они ее и выдрали. А если нельзя себе позволить приобрести оригинальную запись, то ведь продаются и дешевые «сорокопятки», которые запросто можно купить в магазине «Вулвортс» на Кингз-роуд, и песни Ричарда звучат на них ничуть не хуже.

Как и все дети, выросшие на берегах великой лондонской реки, Марта и Тильда понимали, что

полоса прибрежной грязи для многих представляет собой постоянный источник дохода; впрочем, они были слишком строптивы, чтобы вступать в соревнование с жителями, скажем, Партизан-стрит, которые постоянно копались в этой грязи в поисках монет, медалей и червей-пескожилов. Пескожилов, впрочем, как посоветовал девочкам Уиллис, лучше всего искать возле Лаймхаус-Рич. А поблизости от места швартовки «Грейс» река выбрасывала на берег разве что груды пластиковых коробок и бутылок.

Каждая экспедиция, имеющая целью добывание дополнительных денежных средств, означала, что девочкам придется перейти по мосту на другой берег Темзы, потому что возле Баттерси-Рич река, пройдя под двумя мостами, сворачивала в сторону Суррея. Ответственность за подобные вылазки — а ведь они могли оказаться как удачными, так и неудачными — заставляла Марту хмуриться; между бровями у нее сразу пролегала тонкая морщинка, идущая чуть наискосок и в точности похожая на ту глубокую морщину, что возникала в минуты раздумий на лбу у Ричарда.

— Сегодня идем за кирпичами, — объявила она. — Как там прилив?

— Высокая вода в Грейвзенде в 3 утра, под Лондонским мостом — в 4, под мостом Баттерси-бридж — в 4.30, — нараспев протараторила Тильда. — Сейчас начало весеннего паводка, а значит, отлив продлится семь с половиной часов. Малая вода в 12 часов дня.

Марта с некоторым сомнением посмотрела на сестру. Ну зачем ей такое количество всевозможных специальных знаний? Ничего хорошего это не даст, разве что, может, когда-нибудь она сумеет удостоверение лоцмана получить. А сейчас в своих «веллингтонах», покрытых толстой коркой засохшей грязи, принесенной бесчисленными приливами и отливами, Тильда более всего походила то ли на водяного, то ли на глубоководного демона. И Марта снова и снова повторяла про себя, точно молитву: что бы ни случилось, я никогда не должна о ней забывать.

Обе сестры были маленького роста, но казались еще меньше, когда тащились по мосту через реку со своей ручной тележкой. Одеты они были в прочные канадские куртки-анораки, присланные тетей Луизой.

У подножия старой церкви в Баттерси вода, отступив, оставила после себя широкую полосу ила и гальки. На берегу на некотором расстоянии

друг от друга лежали большие кучи темного плавника. А возле дока несколько портовых грузчиков, навалив плавник огромной грудой, устроили костер, желая хоть немного очистить берег. От костра валил густой синеватый дым с едким запахом — это мокрое дерево покидал сердитый дух морской соли и огня. Тильда подобные запахи просто обожала и сразу раздула ноздри как можно шире.

За доком лежала вверх днищем старая баржа-развалюха. Было как-то неприятно и даже, пожалуй, страшновато смотреть на ее сверкающее под солнцем плоское брюхо с торчащим, как хребет ящера, килем. Любое старое судно, перевернувшись кверху килем, сразу обретает вечный покой, но для речной баржи с Темзы есть только один путь на небеса, если, конечно, она хочет сохранить собственное достоинство.

Эта развалина с говорящим названием «Смол Гейнз»[38] пришла в полную негодность более двадцати лет назад, когда сотни таких же старых барж вовсю работали на реке и даже ходили под парусами. Крепко увязнув в прибрежном иле со своим тяжелым грузом кирпичей, «Смол Гейнз»

---

[38] Примечания: 38
«Малая выгода» (*англ.*).

так и не смогла всплыть даже при полной воде, и в итоге приливная волна попросту перевернула ее. Приплывшие на ней кирпичи так и остались рассыпанными в прибрежной полосе, и после шторма их десятками выбрасывало на берег. К сожалению, они по большей части оказывались либо разбиты на куски, либо и вовсе перемолоты песком и водой почти в порошок. Однако помимо основного груза кирпичей «Смол Гейнз» везла еще и некоторое количество керамической плитки. Примерно в полдень, в тот четко определенный момент, когда солнечные лучи, вынырнув из-за газового завода, падают на воду почти вертикально, высвечивая все, что лежит на дне, умелый и знающий человек вполне может попытаться — а в этом деле Марта и Тильда считали себя настоящими экспертами — извлечь застрявшую в иле глазурованную керамическую плитку, но, разумеется, только в том случае, если она торчит под нужным углом.

— Как ты думаешь, у мамы еще не начало развиваться старческое слабоумие? — спросила вдруг Тильда.

— Мне казалось, что сегодня мы с тобой домашние дела обсуждать не собирались, — отрезала Марта. Но, помолчав, прибавила: — Мама просто

слишком сильно зависит от чужого мнения — например, от мнения Мориса или любого другого человека, который проявит к ней сочувствие. По-моему, таких людей ей бы вообще избегать следовало.

Девочки сидели на старой каменной ограде, которой был обнесен церковный двор, и ели захваченные с собой сэндвичи, а точнее, хлеб, намазанный загадочной субстанцией с характерным названием «Спред»[39]; собственно, только на это данное вещество и годилось.

— Матти, а кого бы ты выбрала, если бы тебя под угрозой расстрела заставили прямо завтра замуж выйти?

— Ты имеешь в виду кого-то с нашего причала?

— А мы ни с кем другим и не знакомы.

Чайки, которые способны разглядеть кусочек хлеба даже с расстояния в сотню ярдов, медленно приближались к ним по уступчатому берегу.

— Ну, я подумала, что ты, может, Клиффа имеешь в виду.

— Не Клиффа и не Элвиса. И не нашего Ричарда. Это и так ясно.

---

[39] Примечания: 39

Spread (*англ.*) — намазывать, размазывать. Общее название для различных пастообразных продуктов — джема, паштета, маргарина.

Облизывая пальцы, Марта заметила:

— Он в последнее время постоянно усталым выглядит. А вчера вечером я видела, как он повел Лору куда-то обедать. Прямо сразу, не успел с работы вернуться! Где ж тут расслабиться и отдохнуть? И вообще, что это за жизнь для мужчины?

— А в чем она была?

— Я не сумела толком разобрать. Но сверху у нее точно было новое пальто.

— Но ты же как-то разглядела, какой Ричард усталый?

— Да, это я разглядела.

— Как ты думаешь, а мама это замечает?

— Ой, да это все замечают!

Когда солнечные лучи достигли нужной яркости и направленности, высекая из фарфоровых и стеклянных черепков на берегу поистине ослепительные искры, девочки принялись за дело. Тильда во весь рост вытянулась на длинном толстом бревне — эту часть работы всегда выполняла именно Тильда, потому что Марта мгновенно покрывалась царапинами и ссадинами. Вообще-то Марта втайне считала себя этакой «принцессой на горошине» и все ждала, когда же столь легко получаемые синяки и ссадины откроют всем ее истинное происхождение.

А Тильда, не отрываясь, смотрела вниз, ибо тут было важно полностью сосредоточиться.

— Вон одна!

И она, мгновенно вскочив на ноги, бросилась к цели, перескакивая с одного затонувшего предмета на другой, причем некоторые из них едва выдерживали ее вес — это были старые автомобильные покрышки, выброшенные за полной негодностью сапоги, ребра упаковочных клетей, почти дочиста сгнивших и с негодованием разгромленных чайками. Гораздо дальше того предела, за которым вязкий ил превращался в предательскую трясину, из которой когда-то так и не сумела выбраться баржа «Смол Гейнз», Тильда на мгновение застыла на торчащем из воды руле утонувшего велосипеда. И как только велосипед угораздило туда попасть?

— Матти, это же «Рали»![40]

— Если что-нибудь заметила, сразу вытаскивай и немедленно возвращайся!

— Я целых две плитки вижу!

Держа в каждой руке по керамической плитке и балансируя, точно циркачка, Тильда вернулась к бревну и спрыгнула на берег, чувствуя себя

---

[40] Примечания: 40

Raleigh — фирменное название велосипедов, мотороллеров, детских колясок компании «Рали индастриз», основанной в 1934 г.

знаменитой артисткой, стоящей на арене в лучах прожекторов; вокруг гремят аплодисменты, и все зрители — мужчины, женщины, дети — встают и, продолжая аплодировать, спрашивают друг у друга: кто же она такая, эта новенькая, которой удалось то, что до сих пор столь многим не удавалось?..

Ближайшим источником чистой воды была колонка на церковном дворе; правда, мыть там свои находки девочки не любили, считая, что эта вода предназначена для цветов на могилах. Впрочем, Марта набрала воды в ведро и отошла с ним в сторонку.

Когда удалось немного отмыть от грязи одну из выловленных Тильдой плиток, на ее поверхности постепенно, дюйм за дюймом стали проступать рубиново-красные пятна глазури, сиявшей, как драгоценный камень, а затем показались изящные очертания серебристой птицы, изображенной чуть гротескно; она стояла на одной ноге в окружении веток с иссиня-черными листьями и ягодами; клюв у нее был из полированной меди.

— Красивая, правда?

— Очень.

— А посмотри, какой дракон!

Изогнутый хвост дракона тянулся по краю

второй плитки, как бы заключая изображение самого ящера в золотую раму, украшенную драгоценными каменьями.

Обратная сторона обеих плиток оказалась немного поврежденной, но на одной из них все же можно было различить буквы N D S END, и Марта сразу поняла, что ошибиться тут невозможно.

— Это же керамика Морганов, Тильда! И сразу две плитки! За одно утро!

— И за сколько мы сможем их продать?

— Тильда, ты помнишь ту старую даму?

— Какую? Я вообще ее видела?

— Тильда! Я же всего три месяца назад тебя к ней водила! Ну, миссис Стирлинг из Баттерси Олд Хаус! Ее сестра была замужем за Уильямом Морганом! Ну, за тем самым, что разную красивую керамику делал и такие вот плитки тоже, хотя это еще в викторианскую эпоху было. Ну, ты же должна эту женщину помнить! Она в инвалидном кресле ездила. Помнишь? Мы тогда за чай заплатили, а нам сказали, что деньги пойдут в Красный Крест, и разрешили съесть только по две ячменные лепешки, потому что иначе Красному Кресту нет никакой выгоды от этих чаев. А потом миссис Стирлинг стала нам все объяснять про

керамику и показала разные красивые плитки, плошки, вазы, которые в фамильной мастерской делали; а еще она нам показала помазок и расческу, с помощью которых Морган за своей бородой ухаживал.

— А сколько ей тогда было лет?

— В 1965 году ей исполнится целых сто лет!

— А как ее звали?

— Вильгельмина. Миссис Вильгельмина Стирлинг.

Тильда неотрывно смотрела на блестящую птицу с золотистым клювом, в которой ей, пожалуй, чудилось что-то пугающее.

— Давай лучше поскорей завернем эти плитки во что-нибудь, а то их кто-нибудь увидит и захочет украсть.

Вдруг посерьезнев и став рассудительными в присутствии неожиданно обретенных сокровищ, как это часто случается со многими искателями, девочки завернули керамику в анорак Тильды, отчего плитки сразу же вновь покрылись тонкой пленкой пыли, пригасившей невероятное сияние знаменитого Де Моргановского люстра.

— А вон Вуди! — крикнула Тильда, подскакивая на месте, точно пробка на приливной волне.

— И чем он занят?

— Машину со двора выгоняет.

Поблизости от Баттерси-Рич никаких гаражей не было, и Вуди приходилось оставлять свой пребывающий в безупречном состоянии «Остин Кэмбридж» во дворе пивной на суррейском берегу.

— Я стараюсь привлечь его внимание, — объяснила Тильда сестре. — Пусть он нас домой отвезет, а тележку мы на заднее сиденье положим.

— Тильда, ты что, не понимаешь? Он ведь будет просто *вынужден* сказать «да», потому что ему нас жалко. Я сама слышала, как он говорил Ричарду, что мы вроде мусора, выброшенного штормом на берег. Нехорошо пользоваться его добротой. И потом, мы ему все сиденья испачкаем.

— Ну и что? Он сам виноват, раз такой добрый! И потом, не добрые унаследуют землю, а бедные, скромные и смиренные.

— А с добрыми что, по-твоему, случится?

— Добрые получат в зубы.

Вуди, разумеется, усадил девочек в машину и перевез через реку.

— А уж зимой, знаете ли, придется вам самим о себе заботиться, — вздохнул он, — боюсь, я тогда уже не смогу вас подбрасывать. Вот соберу свои вещички и до весны на причале не появлюсь.

«Рочестер» я подумываю в сухой док поставить. Нужно и ему должное внимание уделить.

— И что же вы сам будете свои вещички собирать? — спросила Тильда.

— Нет, дорогая, скоро приедет жена и поможет мне собраться.

— У вас же нет никакой жены!

— Есть. Ты, детка, просто никогда ее не видела.

— А как ее зовут?

— Дженет. — И Вуди показалось, что он это имя только что выдумал, желая как-то себя защитить.

— А как она выглядит?

— Ну, реку-то она не особенно любит. И обычно проводит лето где-нибудь в другом месте.

— Значит, она вас бросила?

— Нет, конечно же, нет! Она купила себе «караван», это такой дом на колесах, и ездит на нем в Уэльс, в одно очень милое местечке недалеко от Тенби. — Хотя Вуди уже много раз давал подобные объяснения, сейчас он почему-то чувствовал себя несколько смущенным, ведь ему впервые приходилось рассказывать об этом шестилетнему ребенку. — А зимой мы оба возвращаемся в наш дом в Перли. Такое мы с ней дружеское соглашение заключили.

«Неужели на всем Баттерси-Рич нет ни одной пары, женатой или неженатой, которая может нормально жить вместе?» — думала Марта. Она, конечно, видела такие пары, но исключительно среди тех ненадежных людей, которые у них назывались «любителями хорошей погоды». Эти люди швартовали суда в средней части причала и жили там только летом. Вот среди них встречались супружеские пары, которые не только постоянно проживали вместе, но и размножались, хотя возможности увидеть, как врач с черным саквояжем спешит к ним по сходням (а может, даже и падает в реку!), Марте пока не представилось. В случае срочной необходимости под рукой всегда имелись медсестры с баржи «Блуберд». Эту баржу арендовала целая группа сестер и сиделок из госпиталя «Ватерлоо», так что, если у кого-то внезапно начинались роды, именно они могли и о роженице позаботиться, и «Скорую помощь» незамедлительно вызвать. Впрочем, сейчас почти вся средняя часть Баттерси-Рич уже опустела, а через неделю там и вовсе останутся только сами обитательницы «Блуберд».

В итоге Марта решила выбросить из головы мысли о тех неудобствах, которые они причиняют Вуди, и попросила его не останавливаться

возле причала, а проехать чуть дальше, на Нью-Кингз-роуд.

— Остановитесь, пожалуйста, возле магазина Bourgeois Gentilhomme[41], — сказала она, старательно произнося слова французского языка, которому ее учили в монастырской школе.

— Но, дорогая, это ведь, кажется, антикварный магазин, не так ли?

— Да, и мы собираемся продать там одну антикварную вещицу.

— Вот как? И у вас действительно есть такая вещица?

— У нас даже две есть!

— Вы уверены, что уже бывали в этом магазине?

— Конечно.

— Ну, хорошо, я постараюсь приткнуться здесь к тротуару и высажу вас, — пообещал Вуди, думая: может, все-таки стоит подождать девочек? С другой стороны, ему хотелось вернуться на «Рочестер» до начала прилива. И он просто некоторое время смотрел сестрам вслед. А те, надо отдать им должное, весьма мило его поблагодарили — в конце концов, они были совсем не так уж плохо

---

[41] Примечания: 41

«Мещанин во дворянстве» (*фр.*) — название комедии Мольера.

воспитаны — и смело вошли в магазин через боковую дверь.

Иной раз, правда, Марте изменяло мужество, и в такие моменты особенно отчетливо проявлялись те преимущества, которыми обладала ее младшая сестра. Вот и сейчас Тильда успела преспокойно устроиться в кресле-качалке, выставленной на тротуар, и Марте пришлось довольно резким тоном заставить сестренку встать и объяснить, что ей тоже придется пойти в магазин и помочь вести переговоры с нужным человеком. Но Тильда, которой еще никогда не доводилось покачаться в кресле-качалке, совсем не хотела никуда идти и в ответ сообщила, что у нее слишком грязные сапоги.

— И вообще — сейчас я старый Авраам Линкольн, который просто сидит в кресле и думает.

— Ты должна пойти со мной!

Магазин Bourgeois Gentilhomme был в Челси одним из многих подобных заведений, которые выживали исключительно за счет продажи антиквариата. И тамошняя атмосфера, стоило вам войти внутрь через маленькую дверь, вырезанную из викторианского бильярдного стола, действовала поистине угнетающе. Многочисленные стенные часы, например, самым диким

образом одновременно отбивали и показывали различное время суток. А за угловым столиком спиной к залу сидела загадочная женщина в черном, вечно занятая какими-то подсчетами и окруженная невероятно пыльной мебелью; казалось, некогда жестокий жених покинул эту особу прямо в день свадьбы, вот она с тех пор так и сидит в углу, никому не позволяя ни к чему-либо прикасаться. Она даже глаз не подняла, когда вошли девочки, хотя на бывшей бильярдной столешнице, то есть на нынешней двери, висело на шнурке коровье ботало, издававшее весьма резкий звон.

— Скажите, пожалуйста, где мистер Стивен?

Не ожидая ответа — а точнее, даже не надеясь на него, — Марта, таща за собой упирающуюся Тильду, прошла через торговый зал в заднюю часть магазина, где находился кабинет мистера Стивена. Здесь все было, как прежде, и из жалкого кабинета, бывшей буфетной, две ступеньки вели на небольшой внутренний дворик, буквально заваленный всякой дрянью. Мистер Стивен сидел возле парафинового обогревателя и тоже что-то писал на листочках бумаги — видимо, подводил некие итоги. Марта вытащила обе керамические плитки и молча положила перед ним.

Хорошо знакомый с теми сокровищами, которые находят в прибрежных водах, торговец для начала дочиста протер покрытые глазурью поверхности, но не водой, а какой-то особой жидкостью из бутылки. Затем, сняв с пальцев все тяжелые перстни, стал по очереди рассматривать каждую плитку, осторожно держа ее за самые краешки.

— Значит, вы проделали такой долгий путь, чтобы всего лишь показать мне какие-то плитки? И что же они, по-вашему, собой представляют?

— Я-то хорошо знаю, что они собой представляют, — сурово отвечала Марта. — А потому всего лишь хочу узнать, сколько вы могли бы мне за это заплатить.

— А что, у вас дома еще такие есть?

— Они не из дома.

— В таком случае, где же вы их нашли?

— В одном месте.

— А вы уверены, что там таких больше нет?

— Только эти две.

Мистер Стивен принялся изучать золотисто-серебряную птицу с помощью лупы.

— Нет, моя дорогая, это обыкновенная керамика, хотя и довольно симпатичная.

— Вот как? А почему же вы тогда все свои коль-

ца сняли?

— Лишняя осторожность, душа моя, никогда не помешает.

— Значит, так: это два замечательных образца керамики с рубиновым люстром Уильяма Де Моргана! — уверенно заявила Марта. — Мало того: рисунок на них сделан золотой и серебряной глазурью — так называемым «звездным» и «лунным» люстром!

— Кто вас сюда послал? — насторожился мистер Стивен.

— Никто. Вы ведь нас знаете, мы уже не раз здесь бывали.

— Да, я помню. Но кто все-таки научил вас, что именно следует говорить?

— Никто.

— Миссис Вильгельмина Стирлинг! — не удержалась Тильда. — Ей уже лет девяносто семь, не меньше.

— В общем, кто бы вас ни послал ко мне, чтобы это продать, я, к сожалению, вынужден вас разочаровать: эти плитки никак не могли быть изготовлены в мастерской Де Моргана. Боюсь, вы просто маловато о нем знаете. Где, например, находились его мастерские? Вряд ли вы как следует рассмотрели те буквы, что сохранились

на обратной стороне этих керамик. N D S END. Гончарное производство Уильяма Де Моргана располагалось на Чейн-Уок, а позже он перенес свои печи для обжига в аббатство Мертон. Эти буквы никак не соотносятся с аббревиатурой той или другой мастерской.

— Конечно, не соотносятся. Зато они соотносятся с одной из самых последних серий его керамик, когда он перенес производство в Сэндзенд и Фулем. Разве вы этого не знали?

И дабы сохранить собственное достоинство, торговец был теперь просто обязан с улыбкой сожаления вернуть девочкам плитки. Однако противиться желанию получше рассмотреть чудесную птицу он не сумел. Он так близко поднес ее к настольной лампе, что свет, вспыхнув на дивном алом люстре, пробежал по поверхности плитки и как бы стек с ее краев язычками яркого пламени. И теперь они с Мартой вдруг оказались на время объединены неким странным чувством братства, весьма неожиданным для обоих, и оба постарались поскорее, хотя и не без труда, от этого чувства освободиться.

— Ну что ж, мы, пожалуй, возьмем эти плитки. Хотя птица, безусловно, значительно лучше дракона — его я беру только в пару к ней. Кстати, вы,

может быть, захотите обменять эти керамики на что-то другое? У нас в магазине есть весьма интересные вещицы… очаровательные старинные игрушки. Ваша маленькая сестренка…

— Ненавижу старинные игрушки! — мгновенно заявила Тильда. — Они, наверное, только для старинных детей и годились.

— А вот музыкальная шкатулка викторианской эпохи…

— Так она же сломана!

— Да нет, по-моему… — неуверенно возразил мистер Стивен, и в голосе его явственно прозвучала тревога. Оставив девочек, он устремился в зал, судорожно пытаясь отыскать ключ от музыкальной шкатулки и все сильнее нервничая. Однако мрачная женщина, сидевшая в углу, даже не попыталась ему помочь.

— Тильда, ты что, пыталась починить эту шкатулку? — тихо спросила у сестренки Марта.

— Ну да.

И Марта, понимая, что когда это выяснится — а ждать придется недолго, — ее шансы на сделку существенно уменьшатся, поспешила заявить:

— Мы просим три фунта за обе плитки с люстром Де Моргана. Если вас это не устраивает, то, извините, но мне придется попросить вас немед-

ленно их нам вернуть.

То уважение, которое Тильда испытывала к старшей сестре — ей никогда еще не доводилось видеть в руках у Марты такой огромной суммы денег! — заставило ее не только почувствовать собственное ничтожество, но и молчать, пока они не вышли из магазина. Лишь через несколько минут она осмелилась хриплым шепотом спросить, сразу ли они пойдут покупать вожделенные пластинки.

— Да, прямо сейчас и пойдем. Только сперва надо маме какой-нибудь подарок купить. Понимаешь, папа вечно забывал о таких вещах.

— Она что, так и сказала?

— А ты что, когда-нибудь видела, чтобы папа ей подарки дарил?

И сестры, немного пройдя по Кингз-роуд, вошли в распахнутые двери «Вулвортс», да так и застыли, ослепленные и потрясенные.

Глава седьмая

Та же приливная волна, что принесла девочкам такой хороший урожай керамики, выбросила на берег возле Баттерси-Рич огромное количество плавника. Вуди оценивающе смотрел на него, думая о том, что на сей раз ему, пожалуй, не придется — как это обычно бывало, когда он несколько зимних месяцев торчал в Перли, — беспокоиться, не завалило ли «Рочестер» в его отсутствие всяким плавучим мусором. Ведь уже через несколько недель его судно должно было отправиться в сухой док. Возможно, Вуди все же наполовину сознавал, что если беспокоиться ему и впрямь будет не о чем, эта зима в Перли станет для него просто невыносимой. А потому он, словно цепляясь за последние мгновения уходящего счастливого «летнего» периода своей жизни, мрачно пересчитывал куски плавника, которые темным валом надвигались на стоявшие у причала баржи.

Жена уже вернулась из Уэльса, и в перспективе обоим светило довольно продолжительное перемирие. В данный момент Дженет, опытный

менеджер, в одном из своих брючных костюмов, отлично подходивших для ее профессиональной деятельности, оказывала Вуди самую что ни на есть реальную помощь: укладывала вещи, готовясь к отъезду, но, к сожалению, постоянно делала при этом совершенно неприемлемые сравнения своего «каравана» с «Рочестером», и всегда, разумеется, в пользу первого. Впрочем, как только они возвращались в Перли, Дженет тут же прекращала всякие подобные сравнения. Они у нее возникали лишь в тот краткий и непростой период, который ей приходилось проводить вместе с мужем на «Рочестере», между сушей и водой.

Поднявшись с причала на палубу «Грейс», чтобы затем перейти к себе, Вуди с удивлением заметил, что «Дредноут», который был значительно большего размера, хотя мебели у него на борту имелось куда меньше, поднялся на приливной волне выше «Грейс» и «Рочестера», и в его освещенной рубке виднеется не только старый Уиллис, занятый возней с чем-то весьма похожим на жестянки с пивом и стаканы, но и Дженет в очередном своем брючном костюме.

— У них праздник, — пояснила Ненна, выныривая из люка, — они только вашего прихода и

ждут. Дело в том, что Уиллис продал «Дредноут».

— Я бы скорее назвал это условным предложением со стороны покупателей. Хотя портить Уиллису праздник я вовсе не собираюсь. А вы разве туда не идете?

— Нет, наша очередь завтра. В рубке «Дредноута» больше четырех человек не помещается. — И Вуди догадался, что Морис, по всей вероятности, уже там. Сам он так никогда и не мог понять, как ему к Морису относиться. А вот миссис Джеймс, похоже, отлично с ним ладила, и они часто подолгу беседовали, иногда среди ночи, да и дети ее любили поговорить с Морисом.

— Кстати, я только что подвез ваших малышек к антикварной лавке на Кингз-роуд, — сообщил Вуди. — Они, похоже, отлично знали, что это за место и зачем им туда нужно.

Ненна надела жакет. Разумеется, лавка Bourgeois Gentilhomme была ей отлично известна, и она всегда боялась, что Марта когда-нибудь попадет в беду. А если девочек там уже нет, они почти наверняка отправились в «Вулвортс». И Ненна решила выйти им навстречу.

Уиллис явно заметил, что Вуди вернулся, и радостно махал ему обеими руками, приглашая зайти и указывая на Дженет.

Особой тяги к общению Вуди не испытывал; ему еще нужно было отогнать автомобиль на суррейский берег, а потом по мосту возвращаться домой пешком. Но в рубке «Дредноута» оказалось на редкость уютно и весело, а дверь, которую Вуди закрыл за собой, практически полностью отсекла от него голоса реки. Собственно, это была единственная дверь на «Дредноуте», которая действительно хорошо открывалась и закрывалась. В рубке были почти не слышны даже пронзительные крики чаек, не умолкавших в течение всего дня, а пароходные гудки и прочие звуковые сигналы воспринимались как чья-то негромкая далекая жалоба. Честно говоря, сам Уиллис находил, что здесь, пожалуй, даже слишком тихо, но сегодня это оказалось весьма кстати, поскольку он пригласил гостей. Он отметил, имея в виду, очевидно, предстоящие тосты: «Мы ведь хотим иметь возможность слышать друг друга, не правда ли?»

Для начала он откупорил несколько бутылок «Гиннеса», а также банку со светлым пивом «Лонг Лайф» — такое всегда предпочитают дамы — в качестве комплимента миссис Вуди. Однако его страшно огорчало отсутствие у него на судне стаканов.

— А я бы на вашем месте и не позволил Дженет наливать пиво в стакан! — крикнул Морис, который в подобных обстоятельствах никогда не терялся. И тут же принялся объяснять присутствующим, что это легкое пиво делают датчане, а они издавна считаются первоклассными мореплавателями, так что их пиво и следует пить прямо из банки, чтобы пузырьки могли свободно двигаться в желудке вверх-вниз, как бы противодействуя боковой качке судна. Услышав подобные рассуждения, Дженет, к удивлению Вуди, расхохоталась и никак не могла успокоиться, а потом упрекнула мужа:

— Ты никогда мне не рассказывал, какие веселые вечеринки вы тут устраиваете! — И он, как ни старался, так и не смог понять, в чем суть ее упрека и почему, черт возьми, обитатели «караванов» не могут устраивать такие же вечеринки? А еще Вуди ни разу в жизни не видел, чтобы Дженет пила пиво прямо из банки. Впрочем, напомнил он себе, для старого Уиллиса продажа судна — великое событие, ведь ему, должно быть, вот-вот стукнет шестьдесят пять, а он в любой день может остаться буквально ни с чем.

— Как это замечательно, что вы пришли по первому моему зову! — торжественно начал

Уиллис. — Я был бы рад назвать вас всех членами моей корабельной команды. Не возражаете? Значит, принято единогласно. Тогда я хотел бы спросить: многие ли из вас регулярно посещают рыбный магазин в Лайонз Док?

И тут вдруг погас свет — в этом не было ничего удивительного, поскольку электропроводка на «Дредноуте» держалась буквально на честном слове, — и собравшиеся оказались в темноте, освещаемые лишь речными огнями, неподвижными или проплывавшими мимо и бросавшими отблеск на лица и бутылки с пивом.

— Ерунда, просто маленькая неприятность, — сказал Вуди.

— А вот сорок лет назад мы бы так не сказали! — воскликнул Уиллис. — Тем более в присутствии достойных дам! Уж мы бы сразу поняли, что нам делать!

Дженет и Морис опять громко расхохотались. Теперь по уровню шума рубка, пожалуй, напоминала салон дамского магазина «Либерти». Вуди сразу же вытащил из кармана свой неизменный набор отверток, но тактичным образом предложить Уиллису помощь не успел: тот мгновенно зажег масляную лампу «Аладдин», которую, видимо, постоянно держал наготове, что тоже

было отнюдь не удивительно. Закрепленная на универсальных подвесах, лампа отбрасывала ровный круг света, прогоняя тьму из рубки.

Морис вдруг вскочил — не забыв, впрочем, наклонить голову, чтобы не стукнуться макушкой о потолок, — и повел себя так, словно выступает перед обширной аудиторией, хотя все четверо сидели, практически касаясь друг друга коленями.

— Все достаточно хорошо меня видят? А вы, мадам, в заднем ряду? Значит, я могу быть уверен, что мой голос слышно в каждом уголке этого дома?

И тут снова заговорил Уиллис. Он откупорил еще несколько бутылок пива. Его очки сверкали, сверкали, казалось, даже его жесткие морщинистые щеки.

— Итак, я упомянул рыбный магазин в Лайонз Док. Если вы так ни разу туда и не зайдете, то навсегда упустите возможность попробовать замечательные мидии в остром соусе, которые там продают. Их готовят на чугунной сковороде. Обязательно на чугунной!

— Это старейший речной деликатес! — выкрикнул Морис.

— О нет, мидии совсем свежие! И они уже шкворчат на сковороде у меня внизу. Еще немно-

го — и все будет готово.

— Но сейчас ведь, по-моему, не сезон для мидий? — удивился Вуди.

— Это для мальков селедки не сезон! Для мидий никакого конкретного сезона не существует.

— Но я должен придерживаться указаний врача. Хотя бы до определенного предела.

— Впервые слышу о каких-то указаниях врача, — насмешливо заметила Дженет.

— Осенью мидии как раз лучше всего, — поддержал Уиллиса Морис. — Именно так всегда говорят в Саутпорте.

Ободренный этой поддержкой, Уиллис заявил, что прямо сейчас принесет первую порцию мидий, уксус, а также все имеющиеся на борту тарелки и вилки; гостей он попросил включить радио и поискать какую-нибудь приятную музыку, пока он будет хлопотать по хозяйству. Вуди даже несколько удивился, узнав, что на «Дредноуте», оказывается, и тарелки есть.

— Дженет, вы ведь разрешите мне первым пригласить вас на танец? — тут вскочил Морис, и Вуди сердито подумал: он что же, не видит, что здесь и сидящим-то места едва хватает?

Направляясь к люку на корме, Уиллис невольно обратил внимание на то, как, оказывается, низко

опустилась палуба «Дредноута»; сейчас она была почти на одном уровне с палубой маленькой «Грейс». Он попытался высмотреть на соседнем судне Ненну или девочек и спросить, что они по этому поводу думают, но там никого не было видно; видимо, они еще не вернулись с прогулки по берегу.

Ведущий на камбуз трап был погружен во тьму, однако тьма эта показалась Уиллису не настолько плотной, как он ожидал. Странно, но в этой тьме то и дело мелькали яркие проблески света, точно отражения огней на поверхности воды, чего здесь уж никак не должно было быть. Уиллис успел спуститься примерно до середины трапа, когда ему, охваченному ужасом, пришлось остановиться: мужчине почудилось, будто все помещение трюма разом приподнялось и ринулось ему навстречу. Затем до него донесся негромкий плеск воды, но он так и не понял, снаружи появились эти звуки или изнутри.

«Что же случилось?» — думал он.

Он тщетно пытался это понять, когда вдруг почуял знакомую, отдающую мертвечиной, вонь речной воды, медленно колыхавшейся у него под ногами и всегда находившей для себя кратчайший путь, какое бы препятствие ни стояло у

нее на пути.

«Господи, и насколько же все плохо?»

Уиллис спустился еще на одну ступеньку и оказался по щиколотку в воде. В туфлях захлюпало, он наклонился, чтобы их снять, но стоило ему опустить руку в воду, и его сильно ударило током. Боль пронизала локоть и плечо. Уиллис выругался. Только теперь он понял, почему погас свет, но был все же несколько озадачен бледно-голубым сиянием, исходившим из камбуза. Впрочем, уже через минуту он догадался, что это светится газовая плита «Калор», на которой по-прежнему стоит глубокая чугунная сковорода с кипящими в ней мидиями — угощением для гостей.

Итак, основная течь все-таки дала о себе знать! Сердце Уиллиса прямо-таки разрывалось от жалости к старому «Дредноуту», который изо всех сил старался удержаться на плаву, несмотря на непрерывно усиливавшийся приток воды. Происходящее с судном было сродни тем ужасным происшествиям, что случаются порой на ипподроме во время скачек или на поле брани, когда лошадь, живое существо, израненное или изуродованное сверх всякой меры, все еще упорно и безмолвно продолжает исполнять свой долг, не понимая, что это конец.

В кармане рубашки Уиллис нашарил коробок спичек, но руки у него были настолько мокры, что зажечь спичку никак не получалось. У него оставалась единственная надежда — как-то добраться до ручного насоса на камбузе и выяснить, сможет ли он удерживать уровень воды в допустимых пределах. Он знал, что примерно на фут ниже наружного привального бруса есть одна очень нехорошая дыра, которая, впрочем, никогда его раньше не беспокоила, поскольку находилась значительно выше ватерлинии. Но теперь эта дыра настолько расширилась, что сквозь нее были видны береговые огни. Уиллис понимал: если вода будет поступать в «Дредноут» с той же скоростью, то через десять минут дыра окажется уже ниже поверхности воды.

Он сделал еще несколько осторожных шагов, раздвигая колышущуюся темную воду. И вдруг что-то невидимое метнулось ему под ноги, с силой ударив под колено. Было очень больно, и Уиллис, почти уверенный, что у него сломана нога, наклонился и попытался оттолкнуть агрессивную штуковину руками. Однако она тут же снова его ударила, и только тут он разглядел, что это одна из боковых панелей его койки. Именно это и вызвало у него желание окончательно

сдаться — нет, не из-за боли, а из-за того, что знакомый предмет мебели, койка, на которой он спал целых пятнадцать лет, не только сорвалась с места, но злобно пытается его атаковать. Значит, все те вещи, которые должны были бы стать его союзниками и вместе с ним противостоять беде, превратились теперь во врагов? А ледяной панцирь, который сейчас насмерть сдавил ему грудную клетку, был когда-то его лучшим костюмом…?

Уиллис оступился, сразу ушел под воду и, совершенно ослепнув от потоков воды, струившихся по стеклам очков, снова вынырнул на поверхность. Затем попытался проплыть в глубь камбуза и отыскать ручной насос, но вскоре понял, что ему это вряд ли удастся. Вода уже добралась до варочной панели плиты, и пламя над газовой горелкой погасло, а тяжелая чугунная сковорода всплыла, накренилась и слегка ошпарила Уиллиса струей кипящей жидкости, которая, впрочем, тут же смешалась с холодной водой. Надежды на спасение «Дредноута» не было, и Уиллис понимал, что ему еще очень повезет, если он сумеет вновь подняться в рубку.

А гости наверху какое-то время совсем ничего не замечали. Громко играла музыка, Морис

старательно всех развлекал. Между прочим, в пабе кое-кто из его знакомых утверждал, что он слишком любит деньги, но в тот вечер он, можно сказать, проявил себя как гениальный актер. Обладая обостренным чувством опасности — и одновременно находя ощущение опасности невероятно возбуждающим, что вряд ли было свойственно остальным присутствующим, — Морис сразу заметил, что с «Дредноутом» что-то неладно; он почувствовал это еще до того, как незаметно протер рукой запотевшее стекло рубки и увидел, как в ночной тьме медленно, дюйм за дюймом, поднимается горизонт. Быстро прикинув в уме скорость погружения судна, он молил об одном: пусть это еще немного продлится, ведь здесь царит такое веселье. Морис так и не научился плавать, но это его почему-то совершенно не волновало. «Эх, если б здесь было фортепьяно, — думал он, — я бы с удовольствием выдал им Rock of Ages[42], когда последний момент наступит!»

Услышав, что Вуди продолжает недовольно бормотать что-то вроде: «Да кто их знает, эти ми-

[42] Примечания: 42

Или Hanukkah Hymn — литургическая поэма иудеев, исполняемая на праздник Ханукка; в 1918 г. был снят немой фильм «Рок на века», режиссер Бертрам Филипс, а в 2012-м поставлен мюзикл с тем же названием, режиссер Адам Шенкман.

дии… Да и Уиллис не торопится их приносить…», Морис крикнул:

— Не обращайте внимания! Зато, пока он не вернулся, я успею предсказать судьбу вам и вашей жене. Я ведь уже успел мельком глянуть на ваши ладони — повторяю, всего лишь мельком! — и, похоже, увидел там нечто весьма неожиданное. Итак, Дженет, вы не против еще разок показать мне вашу руку? И быть первой?

— Неужели вы действительно умеете предсказывать судьбу по руке? — удивилась Дженет.

Морис расцвел улыбкой.

— Я почти каждый вечер этим занимаюсь. Вы просто удивились бы, узнав, сколько новых друзей у меня появляется благодаря этому.

— Видите ли, я ношу медный браслет от ревматизма, он вам не помешает?

— Уверяю вас, браслет для меня ни малейшего значения не имеет.

И тут сама собой отворилась дверь, и на пороге возник Уиллис, более всего похожий на восставшего из мертвых утопленника. Очки его куда-то исчезли, и с него буквально ручьями лилась вода, так что на полу у его ног уже образовалась изрядная лужа. К счастью, палуба «Дредноута» все еще на фут или полтора возвышалась над

поверхностью воды, и Уиллису удалось должным образом переправить гостей через «Грейс» к Морису. Впрочем, супруги Вудроу предпочли сойти по сходням на причал и уже оттуда перебраться к себе на «Рочестер».

На Темзе считается, что если уж речную баржу приподняло приливом, то она никогда окончательно не затонет, однако «Дредноут» это правило нарушил, ибо, даже если забыть о многочисленных протечках и прочих его слабых местах, борт ему, как выяснилось впоследствии, насквозь пробило здоровенное бревно, и в это отверстие с громким хлюпаньем, более похожим на тяжкий вздох, буквально хлынула вода, так что уже через несколько секунд судно окончательно затонуло.

* * *

Гибель «Дредноута» означала, что Ричарду Блейку вновь придется собрать владельцев плавучих домов на палубе «Лорда Джима». Впрочем, это собрание проходило куда спокойней, чем предыдущее, и не только по причине отсутствия на судне миссис Блейк, но и потому, что все как-то притихли, сознавая непоправимую беду, постигшую Уиллиса. Однако случившееся имело и приятную сторону: остальные суда, как

бы сильно они ни нуждались в ремонте, все же остались на плаву.

Но когда присутствующие выпили по стаканчику первосортного коричневого шерри — самого лучшего, ибо шерри второго сорта на «Лорде Джиме» не держали, — настроение у всех опять почему-то стало похоронным. Ричард сверился со списком. Он каждый раз писал такой список на чистой страничке в конце ежедневника и вырывал эти странички только в случае крайней необходимости, и потерять список было практически невозможно. Вообще-то, считал он, если проявлять должную осторожность и заботу, то ничего терять и не придется, тем более такую крупную вещь, как судно. Но раз уж столь ужасная вещь случилась, то собравшиеся должны сосредоточиться исключительно на практических способах помощи Уиллису.

«Грейс» уже приняла на борт все, что удалось спасти из одежды Уиллиса, которую теперь еще нужно было выстирать, высушить и починить. Еще в школе монахини научили Ненну на уроках домоводства — боже, как давно это было! — кое-каким примитивным хозяйственным умениям, так что она с грехом пополам умела и штопать, и ставить заплаты, и даже укреплять обтрепав-

шиеся края воротничка с помощью бейки, и монахини могли быть довольны, ибо все это наконец нашло успешное применение. Увидев, как успешно Ненна приводит в порядок старомодные одежки Уиллиса, Ричард от души похвалил ее, а она почему-то подумала: «Интересно, почему мне так приятно, когда он меня хвалит? Когда видит, что и я способна что-то сделать как следует?»

Куда более серьезные жертвы потребовались от владельца «Рочестера», который вызвался принять на борт самого Уиллиса. Конечно же, за разумную плату, поспешил предложить Ричард, но супруги Вуди от платы категорически отказались. В конце концов, сказали они, это же всего на неделю или на две, а затем им в любом случае нужно вернуться в Перли.

— Ну что ж, это, видимо, всех устроит… — с облегчением вздохнул Ричард и уточнил: — Значит, Уиллис может прямо из больницы к вам переехать? — Пока что Уиллис находился в «Ватерлоо», и его согласились принять, хотя найти там свободную койку всегда было исключительно трудно, только благодаря помощи все тех же медсестер с баржи «Блуберд».

— А теперь, простите, я вынужден перейти к самому неприятному вопросу, — обратился к со-

бравшимся Ричард. — Речь пойдет о финансовом положении Уиллиса. Разумеется, подобные вещи не принято обсуждать публично, но в данном случае, боюсь, это жизненно необходимо. Я посетил PLA[43], и там подтвердили, что «Дредноут» официально признан развалиной, но, с их точки зрения, гораздо хуже то, что судно затонуло слишком близко от причала и теперь, цитирую их письмо, «придется подключить все имеющиеся мощности и поднимать «Дредноут» с помощью спасательной техники».

— А разве имеет значение, с помощью чего его будут поднимать? — спросил Вуди. — Он ведь все равно никогда уже больше не поплывет. — Морис поддержал Вуди, высказавшись в том смысле, что и для Уиллиса будет гораздо лучше, если ему не придется во время каждого отлива видеть развалины своего судна.

— Я вполне с вами согласен, — кивнул Ричард, — но вынужден пояснить: все расходы на подъем и буксировку «Дредноута» будут истребованы с владельца судна. А я, честно говоря, совсем не уверен, что Уиллис в состоянии опла-

[43] Примечания: 43

Port of London Authority — Управление лондонского порта, в состав которого входят представители судовладельцев, импортно-экспортных компаний, местных властей и профсоюзов.

тить хотя бы часть этих расходов. Обо всех я уж и не говорю. В общем, я не вижу иного выхода, кроме подписного листа, и организовать сбор средств нужно как можно скорее. Но если у вас есть какие-то другие предложения…

Других предложений не возникло, и поскольку было совершенно очевидно, кому придется возглавить список жертвователей, Ричард решил закруглить собрание, зачитав вслух письмо от Уиллиса, переданное сиделками с «Блуберд». В этом послании старый художник, называя всех своих соседей по причалу «товарищами по долгому плаванию», посылал им дружеские рукопожатия и просил Господа благословить их. Эти несколько высокопарные слова в исполнении Ричарда звучали странновато, хотя он и зачитывал их ровным, ни на что не претендующим тоном. Впрочем, каким бы тихим и ровным голосом Ричард ни говорил, присутствующие всегда невольно к нему прислушивались. Да и самого Уиллиса беда, случившаяся с судном, явно заставила забыть об обычной сдержанности, и в письме, обращенном к обитателям Баттерси-Рич, он в кои-то веки высказался от всей души, хотя кто мог бы теперь сказать, много ли жизни осталось в его душе и теле?

Через три дня рано утром на «Грейс» вдруг примчался Ричард и сообщил, что Ненну кто-то срочно «требует к телефону». Собственно, единственный на всем причале телефон имелся только на «Лорде Джиме». Но хотя самому Ричарду это и доставляло порой определенные неудобства, он никогда и словом об этом не обмолвился, зато те, кому на его номер звонили, кого, как выражался Ричард, «требовали к телефону», всегда испытывали неловкость; им казалось, что его вежливое приглашение таит в себе упрек. Особенно теперь, когда Лоры на борту не было и Ричарду перед уходом на работу самому приходилось все запирать. Так что, пригласив Ненну к телефону, он остался на палубе, держа наготове атташе-кейс и зонт, но спуститься в каюту решительно отказался, не желая мешать ее разговору.

Ненна почему-то не сомневалась, что это звонит Эдвард. Хотя на самом деле предположить такое было довольно трудно: ведь тогда ему пришлось бы как-то раздобыть телефонный номер Ричарда в Управлении портом.

— Привет, Ненна! Это Луиза! Да-да, Луиза!

— Луиза!

— Ты разве не получила мое последнее письмо?

— Не думаю. Они тут иногда теряются.

— Как это?

— Ну, кто-нибудь возьмет письма из офиса, собираясь разнести по соседям, а потом потеряет их или в воду уронит…

— Но это же полный абсурд, Ненна, дорогая моя!

— Да ладно, какая разница? Ты сейчас где, Луиза? Могу я подъехать, чтобы с тобой повидаться?

— Сейчас вряд ли.

— А откуда ты звонишь?

— Из Франкфурта на Рейне. Мы здесь по делу. Очень жаль, что ты не читала моих писем. Генрих уже приехал?

— Господи, Луиза, кто такой Генрих?

— Ненна, я знаю все твои интонации не хуже своих собственных и с уверенностью могу сказать, что состояние у тебя хуже некуда. И по этому поводу у нас с Джоэлем есть одна идея, которую мы и собираемся тебе изложить, как только доберемся до Лондона.

— Но у меня все в порядке. Значит, вы собираетесь приехать?

— Затем у меня вопрос об Эдварде. Как обстоят дела с вашим браком? Вы все еще вместе?

И Ненна снова почувствовала себя ребен-

ком. Все ее обязанности одна за другой как бы ускользали от нее. Даже ответственность за собственный брак.

— Ох, Луиза! Скажи, ты по-прежнему покупаешь сэндвичи с лобстером у Харриса?

— Далее меня интересует эта твоя баржа. Кстати, кому принадлежит тот номер телефона, по которому я звоню? Яхтенному клубу?

— Не совсем… это номер одного моего друга.

— Хорошо. Вернемся к тому судну, на котором в данный момент проживаешь ты со своими детьми. Я вполне могу понять тех, кто круглый год живет в плавучих домах на Сене, но как можно жить на Темзе? Там ведь, кажется, эти вечные приливы и отливы?

— Ну, естественно.

— Да и само по себе это твое судно… Скажи, на нем есть какой-нибудь обслуживающий персонал? Матросы? Или тебе его в аренду без единого человека сдали?

— Матросов на «Грейс», разумеется, нет, и в аренду я это судно не брала. Я его купила.

— И куда же ты на нем плаваешь?

— Никуда. «Грейс» вообще не плавает, она на якорях стоит.

— Мы на днях читали в лондонском «Таймс»,

что там у вас, на Темзе, затонула какая-то баржа. Знаешь, в том разделе, где сообщения о всяких мелких событиях. Но Джоэль всегда очень внимательно этот раздел просматривает. Он, кстати, говорит, что так давно вас всех не видел — и тебя, и девочек, — что, наверное, сразу и не узнает. Короче: у нас имеются вполне определенные планы на ваш счет, и мы намерены непременно вскоре их тебе изложить. А пока передавай, пожалуйста, привет юному Генриху.

— Луиза, не вешай трубку! Пожалуйста! Сколько бы это ни стоило! Я совершенно не знаю никакого юного Генриха!

— Ну и что? Мы тоже с ним не знакомы. Ты разве и это мое письмо не получила?

— Похоже, что нет.

— Генрих — сын одного нашего близкого приятеля, у нас с ним общий бизнес. Он отправил своего мальчика в школу при аббатстве Сейлз, то есть к бенедиктинцам, и вскоре Генрих возвращается домой. Ему по какой-то причине позволили в этом триместре закончить занятия чуть раньше.

— Он что, во Франкфурте-на-Майне живет?

— На Рейне. Нет, совсем нет. Генрих — австриец и живет в Вене. Но он попросил, чтобы ему разрешили провести одни сутки в Лондоне, а потом он

вылетит прямиком домой.

— Ты хочешь сказать, что он собирается к нам приехать и останется на «Грейс»?

— Кто такая Грейс? — спросила Луиза.

— Как фамилия этого мальчика? — спросила Ненна.

— Между прочим, его родители граф и графиня, но, как я уже заметила, занимаются бизнесом. И хотя теперь это, конечно, особого значения не имеет, но они тем не менее занимают в обществе очень высокое положение. Генрих должен был к тебе приехать в прошлую пятницу.

— Ну, так он не приехал. Видимо, это какое-то недоразумение… Ох, Лу, ты просто не представляешь, как мне приятно слышать твой голос!..

— Ненна, ты, как всегда, городишь сентиментальную чушь. Может, хоть теперь согласишься, что настал момент, когда кто-то должен помочь тебе привести твою жизнь в порядок?

— Ох, пожалуйста, не надо!

— Мне страшно неприятно вас прерывать, — сказал с палубы Ричард, наклоняясь над люком, — только вряд ли я смогу рассчитывать, чтобы мои сотрудники приходили на работу вовремя, если сам буду все время опаздывать.

Он произнес это предельно вежливо, в его

голосе, пожалуй, звучала чуть ли не робость, и Ненна, отчасти уступая странному внутреннему чувству, позволила себе вообразить, что хорошо было бы ей числиться одной из сотрудниц Ричарда, а во всем остальном подчиниться руководству Луизы и плыть по течению, качаясь на волнах приливов и отливов, не прибегая к волевым решениям, наслаждаясь теплым коконом любви и вежливости…

— До свидания, Луиза. До скорой встречи в Англии. Простите меня, Ричард, это моя сестра. Уж не знаю, как она ухитрилась раздобыть номер вашего телефона, мы с ней уже лет пять не виделись.

— Мне показалось, ваша сестра к возражениям не привыкла.

— Это правда.

— И она весьма решительна и тверда в своих намерениях.

— И это верно.

— А вы уверены, что она ваша родная сестра?

«Ну вот, значит, он наверняка считает меня никчемной личностью», — с грустью подумала Ненна и, улыбаясь, стала благодарить Ричарда. А он, похлопав себя по карманам и проверяя, не забыл ли спички — этот его жест отчего-то был

Ненне и понятен, и даже приятен, — поспешно поднялся с причала на набережную и подозвал такси.

«Я не сдамся без борьбы, — думала Ненна. — Ведь я вышла за Эдварда, потому что хотела жить именно с ним, и я по-прежнему этого хочу». — Она гладила раскаленным утюгом грубое исподнее Уиллиса, которое сохло вот уже несколько дней, но все никак не могло просохнуть, и в очередной раз пыталась отвечать на всевозможные обвинения, которые так и сыпались на нее — причем возникали они не в ее душе и мыслях, а где-то далеко. Все они казались ей невероятно нудными и сводились практически к одному-единственному вопросу: почему после всего того, о чем говорилось в том воображаемом суде, она так и не предприняла ни одной попытки съездить в дом 42 «би» на Милвейн-стрит? Ненне хотелось ответить, что она не поехала туда отнюдь не по неким вполне ожидаемым причинам — то есть не из чувства гордости или презрения и даже не в связи с теми странными привычками, которые обычно приписывают речным жителям, и в результате последние весьма неуютно чувствуют себя на лондонских улицах. Нет, она не съездила туда только потому, что понимала: это

ее последний шанс. И пока он у нее есть, можно считать, что еще не все потеряно. Но если она этого шанса лишится, тогда нечего и пытаться что-то вернуть.

Она сказала Марте, что сегодня вечером ей нужно уйти, а вернется она, возможно, только завтра.

— Ладно, а нам где тогда ночевать?

— На «Рочестере». Я попрошу.

Меньше чем за неделю безупречный «Рочестер» успел превратиться в некое подобие бординг-гауза. Раньше Ненне и в голову бы не пришло попросить Вуди и Дженет присмотреть за ее девочками. Уиллис, вернувшись из больницы, уже поселился на «Рочестере»; впрочем, он особого беспокойства хозяевам судна не доставлял, сидел себе тихо в свободной каюте и даже не пытался, как раньше, каждый день следить за речным трафиком. Он не поднялся на палубу, даже когда прибыл тягач, присланный PLA, и несчастный «Дредноут» взяли на буксир и, не поднимая на поверхность, поволокли прочь; впрочем, отдельные части его корпуса все же время от времени показывались из воды, словно старая баржа еще пыталась сопротивляться, так и не смирившись со своим поражением.

— Ну да, обыкновенный буксирный катер, — со знанием дела сообщила Тильда, — такие используют для судов водоизмещением не более сорока тонн. А чтобы «Дредноут» с места сдвинуть, особых усилий и не требуется.

Члены спасательной команды выловили из воды все, что смогли, включая чугунную сковороду, но краски и прочие рабочие материалы Уиллиса восстановлению, разумеется, не подлежали. О том, каковы будут его последующие шаги, он ничего не говорил, разве что упомянул, что теперь вряд ли можно ожидать, что сестра его примет. Впрочем, и переезжать в Перли он в любом случае отказался. И теперь упорядоченная жизнь супругов Вудроу, ранее почти полностью зависевшая от того, что они совершенно точно знали, как и где проведут тот или иной день в течение ближайших шести месяцев, была, похоже, полностью разрушена. Им даже пришлось распаковать многие из тех вещей, которые они прежде так аккуратно сложили, чтобы взять с собой или убрать на хранение. Тем не менее оба постоянно повторяли, что Уиллис им ничуть не в тягость.

Так что, когда Ненна обратилась к ним с просьбой разрешить Марте и Тильде переночевать на «Рочестере», поскольку у нее срочное дело

на противоположном конце Лондона и ей там, возможно, придется задержаться до завтра, ее просьба была встречена без малейших протестов, и девочки отправились на «Рочестер», прихватив с собой ночные рубашки, пластинки, фотографию Клиффа и два пакета овсяных хлопьев на завтрак, потому что хлопья им нравились разные. Тильда, которая по-прежнему злилась на всех за то, что ее вовремя не разбудили и она пропустила «самое главное» — момент крушения «Дредноута», — сразу спустилась в каюту Уиллиса; она хотела попросить его нарисовать картину гибели судна. А Марта, преградив матери путь, спросила:

— Ты ведь едешь, чтобы с папой повидаться, да?

— Да, и назад, возможно, вернусь с ним вместе. Ты как, рада была бы?

— Не знаю.

Глава восьмая

— Лучше возьмите дешевый билет на весь день, — посоветовал Ненне кондуктор, — если вам действительно нужно из Челси добраться до Стоук Ньюингтона, или совсем туда переезжайте.

Она купила такой билет, и хотя сейчас, когда пересаживалась с автобуса на автобус, в ушах у нее, по крайней мере, не звучали голоса прокурора и обвинителей, у нее все же оказалось более чем достаточно времени на всякие запоздалые сожаления — она, например, жалела, что не надела другое платье и не сходила в парикмахерскую, хотя и сама толком не знала, хотелось бы ей выглядеть как-то иначе или все же лучше остаться такой, как всегда. Пожалуй, ей все-таки стоило бы надеть более приличное пальто — в нынешнем у нее такой вид, словно она ни в коем случае не позволяет себе ни расслабиться, ни тем более развлечься; с другой стороны, ее потрепанный, давно утративший форму жакет как бы свидетельствовал о том — и это чистая правда, — что перед выходом из дома она слишком

сильно волновалась, чтобы обратить внимание на такую чепуху, как одежда. Однако среди всех этих сомнений и сожалений у нее не возникло даже мысли о том, что будет, если после столь долгого пути она позвонит в дверь дома 42 «би» по Милвейн-стрит, а Эдвард ей не откроет.

Именно это «би», пожалуй, беспокоило ее больше всего. «Би» предполагало квартиру на верхнем этаже, а на двери дома 42 оказался только один звонок. Подъезды желто-серых кирпичных домов, стоявших ровными рядами, выходили прямо на Милвейн-стрит, которую Ненна с трудом отыскала, несколько раз сворачивая то в одну сторону, то в другую. Возле некоторых дверей еще стояли на крыльце бутылки с молоком, которые хозяева не успели унести в дом. И в данный момент Ненне больше всего не хватало мирного покачивания родной баржи.

Итак, дома Эдвард или нет? В прихожей и на втором этаже горел свет, хотя, возможно, это просто лестничная площадка была освещена. Ненна с трудом подавила внезапное желание развернуться и удрать — спрятаться хотя бы в лавчонке «фиш-энд-чипс» на углу, где, кстати, можно было бы заодно и спросить: не видели ли они случайно, как из дома 42 «би» выходит мужчина, который

выглядит таким ужасно одиноким? Или даже так: они вообще-то хоть раз видели, чтобы из дома 42 «би» кто-нибудь выходил?

Когда из-за угла появился прохожий и тяжелой поступью направился прямо к дому 42 «би», Ненна обрадовалась: пусть этот едва переставлявший ноги тип ни при каких обстоятельствах не может оказаться Эдвардом, его появление хотя бы избавляет ее от подозрений, что улица Милвейн необитаема. К тому же он остановился у дверей нужного ей дома, и стало ясно, что он ходил куда-то по делам, а теперь вернулся домой. Впрочем, то, как он плелся по улице, не давало ни малейших оснований предполагать, что этот поход оказался для него удачным, а дома его ждет что-то хорошее.

Когда же он вытащил из кармана два связанных вместе ключа, причем оба были отнюдь не от автомобиля, Ненна смело предстала перед ним и попросила:

— Извините, вы не могли бы и меня тоже впустить?

— Можно поинтересоваться, кто вы такая?

Это «можно поинтересоваться» несколько ее смутило, и она пробормотала:

— Я — *Грейс*. То есть Ненна.

— Вы, похоже, не слишком в этом уверены.

— Меня зовут Ненна Джеймс.

— Вы — миссис Эдвард Джеймс?

— Да. Эдвард Джеймс здесь проживает?

— Ну, в определенном смысле да. — Он перекладывал ключи из одной руки в другую. — Вы выглядите совсем не так, как я ожидал.

Ненна, почувствовав в его словах упрек, не нашла, что на это ответить.

— Сколько вам лет?

— Тридцать два.

— Я бы дал двадцать семь, максимум двадцать восемь.

И он вновь погрузился в раздумья, продолжая стоять у закрытой двери. Ненна, стараясь не проявлять нетерпения, спросила:

— Значит, Эдвард говорил вам, как я выгляжу?

— Нет.

— В таком случае, *что же такого* он вам обо мне рассказывал?

— Вообще-то мы с ним очень редко беседуем.

И Ненна решила повнимательней приглядеться к этому типу, чтобы понять, годится ли он в качестве потенциального союзника. Манжеты на рукавах плаща были аккуратно подвернуты. Должно быть, кто-то чинит и приводит в порядок

его одежду, как и она для Уиллиса; при мысли об этом она вдруг почувствовала болезненный укол в сердце, что никак не соотносилось со всеми прочими чувствами, которые она сейчас испытывала. И Ненна посмотрела незнакомцу прямо в широкое лицо. А он, по-прежнему держа в руках те два ключа, сказал:

— Не можем же мы стоять вот так на тротуаре всю ночь.

— Тогда, наверное, вам лучше просто меня впустить?

— Не уверен, правильно ли я в таком случае поступлю.

— А почему?

— Видите ли, ваше появление, возможно, будет неприятно Эдварду.

«Нет, — подумала Ненна, — раздражать этого типа ни в коем случае нельзя!»

— Чем же оно может быть ему неприятно?

— Ну… хотя мне в общем-то все равно… но уже то, *как* вы стояли тут и *как* упорно звонили… Впрочем, его все равно дома нет.

— Откуда вы знаете? Вы ведь сами только что пришли. Вы здесь живете?

— Да, некоторым образом.

Он снова очень внимательно на нее посмотрел

и заявил:

— А у вас красивые волосы.

Давно уже начал моросить мелкий дождик, а этот тип, похоже, не видел причин, почему бы им и не простоять тут всю ночь.

— Вообще-то, — вдруг сообщил он, — я вас помню. Моя фамилия Ходж. Гордон Ходж.

Ненна покачала головой и честно призналась:

— Мне это ни о чем не говорит.

— Я несколько раз видел вас вместе с Эдвардом.

— И что, вам уже тогда показалось, что мое присутствие ему неприятно?

— Видите ли, это ведь не мой дом. Это дом моей матери. Мама согласилась принять вашего мужа — чем, кстати, причинила себе значительные неудобства — скажем, на правах жильца в частном пансионе.

— То есть она просто сдала ему комнату?

— Но согласилась на это только потому, что мы с ним когда-то вместе учились в школе.

Ненна чувствовала, будто у нее под ногами одна за другой разверзаются бездны. Господи, как может Эдвард жить в доме, принадлежащем чьей-то матери? Мало того, матери этого Гордона Ходжа?

— А почему вы редко разговариваете с Эдвардом? — спросила она.

— Видите ли, мы с матерью живем очень тихо, мы оба — люди очень тихие, спокойные и всегда стараемся сами решать всевозможные жизненные задачи.

Ненна словно погрузилась в холодные волны полнейшей растерянности. Теперь уже ей казалось, что несогласие с мужем по поводу того, где им лучше жить, и впрямь было для них единственным препятствием. А что, если Эдварду действительно без нее лучше? Что, если сам он давно это понимает? Он ведь, должно быть, слышал, как она звонила в дверь.

— Ну что ж, — сказал Гордон Ходж, — пожалуй, вам все-таки лучше войти. — И он, вставив ключ в замочную скважину, с такой силой одной рукой пихнул от себя входную дверь, а второй — подтолкнул Ненну в спину, что она буквально влетела в прихожую дома 42 «би», где у матери Гордона красовалась стойка для зонтов и набор китайских храмовых колокольчиков.

— Ступайте наверх. — Ненна преодолела два пролета лестницы, и Гордон величественной поступью последовал за ней; впрочем, сейчас он двигался значительно быстрее, чем можно

было ожидать. Во всяком случае, даже потеряв несколько минут в прихожей и вешая там плащ, он в итоге сумел ее обогнать и первым подойти к нужной двери, которую и отворил — без какого бы то ни было предупреждения, — и за дверью Ненна увидела Эдварда. Сперва он стоял к ним спиной — Ненне показалось, что он похудел и стал как будто меньше ростом, чем ей помнилось, но, с другой стороны, она всегда совершала эту ошибку, если долго его не видела, — но затем повернулся с протестующим жестом, и это, безусловно, был все тот же Эдвард.

Да и кто еще, в конце концов, мог здесь оказаться? Однако Ненна, испытав невероятное облегчение, мгновенно позабыла все те весьма разумные доводы, к которым пришла и которые старательно репетировала про себя на автобусных остановках и в самих автобусах в течение всей долгой поездки в Стоук Ньюингтон.

— Эдвард, дорогой…

Эдвард смотрел на нее серыми, точно такими же, как у Тильды, глазами, явно не ожидая от жизни ничего хорошего.

— Дорогой, разве тебя не удивляет мой приезд?

— Не особенно. Я слышал, как упорно ты звонила у входной двери.

— Откуда ты знал, что это я?

— Ненна… Неужели после стольких месяцев ты притащилась в такую даль, чтобы снова попытаться уговорить меня поселиться на судне?

Ненна совсем позабыла о Гордоне. Точнее, она была уверена, что он давно уже должен был бы уйти, но уходить он явно не собирался. И она с изумлением обнаружила, что он по-прежнему торчит у нее за спиной.

— Эдвард и Ненна, — изрек он, — вы, похоже, несколько разошлись во мнениях. Да, честно говоря, вы попросту ссоритесь. А при решении спорных вопросов зачастую весьма полезно присутствие третьей стороны. Кстати, именно на этом всякие советники по брачным вопросам и делают деньги.

Это должно было, видимо, прозвучать как шутка, поскольку Гордон рассмеялся. А может быть, любое упоминание о браке казалось Гордону шуткой. Он с достоинством проследовал мимо Ненны и уселся между ними в крохотное креслице — оказалось, что это и впрямь детское креслице, которое осталось в доме с тех давних времен, когда здесь проживала куда большая семья, — которое совершенно не годилось для взрослого мужчины, так что он довольно долго возился,

пытаясь положить ногу на ногу, отчего бедное креслице отчаянно скрипело, точно старая баржа. «Неужели они с Эдвардом действительно когда-то учились в одной школе?» — думала Ненна. Наконец Гордон устроился, вытянув ноги перед собой, и подошвы его новых туфель оказались у Ненны прямо перед носом; она даже смогла прочесть написанное на них слово EXCELLA.

— Убирайтесь отсюда! — не выдержала она.

Еще несколько секунд Гордон сидел абсолютно неподвижно, затем расплел свои длинные ноги и вышел из комнаты — комнаты в его собственном доме, точнее, в доме его матери. А поскольку это был их дом, Гордон прекрасно знал, как без излишнего шума, никого не раздражая, закрыть за собой дверь, которая, вообще-то, закрывалась не слишком хорошо.

— Ты всегда знала, как отделаться от моих друзей, — пробурчал Эдвард.

А Ненна, как и любая женщина, даже не собиралась это отрицать.

— Он же просто отвратителен!

— Гордон абсолютно нормальный человек.

— Но ведь невозможно разговаривать, пока он рядом торчит!

— Его мать была ко мне очень добра.

— Нет, это просто смешно! Зачем оказываться в положении, когда ты вынужден говорить, что чья-то там мать была очень добра? Ей-богу, это очень странно! Тебе не кажется?

— Нет.

— Где ты, кстати, с этими Ходжами познакомился? Я что-то не помню, чтобы ты хоть раз о них упоминал.

— Мне же нужно было куда-то уйти, — возразил Эдвард.

Теперь у них было сколько угодно времени на разговоры, но Ненну не покидало ощущение, что времени у них почти совсем не осталось.

— Эдди, я сейчас скажу тебе то, зачем я, собственно, сюда и приехала. Почему бы тебе все-таки не переехать к нам хотя бы на неделю? Или хоть на один день?

— На эту твою баржу?! Да не мне надо к вам переехать, а тебе — от этой посудины избавиться! Я же не предъявляю тебе никаких претензий насчет денег. Ну, если тебе так уж не хочется продавать баржу, то разве ты не можешь сдать ее в аренду?

— Я не уверена, что в данный момент это возможно.

— Почему? Что еще такое с этой баржой?

— Она насквозь отсырела. Весной сдать ее будет куда легче.

— Мне кажется, я в какой-то газете видел сообщение, что одна старая калоша у вас там ко дну пошла? Я просто не знаю, безопасно ли нашим детям жить на подобном судне!

— Между прочим, некоторые из этих «старых калош» просто прекрасны! «Лорд Джим», например. Да, это старое судно, но внутри оно, честно говоря, гораздо лучше иного дома.

— И кто же обитает на этом «Лорде Джиме»? — В голосе Эдварда явственно послышалась ревность; подобными умениями истинного любовника он всегда прекрасно пользовался, а Ненна, пребывая в расстроенных чувствах, не сразу сумела распознать его уловку.

— Я не знаю… не все ли равно? Ну, Блейки. Ричард и Лора Блейк.

— И деньги у этих Блейков, конечно, имеются?

— Да, наверное.

— И они живут на старом судне, потому что это модно? Или они считают это разумным?

— Лора так не считает.

— А Ричард Блейк что из себя представляет?

— Да я толком и не знаю. По-моему, он во время войны служил на флоте. А может, в RNVR.

— Разве ты не знаешь разницы между флотом и добровольческим резервом?

— Знаю, Эдди, но не очень хорошо.

— Ну, уж он-то наверняка знает.

Все шло просто на редкость плохо. А тут еще в комнате, находившейся непосредственно под ними, кто-то заиграл на фортепьяно ноктюрн Шопена, тяжело грохоча аккордами в левой руке, да и сам инструмент никуда не годился, во всяком случае, Шопена на нем играть никак было нельзя, так что звуки божественного ноктюрна, поднимаясь наверх, воспринимались у них в комнате, точно дьявольский перезвон протестующих струн.

— Эдди, у тебя только одна эта комната?

— Да, а что в ней плохого?

Только сейчас Ненна заметила, что в углу имеется нечто вроде кухонной стойки с раковиной, а в противоположном углу устроена «спальня» с узенькой «девичьей» кроваткой, накрытой клетчатым пледом. Конечно, любовью им было бы куда удобней заниматься на борту «Грейс», а не на двух жалких ярдах этого клетчатого ложа…

— Но ведь ты вряд ли можешь ожидать, чтобы мы все сюда перебрались, не так ли?

Должно быть, это Гордон там играет, с отвраще-

нием думала Ненна. Время от времени, правда, он замолкал, но потом снова начинал жалобно стучать по клавишам, тщетно пытаясь правильно сыграть тот или иной пассаж, а затем он вдруг поставил на проигрыватель пластинку с этим ноктюрном и стал играть как бы с нею вместе, но на пару нот отставая от настоящего пианиста.

— Эдди, чего ты добиваешься? Почему ты вообще здесь живешь? Почему?

Он неохотно ответил:

— У меня работа рядом.

— Я не знаю даже, чем ты сейчас занимаешься! Что такое Strang Graphics?

Они оба по-прежнему стояли лицом к лицу и были примерно одного роста.

— Это рекламная фирма. Довольно маленькая, поэтому и находится здесь, где за помещение не так дорого берут. Впрочем, они рассчитывают в ближайшее время расширяться, и тогда, конечно, переедут. Я не собираюсь перед тобой притворяться: работа у меня, увы, чисто канцелярская.

Уехав из Панамы, Эдвард получил от тамошней строительной фирмы не слишком хорошие рекомендации. Ненна об этом знала, но была уверена, что Эдвард ни при чем, да ее тогда это особенно и не беспокоило.

— Но ты же не обязан там оставаться! Мало ли других мест! Работу где угодно можно найти!

— Я не могу.

Он отвернулся; и, увидев его лицо, на которое под каким-то странным углом падал свет, Ненна с ужасом поняла, что Эдвард прав: он никогда и ничего достигнуть не сможет. Испугалась она, правда, не за себя и не за детей, а за самого Эдварда, который, по всей видимости, отлично понимал, что его слова полностью соответствуют действительности. У Ненны тут же вылетели из головы все те разумные строгие мысли, которые она намеревалась до него донести, и она, подойдя к нему вплотную, нежно взяла его за уши и сказала:

— Заткнись, Эдди.

— Ненна… я так рад, что ты пришла!

— Правда?

— Странно, я ведь не хотел тебе этого говорить.

Она крепко-крепко к нему прижалась. Господи, как же она его любит! Она никогда, никогда не сможет его оставить… А потом они лежали на полу, и Ненна чувствовала, что одна ее щека буквально опалена жаром, исходившим от жуткого газового обогревателя, явно принадлежавшего матери Гордона. Перед обогревателем стояла

миска с тепловатой водой, призванная, видимо, уменьшить сухость воздуха. Эдвард нежно погладил жену сперва по одной щеке, ярко-красной, затем по второй, очень бледной.

— Ну и жутко ты сейчас выглядишь — страшнее греха!

— Вот и прекрасно.

Сквозь звуки фортепьяно до них донесся еле слышный стук в дверь и почти сразу же раздался голос:

— Извините, миссис Джеймс, но я мать Гордона, и мне показалось, что надо бы заглянуть сюда и познакомиться с вами, ведь до сих пор я этой чести не имела.

Ненна поспешно вскочила, неловко оправляя юбку-джерси.

— Надеюсь, вам не показалось, что газовый обогреватель включен на слишком большую мощность? — спросила миссис Ходж. — Ее легко можно уменьшить. Просто поверните колесико вниз по часовой стрелке.

Поскольку никакого ответа не последовало, миссис Ходж прибавила:

— Я также очень надеюсь, что музыка не причиняет вам беспокойства. Гордон у нас в некотором роде пианист.

— Никакой он не пианист! — вырвалось у Ненны.

Лицо миссис Ходж исказилось, задергалось, но вскоре она взяла себя в руки и вполне успешно надела маску человека, чувствующего себя всегда и во всем правым. Впрочем, едва она успела выйти из комнаты, как Ненну охватило чувство стыда, но извиняться она была просто не в силах. Вот утром она с удовольствием и самым искренним образом попросит у этой дамы прощения, а потом, хотя и куда менее искренне, похвалит игру Гордона и предложит оплатить услуги настройщика.

Но тут Ненна подняла глаза на Эдварда и увидела, что он в ярости.

— Ты что, специально сюда приехала, чтобы говорить прекрасным людям гадости?!

— Что ты! Я и понятия не имела, что они существуют. Прости!

— При чем здесь «прости»! Дело в обычной вежливости…

Они снова попытались поссориться, но это удалось им не лучше, чем Гордону исполнение ноктюрна Шопена.

— Я хочу тебя, Эдди! Это единственная причина, по которой я сюда приехала. Я хочу тебя каждую

минуту, днем и ночью, и каждый раз, когда тщетно пытаюсь сложить карту, как полагается…

— Ты бредишь, Ненна.

— Пожалуйста, дай мне!..

— Что? Что тебе дать? Ты всегда так говоришь. А я так и не знаю, какой смысл ты в эти слова вкладываешь.

— Дай хоть что-нибудь. Все равно что.

Она и сама не понимала, почему ей так сильно этого хочется. Не подарков, нет — во всяком случае, не самих подарков, — а именно ощущения, что тебе что-то *дают, дарят*; она так стосковалась по этому ощущению!

Однако теперь их ссора начала развиваться сама по себе, набирая силу, и перед мысленным взором Ненны опять возникло помещение суда, и оба они выступали там и в качестве обвинителей, и в качестве следователей самого низкого пошиба, отвратительных наемников, которые готовы перевернуть каждый камешек, отыскивая тот, под которым спрятано самое вонючее дерьмо. Мягкий рэкет, лживые «папские» декларации, попытки выяснить, кто был виноват в том, как неудачно прошла их первая «брачная ночь» (на самом деле это был полдень, но тоже не особенно удачный), и снова мягкий рэкет, упреки по пово-

ду денег, потраченных на покупку «Грейс». А их брак, который в данный момент рассматривался в суде, выглядел совсем не так, как до сих пор представлялось им самим; мало того, он вообще не имел ничего общего с тем их «давнишним» браком, и не было рядом никого, кто объяснил бы им, что происходит.

— И вовсе ты меня не хочешь, — повторял Эдвард. — Если бы ты действительно меня хотела, то и была бы со мной. А тебе всегда нужно было только одно: чтобы тебя все хвалили, как маленькую девочку, успешно выступившую на вечеринке.

Он, должно быть, совсем позабыл, как ведет себя Тильда, подумала она, и ей стало страшно. Но Эдвард все продолжал ее упрекать, говорил, что она и детей по-настоящему никогда не любила, что ей просто нравилось думать — исключительно для самоуспокоения, — будто она их любит.

Пока что ни один из них голос особенно не повышал, во всяком случае, их вряд ли можно было расслышать внизу, где Гордон все продолжал бренчать на фортепиано. Но потом, когда Ненна решила прибегнуть к последнему средству и сказала мужу — сознавая, впрочем, что это не совсем правда, — что Марта очень просила вернуть папу

домой, ее вдруг снова понесло, и она, хотя с ее стороны это было в высшей степени глупо, опять назвала миссис Ходж малоприятной особой, а дом отвратительным, прошлась и по «девичьей» односпальной кроватке, и по идиотской коллекции храмовых колокольчиков, а потом спросила, не лучше ли ему взяться за ум и понять, что он был бы куда счастливее, живя с любимой женщиной, пусть даже и на старой барже, и Эдвард вдруг резко повернулся к ней, задев стоявшую перед газовым обогревателем миску с водой, и заорал:

— Да разве ты женщина!

Очнулась Ненна уже на улице. Выбегая из комнаты и впервые за все это время буквально заливаясь слезами, она сразу за дверью неловко столкнулась с матерью Гордона, которая тут же громко заявила, что в своем доме она имеет право стоять, где ей нравится; в общем, даже если Эдвард и кричал что-то ей вслед, она все равно не сумела бы его расслышать. Вылетев на улицу, она, не снижая скорости, понеслась прочь от этого дома; ей казалось, будто она летит, едва касаясь ногами земли. Оказалось, что магазинчик «фиш-энд-чипс» все еще открыт и там горит свет. А Ненна так надеялась провести эту ночь с Эдвардом; так мечтала вновь проснуться с

ним рядом и, как всегда, слева от него, что давно уже вошло у них в привычку, а это совершенно неправильно позволять браку превращаться в привычку, что, впрочем, отнюдь не доказывает, что она перестала быть женщиной.

Она брела по улицам, все время поворачивая направо, пробираясь между автобусами и все ближе подходя к железнодорожному мосту. Вот и Севен-Систерз-роуд. Но, увы, было слишком поздно, и станция оказалась закрыта. А в руках у Ненны не оказалось даже сумочки. До нее только сейчас дошло, что сумку свою она забыла у Эдварда, а значит, у нее нет ни гроша, и «суточный» билет на автобус тоже, разумеется, остался в сумке.

И Ненна пошла пешком. Полторы мили по Грин-Лейнз, полмили по Нассингтон-Грин-роуд, две мили — тут она немного ошиблась с направлением — по Боллз-Понд-роуд, еще две мили по Кингзленд-роуд, а потом она окончательно заблудилась. Но, как обычно в таких случаях, тело ее продолжало упрямо тащиться дальше, хотя ноги уже болели, причем одна нога болела гораздо сильней, чем другая, однако тело Ненны, видимо, решило не признавать эту боль, пока не достигнет конкретной цели; ну а разум ее и вовсе

отвергал данную, сложившуюся во времени и пространстве, ситуацию и вел себя совершенно по-детски; впрочем, и мысли у нее в голове были какие-то детские, несвязные. Сейчас она почему-то считала, что с ее стороны было бы неправильно о чем-то молить Господа, зная, что это нужно ей самой. Молитва должна быть выше личных потребностей. И Ненна без конца молилась Деве Марии во спасение всех и каждого, кто, как и она, блуждает сейчас по Кингзленд-роуд, не имея возможности оплатить проезд на автобусе. Когда-то Ненну научили в особо трудных случаях думать о хорошей жизни, к которой сама она непременно должна стремиться. И Ненна поняла, что вот Тильда наверняка села бы на любой поздний ночной автобус и поехала бы на нем, даже не думая платить за проезд, а может, и у кондуктора взаймы попросила бы. Ну а Ричард и подавно ничего бы нигде не забыл, а если б и забыл, то обязательно бы за этой вещью вернулся. Что же касается Луизы, то она, во-первых, никогда бы не вышла замуж так неудачно — сейчас Ненне казалось, что ее брак, наверное, и впрямь был неудачным, раз Эдвард заявил, что она не женщина.

В данный момент она обладала всего лишь

неким интуитивным, как у животных, чувством направления, а уж расстояние до родного причала и вовсе представляла себе весьма смутно, так что в итоге решила, что правильней всего как-то добраться до Сити, а уж там, когда она окажется возле Блэкфрайарз[44] и увидит реку с причалами — хотя, скорее всего, это будет либо Ламбет-Рич, либо Кингз-Рич, а от них до Баттерси-Рич, который значительно ниже по течению, еще довольно далеко, — перед ней сразу откроется прямой путь к дому. Кстати, когда-то, еще до рождения Тильды, Ненна работала в офисе неподалеку от Блэкфрайарз.

После все этих размышлений Ненна пришла к выводу, что теперь ей нужно повернуть на юг, но для начала неплохо бы выяснить, в каком направлении она двигалась до сих пор. И она с туповатой надеждой принялась высматривать какого-нибудь прохожего, достаточно дружелюбного с виду и не слишком спешащего, который шел бы ей навстречу, хотя на самом деле было бы разумнее спросить у того, кто шел в одном с ней направлении. С неба время от времени начинала пригоршнями сыпаться снежная крупа. Мимо

[44] Примечания: 44

Мост через Темзу в центральной части Лондона, построенный в 1865–1869 гг., а также одноименный вокзал и станция метро.

мелькали витрины — радиомагазин, магазин, торгующий велосипедами, магазин для новорожденных, магазин похоронных принадлежностей; затем снова — велосипеды, радиоаппаратура, аренда телевизоров, аптека лечебных трав, товары для новорожденных, цветы… Витрина магазина «Цветы» все еще светилась, но была почему-то завалена венками и прочими похоронными принадлежностями, рядом с которыми виднелись футбольные ворота, выполненные из белых хризантем. Мяч из красных хризантем был, видимо, только что введен в игру, а в воротах тоже красовался такой же мяч. Ненна остановилась, уставившись на эту витрину и чувствуя, как подтаявший снежок ручейком стекает с воротника на голую шею; туфли у нее промокли насквозь, особенно левая, и ремешок на ней совершенно разболтался; Ненна, прислонившись к подоконнику витрины, решила снять туфлю и посмотреть, что с ним можно сделать. В результате левая нога мгновенно закоченела, так что пришлось ее подогнуть и прижать ступней к правой голени. Как раз в этот момент Ненна заметила, что к ней по тротуару приближается мужчина, и поняла, что не выдержит, если он сейчас спросит: «А почему вы босиком? У вас что-

то случилось?» На какое-то мгновение ей в голову пришла бредовая мысль, что это, возможно, Гордон Ходж, который преследует ее, дабы убедиться, что теперь-то она уж точно назад не вернется, а потом объяснить Эдварду, какой неприятностью обернулось бы для него ее возвращение.

Незнакомец остановился почти рядом с ней, но какое-то время делал вид, будто рассматривает витрину, затем как-то странно, боком, придвинулся ближе и спросил:

— Любите цветы?

— Только не в данный момент.

— Вы сегодня вечером заняты?

Ненна не ответила. Ей стало грустно при мысли о том, сколько раз он, должно быть, уже задавал этот вопрос. От него прямо-таки несло одиночеством. Ничего, все они в конце концов все-таки отваливают, хотя, конечно, иной раз и пытаются ненадолго возле нее задержаться, вот и этот стоит и посвистывает сквозь зубы, точно комик из бродячей труппы, готовясь в очередной раз рискнуть и выдать еще какую-нибудь незатейливую шутку.

А он вдруг выхватил туфлю у нее из рук и с силой отшвырнул в сторону Кингзленд-роуд.

— Ну, и что вы теперь будете делать?

Ненна молча стряхнула с ноги вторую туфлю и быстро, не оглядываясь, пошла прочь, даже побежала, помчалась изо всех сил. Лабурнум-стрит, Уистон-стрит, Хоус-стрит, Пирсон-стрит… В конце Кремерз-стрит стояла группа людей и смеялась — возможно, над ней. Из одной ноги у нее, похоже, текла кровь, оставляя на тротуаре темные следы. «Эти люди, наверное, сочли меня жалкой пьянчужкой», — подумала Ненна.

У перекрестка Хакни-роуд и Кингзленд-роуд рядом с ней притормозило такси.

— Поздно же вы гуляете.

— Я понятия не имею, который час.

— Во всяком случае, поздновато шлепать по улицам босиком. Куда вы идете?

— К реке.

— Зачем?

— А почему вы спрашиваете?

— Да просто люди иногда в реку прыгают.

И тут Ненна сказала таксисту, не особенно ожидая, что он ей поверит, где она живет. На Баттерси-Рич, и это далеко. Он выслушал и, не оборачиваясь, протянул назад руку и открыл дверцу.

— Вам ведь хочется, чтобы я вас подвез, верно?

— Но у меня совсем нет денег.

— А разве кто-то говорил о деньгах?

Ненна забралась в теплое такси, провонявшее застарелым запахом табака и многочисленных любовных утех, и мгновенно уснула. А таксист для начала свернул на Олд-стрит, где всю ночь был открыт гараж, залил там полный бак бензина, затем развернулся и поехал через безмолвный, запертый на все замки Сити в сторону Странда[45], и сразу в воздухе почувствовалась речная влага, расползавшаяся по переулкам с рассветным ветром.

— Если хотите, — не оборачиваясь, предложил таксист, — можно завернуть в закусочную к Артуру на Ковент-Гарден и съесть по сэндвичу, мой банк от этого точно не разорится.

Только тут он заметил, что пассажирка крепко спит. Осторожно припарковав машину, он быстро выпил чашку чая, а сторожам у ворот Ковент-Гарден, которым страшно хотелось знать, кто это у него на заднем сиденье, объяснил, что там Спящая Красавица.

Когда он, наконец, подъехал к дальнему — по отношению к Баттерси-Бридж — концу причала,

---

[45] Примечания: 45

Одна из главных улиц в центральной части Лондона, соединяющая Уэст-Энд с Сити. Strand (*англ.*) — буквально «берег», поскольку некогда эта улица шла непосредственно вдоль Темзы.

то лишь по выражению его лица можно было догадаться, сколь неудачной представляется ему идея проживания в такой местности. Впрочем, вслух он ничего не сказал, думая, что некоторых людей такая жизнь, вероятно, вполне устраивает. А потом очень осторожно, будучи привычным к самым неожиданным завершениям ночных поездок, принялся будить Ненну.

— Проснитесь, моя дорогая, вы уже дома.

Он так быстро развернулся и уехал, что Ненна даже номер его машины разглядеть не успела и заметила лишь, как красный огонек заднего света уносится вдаль по безлюдной набережной со скоростью куда большей, чем разрешенная. В результате ей так и не удалось поблагодарить своего спасителя. Было, должно быть, уже часа три, а может, и четыре, утра, но на «Лорде Джиме» все еще горел свет. И Ричард стоял на корме, одетый в теплую военно-морскую шинель арктического образца.

— Что это вы делаете ночью на причале, Ненна? И где ваши туфли?

— Что это вы делаете ночью на корме, Ричард, да еще в шинели?

Оба говорили так, словно были немного не в себе.

— От меня жена ушла.

Должно быть, и правда, ушла, решила Ненна, иначе он сказал бы «Лора», а не «жена».

— Ну да, вы признавались, что она собиралась к родителям поехать.

Оба говорили почти шепотом, хотя вряд ли в такой поздний час они могли кого-то потревожить, и слова Ненны, не нуждавшиеся в каком-то ответе, как бы растворились в воздухе, заглушенные звуком волн.

— По-моему, я ничего такого не сообщал, — с некоторым опозданием все же отреагировал Ричард, — просто вам, должно быть, показалось, когда мы с вами после того собрания вместе выпивали, что моя жена немного не в себе.

— Да, мне действительно так показалось, — призналась Ненна.

Ричард озадаченно на нее посмотрел:

— Она вам так сильно не нравится?

— Не знаю. Чтобы ответить, мне бы следовало встретиться с ней где-нибудь в другом месте.

— В таком случае меня вы, наверное, считаете упрямой свиньей, раз я заставляю ее жить здесь, на «Лорде Джиме». Но я, честно говоря, и представить себе не мог, что ей такая жизнь придется не по вкусу. Боюсь, правда, мозги у

меня не слишком поворотливые, другие люди в подобных обстоятельствах быстрей соображают. Но когда-то мне больше всего на свете хотелось немедленно увезти Лору как можно дальше от семьи; ее многочисленные родственники, скажу вам честно, оказывают на нее поистине разрушительное воздействие.

— А на фортепьяно они случайно не играют? — спросила Ненна. Ног своих она больше не чувствовала, но, осторожно глянув на них — она постаралась сделать это как можно незаметней, опасаясь, что Ричард сочтет необходимым немедленно что-то предпринять на сей счет, — увидела, что они целы, но кровоточат теперь уже обе. Она даже встревожилась, усмотрев в этом некую религиозную отсылку. Вот так и окровавленный Христос с упреком смотрит вниз в галерее монастыря Сердца Господня… А что, если она и в такси на полу кровавые следы оставила?

— Я бы, разумеется, никогда не стал предлагать ей жить в таких условиях, которые ниже допустимого уровня. Я нашел отличного мастера, который смог позаботиться и об отоплении, и об освещении, да и все переоборудование судна осуществил вполне профессионально. Но, как мне кажется, причина совсем не в этом. Не в тех

условиях, которые я постарался ей создать. А на самом деле в том, хорошо ли ей вообще было жить на судне только вдвоем со мной? Правильно это было или нет?

— Она вернется, Ричард.

— Но это уже не изменит того очевидного факта, что она от меня сбежала.

И тут Ричард, видимо, понял, что его размышлениям о прошлом пора знать свое место, иначе он никогда не сможет оценить их адекватно. И он воскликнул:

— Ненна, да вы себе ноги поранили!

Страшно расстроенный тем, что не заметил этого раньше, не сумел проявить элементарной вежливости и внимания и ничем не помог попавшей в беду женщине, хотя всему этому его учили с детства, Ричард спрыгнул с палубы на причал и галантно сопроводил соседку на «Лорда Джима».

— С моими ногами ничего страшного, ей-богу, Ричард! Я просто где-то *ободралась*. — Забавное словечко «ободралась» было из лексикона ее детей. — Если можно, просто одолжите мне носовой платок.

Ричард принадлежал к тому типу мужчин, у которых даже в половине четвертого утра всегда имеется при себе пара чистых носовых платков.

Спустившись в трюм, где у него все было разложено по полочкам, он принес пузырек с зеленкой и пару коротких резиновых сапог. Ненне эти огромные сапоги были невероятно велики, но она сразу оценила то, что он не предложил ей надеть сапожки Лоры. А может, Лора и все свои вещи с собой забрала?

— Какая у вас маленькая ножка, Ненна. — Ричард любил, чтобы вещи были правильного размера. — Во всяком случае, меньше, чем обычная женская нога, как мне кажется. — Он осторожно приподнял Ненну, усадил ее на один из палубных светильников и решительно, не прибегая к каким-либо извинениям, растер каждую ее ступню по очереди и сунул в чистый сапог. И каждая ступня, по очереди почувствовав благодатное тепло его рук, расслабилась, словно животное, доверяющее ветеринару.

— И все-таки я не понимаю, Ненна, почему вы бродили здесь в темноте? Вы что, где-то на вечеринке были?

— Неужели вы действительно могли подумать, что я хожу на такие вечеринки, где люди, уходя, забывают туфли?

— Ну, я не знаю… Вы ведь ведете несколько богемный образ жизни, то есть куда более бо-

гемный, чем я. Я что хочу сказать: вообще-то, я с разными людьми из Челси[46] знаком, но все они, по-моему, не слишком от остальных отличаются.

— Ну, сегодня ночью я приехала из района, куда более далекого, чем Челси, — усмехнулась Ненна.

— Вы только, ради бога, не сочтите меня излишне любопытным или даже назойливым. Я вовсе не пытаюсь что-то выяснить насчет вашей личной жизни…

— Сколько вам лет, Ричард? — прервала его Ненна.

— Я родился 2 июня 1922 года. И мне как раз стукнуло семнадцать, когда началась война. — Ричард всегда оценивал свой возраст исключительно в соответствии с теми обязанностями, которые в тот или иной период были на него возложены.

Ненна сидела, слегка шевеля пальцами ног, уже успевших немного согреться внутри просторных сапог. Сейчас на реке был тот неуловимый час, когда тьма, как бы рождаясь из тьмы, начинает подниматься над водой, и тени с каждой минутой превращаются в конкретные предметы, заявляя

---

[46] Примечания: 46

Фешенебельный район Челси на западе Лондона известен также как район художников.

о себе то как дом, то как стоящее на якоре судно. С северо-запада тянуло легким ветерком.

— Ненна, — спросил вдруг Ричард, — вы бы не хотели немного покататься на ялике?

Ненна слишком устала, чтобы чему бы то ни было удивляться. Она посмотрела на шлюпбалку и поняла, что Ричард, должно быть, уже спустил ялик на воду. Если бы у него на судне хоть что-то было не в порядке, он бы, разумеется, никогда подобного предложения не сделал.

— Мы можем подняться вверх по реке и пройти под Уондзуортским мостом[47] до самого «Файна Ойл Депо», а потом вырубить мотор и сплавиться по течению вниз.

— Так вы в любом случае собирались кататься на ялике? — спросила Ненна. Ей отчего-то было очень важно получить ответ на этот вопрос.

— Нет, я надеялся, что, может, кто-нибудь тут появится и захочет составить мне компанию.

— То есть вы решили положиться на случай? — этому Ненна поверить никак не могла.

— Я надеялся, что, может, вы захотите поехать.

«А вот это уже лучше, — подумала Ненна».

Вниз пришлось спускаться по веревочному

---

[47] Примечания: 47

Район Лондона, где находится самая большая в Англии тюрьма, в которой содержат преимущественно рецидивистов.

трапу, и Ричард шел первым. Истерзанные ступни причиняли Ненне сильную боль, и ей казалось — хотя она очень не хотела быть неблагодарной, — что без этих огромных сапог ей, возможно, было бы значительно легче. Впрочем, она ухитрилась вполне удачно спуститься ровно в середину ялика, так что он даже ни капельки не покачнулся.

— Отдать швартовы, Ненна!

И она на мгновение вернулась в детство, на Бра д'Ор, когда, отдав швартовы, аккуратно складывала кольцами фалинь под одобрительными взглядами отца и Луизы.

В те времена, вспоминала она, запустить с одного раза подвесной двигатель было настоящим испытанием, и если после удачно проведенного дня он действительно с ходу запускался, это считалось большим успехом. Но сейчас двигатель, послушный нажатию кнопки, ожил мгновенно, и Ненна поняла, что Ричарду и в голову прийти не могло, чтобы на его лодке вздумал не завестись мотор. Плавание на таких крошечных суденышках всегда вызывает необычайно острые эмоции, и она чувствовала, что готова плыть с этим человеком хоть на край света, раз у него подвесной мотор всегда заводится с одного нажатия кнопки.

Да и окружающая реальность, похоже, утратила свою привычную власть над людьми в этот смутный час, когда день начинал неуверенно пробиваться сквозь ночь к рассвету.

— Я давно хотел сказать вам, Ненна: у меня возникают большие сомнения, что у вас достаточно сил, чтобы справляться с той работой, которую вы вынуждены выполнять на «Грейс». К тому же кое-какие ваши действия представляются мне абсолютно неэффективными, а значит, вы попросту зря тратите силы. Например, как-то утром я видел, с каким трудом вы пытались *снаружи* открыть палубные светильники, и, разумеется, тщетно, потому что все противоштормовые запоры и крепления на судне всегда находятся *внутри*.

— У нас нет никаких противоштормовых креплений, — возразила Ненна. — А палубные светильники закрываются с помощью пары кирпичей. И это, кстати, отлично работает! — Она вдруг очень рассердилась. — Надеюсь, вы *не постоянно* следите за мной с палубы «Лорда Джима»?

Ричард тщательно обдумал этот вопрос и признался:

— Нет, пожалуй, все-таки постоянно.

Она понимала, что ее гнев несправедлив. И прекрасно знала, какой он на самом деле добрый и внимательный, как всегда готов помочь любому из обитателей Баттерси-Рич.

— Знаете, я вряд ли стала бы счастливей, даже если б на «Грейс» все было в полном порядке.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Какое отношение к счастью имеет порядок на судне?

Ялик, двигаясь вдоль левого берега, прошел совсем рядом с тем местом, где в Темзу впадает речка Челси, и Ненна с Ричардом внимательно всматривались в мутную воду, стараясь вовремя заметить куски плавника, вполне способные заглушить, а то и повредить мотор.

— Вы ведь иной раз ведете долгие беседы с Морисом, верно? — спросил Ричард.

— Да, бывает, что и весь день проговорим, а потом и еще полночи.

— Господи, да о чем же вы с ним разговариваете?

— О сексе, о ревности, о дружбе, о музыке, иногда еще о наших баржах — о том, например, когда и как лучше заправлять насос, и о других подобных вещах.

— А что у вас за насос?

— Не знаю, но он точно такой же, как у Мориса.

— Я мог бы показать вам, как его заправлять, в любое удобное для вас время. — Однако ее ответ на предыдущий вопрос явно показался Ричарду неудовлетворительным, и он снова спросил: — Ну, хорошо, а когда вы уже вроде бы обсудили все вышеназванные темы, разве у вас не возникает ощущения, что пора закругляться?

— Не возникает.

— Значит, вы и под конец разговора ни к какому конкретному решению не приходите?

— А к какому конкретному решению можно прийти, рассуждая о ревности или о музыке?

— Я полагаю, Морис очень музыкален?

— У него приятный голос, и он может сыграть на слух все, что угодно. Я однажды слышала, как он исполнил «Кампанелло» Листа на чайных ложках и не пропустил ни единой ноты. Это, конечно, не настоящая музыка, но слушать было очень приятно… и потом, не знаю… но мы с ним действительно разговариваем обо всем на свете и особенно часто, пожалуй, о тех трудностях, с которыми оба столкнулись.

Она умолкла, вовремя поняв, что Ричарду, пожалуй, не стоит знать о визитах Гарри на судно

Мориса. Для него кризис совести и долга был бы слишком болезненным. И все же ей страшно не хотелось что-то скрывать от этого человека.

— Мне, собственно, именно об этом и хотелось у вас спросить, — как ни в чем не бывало продолжил свою мысль Ричард. — По-моему, вы хорошо умеете описывать чувства с помощью слов.

— Пожалуй, да.

— А Морис?

— И он тоже.

— А вот я этого совсем не умею. И меня, честно говоря, всегда удивляет, как много люди друг с другом разговаривают. Клянусь жизнью, я никак не могу понять, зачем, если у тебя действительно возникли особые чувства, их нужно непременно с кем-то обсудить. На мой взгляд, чувства даже кое-что теряют, когда их начинают излагать словами. Вы еще не утратили нить моих рассуждений?

Ричард с беспокойством посмотрел на нее, и она поняла, что ему действительно кажется, будто его трудно понять.

— Дело в том, — сказала она, — что мы с Морисом разговорчивы по природе. Мы говорим буквально обо всем, что нас интересует. Возможно, по той же причине и Уиллис сразу хватается за карандаш или за краски.

— Но это, по-моему, совершенно разные вещи. Мне нравятся работы Уиллиса. Я уже купил пару его картин, и мне кажется, очень скоро цена их значительно возрастет.

За Баттерси-Бридж разливался странный серебристо-серый свет, и тени от стоящих на якоре лихтеров начали медленно кружить вокруг них, словно привязанные к якорной цепи.

В определенном месте реки, явно задуманном заранее, поскольку с Ненной он не посоветовался и даже на берег толком не глянул, Ричард развернул ялик, выключил подвесной мотор и втащил его в лодку. Затем зафиксировал руль так, чтобы ялик стоял ровно против приливной волны, и снова вернулся к прежней теме. Собственно, ему и целой жизни было бы мало, чтобы как следует в этом вопросе разобраться.

— А если, предположим, у вас что-то не заладилось — я имею в виду личную жизнь, — вы тоже смогли бы найти нужные слова и с их помощью точно определить, что именно у вас не так?

— Думаю, да. Наверное, смогла бы.

— И это, конечно, вам помогло бы.

— Ну да, примерно как инструкция от изготовителя, которую ты в случае неудачи вытаскиваешь и пытаешься найти там подсказку.

Ричард проигнорировал это замечание; оно показалось ему и неуместным, и довольно бессмысленным. Да и вообще он всякие сравнения недолюбливал, поскольку они заставляли его думать не об одной, а сразу о нескольких вещах. Он прикинул силу течения реки, с удовлетворением отметил, что оно принесет ялик именно туда, куда и требуется, а именно к правому борту «Лорда Джима», и задал Ненне совершенно неожиданный вопрос:

— А как вы относитесь к своему мужу?

Испытанный ею шок был столь же силен, как если бы она вдруг обнаружила, что он не умеет управляться с рулем. На самом деле Ричард, чувствуя себя крайне неуверенно в мире слов, еще большую неуверенность испытывал, когда хотел задать вопрос личного характера. Вот и сейчас, когда он заметил, как Ненна потрясена его бестактным вопросом, ему на мгновение захотелось перевернуть ялик вверх дном и разом со всеми этими рассуждениями покончить. И все же он ждал, мрачно глядя на Ненну.

— Вы не в состоянии описать ваши чувства?

— Да нет, вполне в состоянии. И запросто сейчас все объясню. Я его больше не люблю.

— Это правда?

— Нет.

— Я что-то не пойму вас, Ненна.

— Я хотела сказать, что больше не ненавижу его. А это, наверное, одно и то же.

— И давно вы к нему подобные чувства испытываете?

— Примерно последние часа три.

— Но ведь вы, несомненно, сегодня с ним даже не виделись?

— Виделась.

— То есть вы виделись с ним вечером? И что же случилось?

— Я оскорбила его друга, а заодно и мать друга. И он высказал свое мнение по этому поводу.

— Что же конкретно сказал ваш супруг?

— Он заявил, что я не женщина. Но ведь это же полная чушь, вам не кажется?

— Пожалуй, да, кажется. Да нет, я уверен, что это полная чушь. Причем чушь доказуемая, да, именно так. — И Ричард предпринял еще одну попытку: — Чушь — в самом широком смысле этого слова!

— Мне, собственно, только такой смысл и нужен.

— А какими словами вы описали бы ваши нынешние чувства к нему? — спросил Ричард.

— Я бы, пожалуй, сказала, что чувствую себя безработной. Самое сильное ощущение одиночества возникает от отсутствия конкретного места работы, и возникает оно даже в том случае, если ты стоишь в очереди вместе с тысячью других таких же безработных. Я не знаю, о чем буду думать, когда мне больше не придется все время о нем тревожиться. И не представляю, как мне тогда управиться с самыми разнообразными мыслями. — Ненна чувствовала, что ее бесформенным облаком окутывает меланхолия. — И что мне тогда делать со своим телом?

Последнее заявление было несколько безрассудным, вызванным исключительно жалостью к самой себе. Но Ричард смотрел на нее очень спокойно. А потом вдруг сказал:

— Знаете, я однажды признался Лоре, что не хотел бы даже на минуту остаться с вами наедине.

— Зачем же вы это сделали?

— Сам не понимаю. И не могу вспомнить, какую причину тогда ей назвал. Должно быть, самую дурацкую.

— Ричард, почему вы о себе такого низкого мнения?

— Не уверен, что у меня вообще на сей счет какое-то мнение имеется. То есть я, конечно, пы-

таюсь дать себе справедливую оценку, как и всем остальным, впрочем. Но это очень трудно. Мне приходится слишком долго в себе разбираться, чтобы найти какие-то объяснения собственным чувствам. Но вас я очень хорошо понял — когда вы сказали, что чувствуете себя безработной.

Ялик подплыл к «Лорду Джиму» и застыл, лишь слегка коснувшись его борта кранцем и мягко покачиваясь на волне.

— Куда мне привязать чалку?

— Можно к трапу, но не туго, иначе при отливе ялик попросту повиснет в воздухе.

Это Ненна и сама отлично знала, но промолчала, ибо в душе у нее царили удивительный мир и спокойствие.

Когда Ричард встал, собираясь подняться на борт, стало заметно, что его гложут сомнения, но не по поводу того, что он хочет сделать, а по поводу самой процедуры, связанной с воплощением его намерений в жизнь. Он должен был все сделать правильно. Капитан всегда поднимается на борт своего корабля последним, но мужчина в двусмысленной ситуации должен действовать первым. Ненна поняла, что решающий момент настал, еще когда привязывала ялик, и прекрасно видела, что Ричард растерялся куда сильнее, чем

она сама. Собственно, оба чувствовали себя неуверенно, однако соотношение сил переменилось, и Ненна осознала, что контроль над ситуацией теперь полностью в ее руках. И она, легким движением стряхнув с ног резиновые сапоги, стала первой подниматься по веревочному трапу.

— Люк открыт? — деловито спросила она, полагая, что Ричарду будет легче, если она скажет что-нибудь самое обыденное. Впрочем, задавать подобный вопрос было совершенно бессмысленно. Ричард всегда запирал крышку люка, но никогда не забывал ключ.

Глава девятая

Дети Ненны никогда внешне не проявляли интереса ни к тому, где она была, ни к тому, почему вернулась домой только утром. Вновь оказавшись на «Грейс», она увидела, что Тильда возится у основания мачты, прикрепляя какой-то черно-желтый флаг, один из тех немногих, что у них имелись.

— У нас линя маловато, — сообщила девочка. — Придется от паруса отвязать.

— Что это значит, Тильда, дорогая?

— Это значит «L», то есть «*У меня есть для вас важное сообщение*». Вообще-то, я это для тебя готовила, мам. На тот случай, если бы ты вернулась раньше нас.

— И куда же вы, в таком случае, собирались?

— Мы собирались пойти с ним в город и все ему показать.

— С кем это «с ним»?

— С Генрихом.

Из люка появилась Марта, а следом какой-то мальчик, значительно выше нее ростом. И Ненна была буквально потрясена переменой, успевшей

произойти с ее старшей дочерью с тех пор, как они вчера в последний раз виделись. Марта распустила привычный конский хвост, и ее светлые волосы лежали по плечам очаровательными естественными локонами. А еще она надела свою любимую и единственную рубашку с портретом Элвиса.

— Мам, это Генрих. Ему три недели назад исполнилось шестнадцать. И ты даже не знаешь, кто он такой!

— Да нет, это я как раз знаю. Мне тетя Луиза сказала. Только, к сожалению, возникла некоторая путаница, потому что, по ее словам, Генрих должен был появиться здесь еще в прошлую пятницу.

— День моего отъезда пришлось перенести, миссис Джеймс, — объяснил Генрих. — А потом я еще немного задержался, потому что мне дали адрес 626, Чейн-Уок, но там я никого не нашел, и, к счастью, речная полиция вскоре направила меня сюда.

— Что ж, я в любом случае рада приветствовать вас, Генрих, на борту нашего судна. Добро пожаловать.

— Миссис Джеймс, Генрих фон Фюрстенфельд. — Генрих изящно поклонился.

Он вообще был исключительно элегантен. Генриху дали такое воспитание, которое помогло бы ему пережить любые смены режима, преодолеть любые границы и даже, возможно, выдержать утрату всей фамильной собственности, а в случае разразившегося кризиса дало бы возможность достаточно длительное время спокойно проживать у каких-нибудь дальних родственников в любом из тех уголков земного шара, где сохранилось терпимое отношение к аристократии, то есть на весьма обширной территории от польской границы до ворот Гайд-парка. Короче говоря, Генрих обладал превосходным европейским «бэкграундом», благодаря чему стал человеком, хорошо владеющим собой, сдержанным, но вполне способным и на солнечную дружескую улыбку, и на крепкое спортивное рукопожатие, но самое главное — с ним почти любой чувствовал себя легко, даже несколько встревоженная его появлением Ненна.

— Я надеюсь, Марта показала вам, куда положить вещи?

Марта нетерпеливо глянула на мать.

— А ему и не надо ничего никуда класть! И даже вещи распаковывать не нужно: ему завтра уже снова в аэропорт ехать. Он ведь добрался до нас

только поздно вечером, так что пришлось искать для него место на «Рочестере». Уиллис страшно веселился и говорил, что «Рочестер» напоминает старый бордингауз.

— Я должна немедленно пойти и все объяснить миссис Вуди.

— Ой, это совершенно не нужно. А Генриху я уже все показала и на «Грейс», и вокруг. Он понимает, что выйти в море можно только с началом отлива.

— Вообще-то, я не очень умею рассчитывать время в соответствии с приливами и отливами, миссис Джеймс, — любезным легким тоном заметил Генрих. — У нас на Дунае, где я живу, никаких приливов и отливов не бывает, так что в этом отношении мне придется полностью полагаться на ваших очаровательных дочерей.

— Какой у вас дом в Вене? — спросила Тильда.

— О, это просто квартира на Франциканерплац, практически в центре города.

— А чем вы обычно занимаетесь? — не удержалась от вопроса Ненна. — Как развлекаетесь? Ведь если вы сможете пробыть в Лондоне всего один день, нам придется подумать, чем мы могли бы вас порадовать.

— Видите ли, Вена — город очень старый, и

все сразу замечают, до чего много стариков там живет. Конечно, мой родной город прекрасен, но я все же с огромным нетерпением предвкушаю возможность увидеть *свингующий* Лондон.

— А пока он, бедный, вынужден торчать у нас на палубе и отвечать на ваши занудные вопросы! — с упреком заметила Тильда. — А ведь его нужно поскорее хотя бы кофе напоить!

— Неужели он еще не завтракал? — всполошилась Ненна, но тут Марта оттащила ее в сторонку и трагическим шепотом спросила:

— Мам, где твои туфли? И вообще ты выглядишь просто ужасно! С точки зрения Генриха, ты вряд ли похожа на мать семейства.

— Ну, я не знаю, как выглядит мать его семейства. Зато знаю, что отец мальчика — давний знакомый тети Луизы и дяди Джоэля, с которым они как-то связаны по бизнесу.

— Его мать — графиня!

Тильда между тем уже успела увести Генриха вниз и даже поставила на газ турку с молоком, намереваясь непременно напоить гостя кофе. И юный граф до своего смертного часа не забудет той прекрасной девочки, что позаботилась о нем, когда всем остальным до него, бедняги, и дела не было.

— А почему ваша мама босая? — спросил Генрих. — Впрочем, если вам неудобно на мой вопрос отвечать, я не настаиваю. Может, она тоже *свингует*.

— Ничего, к ней легко привыкнуть!

Хитрый дипломат, Генрих прикинул, на которую из его двадцати или тридцати младших европейских кузин более всего похожа Тильда. Пожалуй, на тех, что живут в Швейцарии. И в его голосе сразу появились более нежные и чуть насмешливые интонации.

— Надо мне будет взять вас с собой, дорогая Тильда, когда я снова полечу в Вену, потому что, уж извините, но без вашей помощи я теперь просто не смогу обходиться. К счастью, вы так малы, что здесь, пожалуй, никто и не заметит, что вы исчезли, а в самолете вас легко можно будет выдать за мой Glucksbringer[48].

Вот тут он попал впросак, потому что Тильда терпеть не могла намеки на свой маленький рост.

— Давайте оставим эту тему! — сердито потребовала она, с грохотом ставя перед Генрихом жестяную кружку с кофе, и принялась энергично

---

[48] Примечания: 48
Амулет, талисман (*нем.*).

отпиливать от буханки толстый ломоть хлеба.

Со слабой улыбкой юный граф повернулся к своей спасительнице и стал ее благодарить, а его бледные щеки от горячего кофе мгновенно начали розоветь.

Между тем к задержавшимся на палубе Марте и Ненне подошел Морис, который, похоже, решил взять короткий отпуск и уже несколько вечеров паб не посещал.

— У тебя, кажется, бойфренд появился? — спросил он у Марты. — Он кто?

— Сын друзей моей тети Луизы.

— Ну, дело, конечно, твое. Мордашка у него, впрочем, хорошенькая.

— Морис, — Марта серьезно на него посмотрела, — помогите мне, пожалуйста. Я тщетно пытаюсь заставить мать нормально одеться и вести себя, как подобает.

Было еще только десять минут девятого, и мимо них прошел Ричард, направлявшийся в сторону Уорлдз Энд[49], чтобы там сесть на автобус и ехать в свой офис. Заметив его, Ненна подумала: если

---

[49] Примечания: 49

Уорлдз Энд (World's End, буквально «конец света») — район в Челси на западном конце Кингз-роуд; в викторианскую эпоху там были трущобы, в XX в. их сменили муниципальные дома; там имеется также одноименные гостиница и паб «Конец света», основанные еще в XVII в.

он сейчас в мою сторону даже не посмотрит, я никогда впредь с ним не заговорю и вообще больше ни с одним мужчиной разговаривать не буду, кроме Мориса. Но Ричард, едва поравнявшись с «Грейс», улыбнулся ей такой улыбкой, что сердце у нее мгновенно растаяло; мало того, он еще и помахал ей, крутя в воздухе рукой и сам удивляясь столь неопределенному жесту, чем-то напоминавшему военно-морское приветствие и одновременно клоунскую попытку удержать в руках вращающийся на ветру зонт.

Морис лишь глянул на них и, с достоинством сложив на груди руки, обронил:

— Поздравляю, Ненна!

— Ох, помолчи, пожалуйста!

— Почему это я должен молчать?

— Потому что Господь сделал тебя чересчур сообразительным. Я и сама еще пока не знаю, что со мной происходит.

— Приступ слабоумия?

— Да нет, скорее приступ самоуничижения.

— А это еще что такое, дорогая моя?

* * *

Марта оставила их и спустилась на камбуз. Эта девочка была во всех отношениях вооружена на

случай любых возможных разочарований, которые готовит ей жизнь, и полностью сознавала свою ответственность перед матерью и сестрой и необходимость их защищать; ее также тревожили лакуны в собственном образовании и весьма беспокоило поведение монахинь и торговцев из антикварных лавок; но за всем этим она на какое-то время совершенно позабыла о необходимости и самой быть счастливой.

Генрих сперва показался ей странным.

Некоторое время они втроем, сидя за столом, обсуждали, как лучше провести этот день. Затем Тильда, пользуясь тем, что остальные двое, увлеченные разговором, на нее не смотрят, вытряхнула из пакетов коробки с сухим завтраком, зная, что на дне изготовители прячут всякие интересные вещицы — крошечные пластмассовые танки, пулеметы и даже изображения Элвиса. Выудив все эти сокровища, она без разбора смела в контейнеры пшеничные и ржаные хлопья.

— Мне кажется, Марта, отца у вас нет? — тихо спросил Генрих.

— Он от нас уехал.

Но парень вовсе не выглядел удивленным.

— Мой отец тоже часто от нас уезжает — проверяет, как идут дела в наших поместьях.

— Какие-то устарелые у тебя представления, — вздохнула Марта. И Генрих, продолжая от души есть, ласково взял ее за руку.

— Вообще-то я к тебе зашел, чтобы телеграмму отдать, — сказал Морис. — Я ее в Управлении захватил.

— Правда? Вот спасибо! Это ты правильно сделал. Понимаешь, у меня, похоже, в последнее время несколько писем пропали, а сестра все спрашивает, получаю ли я ее письма.

— Ну, здешним почтовикам тоже приходится ловить момент, сообразуясь с ветром и приливами, как, собственно, и всем нам, моя дорогая.

Телеграмма была от Луизы. В ней сообщалось, что они с Джоэлем прибыли в Лондон, остановились в отеле «Картерет», а Ненна должна как можно скорее им позвонить.

— Алло, могу я поговорить с миссис Свонсон? Алло, это номер миссис Свонсон? Луиза, это я, Ненна.

— Ненна! А я как раз собиралась звонить тебе по тому номеру, по которому связывалась с тобой тогда из Франкфурта.

— Я бы предпочла, чтобы ты все-таки туда не звонила, Луиза.

— Почему? Какие-то неприятности?

— Не то чтобы неприятности…

— Ненна, Эдвард к вам вернулся?

— Нет.

— Я так и думала. Ладно, дорогая, нам бы очень хотелось, чтобы ты приехала сюда и с нами вместе позавтракала.

— Так, может, мне прямо сейчас это сделать? Мне тоже хочется поскорее с вами обоими повидаться.

— Нет, дорогая, отложим до ланча. Во-первых, это куда более удобное время. А во-вторых, после ланча нужно, отложив все прочие дела, хорошенько обсудить твои нынешние проблемы. Похоже, нам многое придется улаживать. И Джоэль по этому поводу полностью со мной согласен. Разумеется, я прежде всего имею в виду вашу жизнь на барже и возможность вашего, твоего и девочек, возвращения в Галифакс.

— Но, Луиза, ты впервые говоришь мне об этом.

— Зато я уже давно об этом думаю, Ненна. Думаю и молюсь за вас! Джоэль — не католик, как ты знаешь, однако признался мне, что и он верит в Провидение, существующее где-то совсем рядом с нами, но для нас невидимое, которое хочет, чтобы все в жизни шло, как полагается. И мне эта

идея весьма по душе.

— Послушай, Луиза, я вчера ездила повидаться с Эдвардом.

— Рада это слышать. Ну что, он образумился?

Ненна колебалась с ответом. Потом все же сказала:

— Но ведь и я виновата не меньше, чем он. Может, даже больше. И потом, я же не могу оставить его ни с чем.

— Ну, и где он сейчас живет?

— У своих друзей.

— Значит, у него есть друзья?

— Луиза, ты не должна вмешиваться.

— Послушай, Ненна, мы ведь не предлагаем тебе ничего сверхъестественного. По-моему, мы все должны признать, что это испытание ты провалила. И если мы предлагаем тебе — тебе и твоим детям! — уехать домой и готовы помочь вам по приезде вновь обрести почву под ногами, а девочек устроить в хорошую монастырскую школу, где они смогут прямо сразу продолжить учебу под руководством монахинь и даже не почувствовать разницы, то все это ты должна воспринимать, как, скажем, некий заем, который мы с превеликой радостью тебе предоставим на любой продолжительный период в надежде

на то, что ты вернешься к тем, кому ты не безразлична.

— Но, Лу, ведь и здесь тоже есть люди, которым я не безразлична. И потом, мне бы так хотелось, чтобы ты приехала на «Грейс» и своими глазами увидела…

— Мы должны очень постараться, чтобы выкроить на это время. А ты, моя дорогая, всегда любила воду и всякие суда — я часто с благодарностью вспоминаю, какую радость это доставляло нашему отцу, когда он видел, что ты полностью разделяешь его интересы. Расскажи мне о своих соседях. Ты когда-нибудь ходишь к ним в гости?

— Денег у нас вообще нет, — призналась Марта, — так что тебе придется довольствоваться весьма небольшим выбором развлечений, которые мы можем себе позволить.

— В том, что вы бедны, нет ничего постыдного, — поспешно заверил ее Генрих.

— Да нет, это очень стыдно, — решительно возразила Марта; подобную твердость взглядов она вряд ли могла унаследовать от кого-то из родителей. — Хотя никому ведь не возбраняется просто ходить и смотреть на разные вещи. Смотреть — значит видеть, не так ли? Вот мы по большей части этим и занимаемся. Например,

сегодня можно пойти и полюбоваться витринами на Кингз-роуд.

— Но я бы хотел и в какой-нибудь бутик зайти, — робко заметил Генрих.

— Пожалуйста. Только это лучше сделать попозже, часов в пять или в шесть, когда все с работы возвращаются. Кстати, многие бутики вообще до этого времени закрыты.

Тильда, давно утратив интерес к подобным разговорам, двинулась на помощь Страйпи, которую по всей палубе «Мориса» преследовала здоровенная крыса. Вуди и Ричард неоднократно советовали Морису смазать якорные цепи и чалки машинным маслом, чтобы крысы не могли по ним перебираться с причала на судно, но он все время забывал это сделать.

Когда троица уже собралась отправиться на экскурсию в Челси, Генрих вежливо поинтересовался:

— А как же ваша мама?

— Что ты все время о ней спрашиваешь! — вдруг рассердилась Марта. — Она что, так сильно тебе нравится?

— Ну да, она очень привлекательная особа — для своих лет, конечно. Впрочем, у нас на континенте женщины за тридцать особенно

ценятся.

— Мама пошла кое-что обсудить с тетей Луизой, которая тоже для своих лет женщина весьма привлекательная, хотя она, конечно, значительно старше мамы и вообще совсем другая. Она живет в Новой Шотландии, в Галифаксе. Она очень богатая и энергичная.

— И что же они обсуждают?

— По-моему, мама собирается увезти нас в Канаду. Она этого пока не говорила, но я думаю, что так и есть.

— Тогда я буду часто с вами видеться. У нас есть родственники и в Канаде, и в США.

Собираясь в Челси, Марта старалась даже не мечтать о том, чтобы оставить Тильду дома, хотя ей страшно этого хотелось. Она, пожалуй, и вспомнить не могла, когда еще испытывала столь негативные чувства к своей лохматой и неряшливой младшей сестренке.

А Тильда, вырвавшись из-под надзора монахинь, похоже, утратила последние следы воспитания и здравомыслия. Партизан-стрит, первая улица, ведущая вверх от Баттерси-Рич, считалась, как уже было сказано, местом небезопасным — два ряда одно- и двухэтажных домов-развалюх служили убежищем всевозможным убогим и

увечным представителям человечества. То ли тамошние обитатели были бедны из-за своих увечий, то ли стали увечными из-за своей бедности — это, пожалуй, тема для социологических исследований; но через несколько лет, когда жалкие развалюхи на Партизан-стрит снесли и на их месте построили муниципальное жилье с такой высокой квартплатой, которую прежние обитатели тех мест никак не смогли бы себе позволить, все эти люди попросту исчезли; оставалось предположить, что их стерли с лица земли вместе с трущобами. Тильда, естественно, знала всех обитателей старых домишек и обожала их изображать. Вот и сейчас она тащилась по Партизан-стрит, прихрамывая и приволакивая ногу, и строила соответствующие гримасы.

— Твоя сестра все время заставляет меня смеяться, хотя, по-моему, это как-то нехорошо, — признался Генрих.

Марта, пожав плечами, заметила, что и все прохожие на улице тоже смеются, глядя на проделки Тильды.

— Местные жители даже просили ее приходить к ним в Христианский клуб и показывать свои штуки на сцене, — сказала она. — Жаль, что сама я больше уж не могу так весело смеяться, на нее

глядя.

Они свернули и оказались в районе Уорлдз Энд, а затем, открыв дверцу в стене, вошли в мирный сад, где были похоронены самые верные из морийцев[50].

— Их хоронили стоймя, чтобы в день Страшного суда они могли сразу встать из могилы, — пояснила Марта.

— А мужчин и женщин хоронили вместе?

— Нет, по отдельности.

Покинув кладбище и закрыв за собой дверь в стене, они двинулись дальше. Марта каждой клеточкой своего тела чувствовала руку Генриха, который все время поддерживал ее под локоть. Она спросила у него, какое английское предложение он выучил первым, и он засмеялся:

— «Я — отец этого сапожника».

— А на французском?

— Да я даже не помню, в каком возрасте меня стали учить французскому. Но я точно его учил, потому что вполне могу на нем объясниться. А еще на польском и на итальянском. Вот только не знаю, смогу ли когда-нибудь воспользоваться знанием этих языков.

---

[50] Примечания: 50
Жители или уроженцы графства Мори (Шотландия).

— Все, чему учишься, полезно. Разве ты не знал, что все знания, которые получаешь, и все страдания, которым подвергаешься, когда-нибудь в жизни непременно пригодятся?

— Это ты слова матери Игнатии повторяешь, — немедленно встряла в их разговор Тильда. — А еще она рассказывала, как в конце прошлого века одна бедная женщина зарабатывала себе на хлеб, долгие часы проводя за швейной машинкой. Работала, работала, только и делала, что работала все дни напролет. Вверх-вниз, вверх-вниз качала педаль машинки ее неутомимая правая ступня. И вот из-за этих однообразных движений правая ступня у нее постепенно становилась все шире, все длиннее, а левая оставалась такой же, как и прежде, и через некоторое время бедная женщина стала бояться даже на улицу выйти — ей казалось, что она споткнется да и носом в грязь упадет. Однако, несмотря на все беды и несчастья, она сохранила веру в заступничество Богородицы, и вот…

— Тильда, — решительно прервала ее Марта, остановившись и взяв сестренку за плечи, — я отдам тебе все, что захочешь — конечно, в пределах разумного, — только, пожалуйста, вернись на «Грейс» и никуда оттуда не уходи.

Вообще-то сестры очень любили друг друга — эта чистая взаимная любовь не раз служила им надежной защитой во многих испытаниях. И сейчас Марта так умоляюще смотрела на Тильду из-под своих густых полуопущенных ресниц, что Тильда никак не смогла бы проигнорировать ее просьбу. Она попыталась, правда, возражать, но ее возражения носили чисто формальный характер.

— Я ведь еще не успела до конца рассказать… Она же такая длинная, эта история о швейной машинке…

— Я знаю.

— И на «Грейс» я буду совсем одна. Мама ведь в Лондон уехала.

— Тогда ты должна сразу пойти на «Рочестер».

— Но я же у них только что была!

— Ничего, миссис Вуди сама говорила, что никогда не считала возню с малышами досадными хлопотами.

— Может, теперь она жалеет, что так сказала.

— И потом, там будет Уиллис.

Тильда то согласно кивала, то начинала яростно мотать головой, явно не спеша идти на попятный. Но в целом было ясно, что просьбу сестры она выполнит.

— Но ты должна пообещать мне — и не просто пообещать, а поклясться! — что сразу пойдешь на «Рочестер», — потребовала Марта. — Ты должна поклясться Сердцем Господним. Ты же сама любишь бывать на «Рочестере», а на Кингз-роуд — нет, потому что в бутики тебя не пускают. Ты еще слишком маленькая, чтобы примерять женские платья.

И Тильда помчалась прочь, как всегда нарочито прихрамывая и смешно подскакивая.

Это было лучшее время дня, и Кингз-роуд манила, точно пестрый цыганский табор, своим пышным, хотя и слегка полинялым, убранством и толпами театрального люда, в назначенный час все же вылезшего из постелей, чтобы снова и снова бродить по длинным тротуарам между Слоан-сквер и Ратушей. Генрих и Марта то и дело заходили в бутики с бодрыми названиями «Гора одежды», «Оденься с головы до ног», «Добродетельная героиня», а также прозаическими — «Ковры», «Сумки» и тому подобное. Рай для детей, буйство увеселений, странного вида лавчонки, опровергающие любые устои коммерции, столь почитаемой в нашей достойной истории. Продавцы, одетые так ярко, что затмевали покупателей, вовсе и не думали их приветствовать,

а либо попросту игнорировали, либо вели себя с ними настолько грубо, словно стремились во что бы то ни стало прогнать их прочь. Впрочем, и покупатели вели себя не лучше: скалились, фыркали, а предложенную им одежду, забраковав, швыряли прямо на землю. На вещах не были указаны ни цены, ни размеры, и невозможно было толком определить, что кому принадлежит, потому что вешалки и стойки с одеждой мгновенно, словно по мановению руки волшебника, перемещались из одного магазина в другой. Двери магазинов были распахнуты, и оттуда несло ладаном и грехом; вокруг царил дух ярмарочного балагана, когда исполнители пантомимы, воодушевленные приемом публики, позволяют себе забыть о бизнесе.

Генрих и Марта, точно принц и принцесса, брели по этому волшебному пестрому миру, которому предстояло просуществовать еще всего несколько лет, прежде чем чары будут нарушены. В магазине «Оденься с головы до ног» Генрих примерил синие сатиновые штаны, которые, как ни странно, отлично на нем сидели. Но Марте, караулившей его джинсы, пока он переодевался, куда больше пришлось по душе то, что парень все же решил эти штаны не покупать.

— Разве они тебе не подходят? — спросила она.

— Такие штаны у нас на континенте не носят.

— А я решила, что у тебя, может, денег не хватает.

Денег у Генриха на самом деле хватало с избытком, у него даже собственная чековая книжка имелась, но природная деликатность, вполне соответствовавшая природной гордости Марты, не позволила ему об этом упомянуть.

— Знаешь что, давай зайдем в кофе-бар.

Эти заведения в Лондоне были новинкой, хотя в Вене их имелось более чем достаточно. Сверкающая кофемашина Gaggia наливала в керамическую чашечку полтора дюйма горького напитка, и за два шиллинга влюбленные могли сидеть хоть несколько часов подряд, окутанные темно-коричневым полумраком, поставив между собой мисочку с коричневым сахаром.

— А вдруг они будут недовольны, что мы больше ничего не заказываем? — встревожилась Марта.

И снова Генрих накрыл ее руку своей ладонью с тонкими длинными пальцами. И снова она удивилась, до чего же чистая у него рука. Ее собственные руки были почти такими же грязными, как у Тильды.

— Ты ни о чем не должна беспокоиться. Сейчас это моя забота. Как тебе здесь? Нравится?

— Я пока не знаю. Я тебе потом скажу, — пообещала Марта, которой больше всего на свете хотелось, чтобы в кафе вдруг появился кто-нибудь из ее школьных подруг и увидел их с Генрихом. Они, конечно, донесли бы отцу Уотсону и монахиням, но какое это имеет значение? Пусть знают, почему она отсутствовала в школе!

— Наверное, вы, живя здесь, в Челси, часто куда-нибудь выходите?

— Разве я могу куда-то выйти? Да мне и не с кем.

— Мне кажется, тебе бы очень понравились венские кондитерские. А еще в Вене бывают очень хорошие концерты. Я бы с удовольствием познакомил тебя с моей мамой и двоюродными бабушками. Они каждую зиму берут абонемент на все концерты музыкального общества *Musikverein*; там исполняют, кажется, все, что только можно пожелать. Ты любишь музыку?

— Конечно, — нетерпеливо ответила Марта. — А какая музыка нравится твоим двоюродным бабушкам?

— Малер, Брюкнер…

— О, этих я ненавижу! Не желаю, чтобы меня

постоянно заставляли испытывать глубокие чувства!

Генрих, склонив голову набок, посмотрел на нее из-под полуопущенных век.

— Знаешь, мне кажется, тебе грозит серьезная депрессия, — заявил он, и Марта почувствовала себя польщенной. Она считала, что до сих пор ее никто и никогда не воспринимал всерьез.

— Ты хочешь сказать, что я могу вот-вот сломаться?

— Послушай, Марта, ты бы сейчас лучше взяла да и поведала мне о том, что тебя так тревожит. Скорее всего, никакая монастырская школа в этих вопросах тебе не помощник. Монахини попросту не поймут чисто физиологических причин твоего беспокойства, да и священники знают далеко не все. Хотя, может, тебе неприятно говорить со мной об этом? Может, мне даже не стоило и предлагать?

— Да нет, Генрих, все нормально, продолжай.

— У меня ведь тоже в школе много проблем. Хотя ты сейчас вряд ли способна в этих проблемах разобраться. Понимаешь, все мы там уже взрослые парни, шестнадцати-восемнадцати лет, а нас месяц за месяцем держат вдали от женщин. Иной раз я целый день сижу, вперившись взглядом

во внутренность личного шкафчика. Так ведь запросто можно и с ума сойти.

— А учителя ваши что говорят?

— Монахи-то? Ну, они нас, в общем, понимают, но справиться с подобными трудностями им не под силу. Один мой хороший друг, например — мы с ним в одной группе по физике и химии, — как-то раз настолько расклеился, что схватил ножницы и изрезал все те жесткие белые воротники, которые мы обязаны носить по воскресеньям, так что они просто кружевными стали.

— Как у собак в цирке, — кивнула потрясенная Марта.

— А он и хотел выглядеть нелепым. Он вообще тогда из школы ушел. Недавно я получил от него авиаписьмо. Представляешь, он теперь хочет монахом стать!

— Тебе самому-то там нравится?

Генрих ласково ей улыбнулся, словно пытаясь утешить, и сказал:

— Видишь ли, я никогда не позволю сексу доминировать в моей жизни, я просто найду для него подходящее место… Но ведь мы, моя дорогая, собирались поговорить о тебе.

Марта видела, что он действительно настроен

на такой разговор, и понимала, что, возможно, подобного шанса у нее никогда больше может и не случиться, а потому торопливо заговорила:

— Во мне очень много грешного. Я уверена, что бóльшая часть моей души погружена во тьму и не знает света. Мне бы, например, хотелось, чтобы мои родители жили вместе, но вовсе не потому, что я так уж забочусь об их счастье. Хотя маму я, конечно, очень люблю, только она, наверное, и должна быть несчастлива, просто потому что такой уж у нее период жизни. А я бы хотела, чтобы мои родители жили вместе в каком-нибудь самом обыкновенном доме, чтобы мне можно было туда прийти и сказать: неужели вы думаете, что и я буду здесь жить? Вот только нормальной жизни у меня все равно никогда не получится, потому что я слишком маленького роста — мы обе с Тильдой коротышки, — именно поэтому, кстати, Тильда по полдня и торчит на палубе: ей кто-то соврал, будто вырасти можно, только когда стоишь. И вообще я медленно развиваюсь. Мы тут как-то в классе сочинение писали на тему «Мой лучший друг», и одна девочка — она меня описывала — подняла руку и спросила, можно ли ей взять линейку, чтобы для начала меня измерить, а потом, как она выразилась, «описать

в полный рост».

— Хорошие у тебя подруги! — возмутился Генрих.

— Возможно, это не с ними, а со мной что-то не так, — возразила Марта. — Я вполне могу так недоразвитой и остаться.

— Ну что ты, дорогая! Я совершенно уверен, что ты вовсе не недоразвитая! Знаешь, на кого ты ужасно похожа? На светловолосую возлюбленную Гейне, нашего великого поэта Гейне, которую он описал такими словами: «*wenig Fleisch, sehr viel Gemuit*», что значит «как много духа в этом хрупком теле». — И Генрих, наклонившись к Марте, быстро поцеловал ее в щеку, разрумянившуюся после прогулки по холоду. Именно так и следовало вести себя в модном кофе-баре на Кингз-роуд. И все же после этого невинного поцелуя оба почувствовали себя неловко и как бы на время отдалились друг от друга.

— Я так рад, Марта, что мне удалось провести здесь целый день, а заодно и судно ваше рассмотреть.

— Ну, по крайней мере, в Вене у вас ничего подобного нет.

Отец Генриха был членом Венского яхт-клуба.

— Конечно, нет. Во всяком случае, ничего тако-

го большого.

А за окнами бара витрины лавчонок по-прежнему сверкали пестрыми грудами всякой всячины, порой падавшей прямо под ноги не слишком расторопных продавцов. Музыка стала еще громче — это телекомпания «Челси Гранада» приветствовала каждого, кто решил зайти в салон и посмотреть телесериал «Бутси и Снадж».

Марта и Генрих, выйдя из кафе, брели по улице куда глаза глядят.

— Понимаешь, двое людей могут очень быстро стать невероятно близки друг другу, — говорил Генрих, — и тогда только от них самих будет зависеть, позволят ли они обстоятельствам взять над ними верх и что-то изменить в их отношениях. Я, во всяком случае, твердо намерен — хотя я, по-моему, уже говорил тебе об этом, — строить собственную жизнь только самостоятельно.

Тильда, естественно, прямиком на «Рочестер» не пошла. Когда Марту и Генриха вдруг окутала некая, не совсем знакомая Тильде атмосфера, словно отделившая от нее старшую сестру, она впервые в жизни почувствовала себя одиноким дрейфующим кораблем, плывущим куда-то по воле волн. Совершив для начала вызывающе смелый прыжок прямо с причала на палубу «Грейс»,

она подхватила в охапку удивленную Страйпи, крепко прижала кошку к груди, а затем, осмотрев ее более внимательно, заявила:

— Да у тебя же котята будут!

Как только Тильда оставила кошку в покое, та сразу же вновь растянулась на палубе и погрузилась в глубокий сон, а девочка взлетела на верхушку мачты, любуясь отливом и проплывавшим мимо буксиром, на котором вился флаг с красным крестом святого Георгия; дымовая труба на буксире была то ли кремового, то ли белого цвета.

«Охрана природы Темзы, — догадалась Тильда. — Только вот зачем они забрались в низовья реки? Они ведь обычно ниже Теддингтона не спускаются?»

Тильда заметила, что на палубе «Мориса», то есть футов на пятнадцать ниже ее наблюдательного поста, возится Гарри, причем как-то чрезвычайно активно, несмотря на отсутствие хозяина судна. В данный момент, например, он вытягивал из люка электропровод, укрепляя его таким образом, что сразу становилось ясно: никакой он на самом деле не электрик, и такая «профессиональная» проводка приведет к тому, что любой, кто попытается открыть люк и

спуститься в трюм, сразу получит приличный удар током.

Тильда, конечно, не могла толком понять, чем именно Гарри занят, но продолжала внимательно следить за ним, и он в итоге это почувствовал, обернулся, положил плоскогубцы и, задрав голову, посмотрел на девочку. Глаза у него были какие-то странные; Тильда не поняла, то ли он их слишком сильно таращит, то ли у него просто белки такие выпуклые.

— Хочешь конфетку?

— Нет.

— А хочешь, я тебе комикс покажу?

— Нет.

— Да ну, слезай, ты ведь наверняка сама-то читать еще не умеешь!

— Умею.

— Ты ведь можешь сюда перелезть, да? Вот и перелезай. Посидим с тобой, можешь даже на колени ко мне сесть, а я тебе комикс почитаю.

Тильда несколько раз лихо крутанулась вокруг мачты, держась одной рукой. Потом спросила:

— А у вас есть журнал *Cliff Richard Weekly*?

— О да, конечно!

— И *Dandy*?[51]

— И *Dandy*.

— За эту неделю?

— И за эту тоже.

— Ничего мне не нужно показывать!

— Ты же не знаешь, что я еще могу тебе показать.

— И что это такое?

— Ну, такого ты, моя дорогая, еще никогда в жизни не видела!

— Вы не имеете права на этом судне хозяйничать! — объявила Тильда. — Это судно Мориса.

— А ты знаешь Мориса?

— Конечно, знаю.

— И знаешь, чем он себе на хлеб зарабатывает?

— Он ходит на работу.

— Хочешь, я тебе покажу, чем он у себя на работе занимается? Такого ты ни в одном комиксе не увидишь.

Но Тильда была крепким орешком.

— А зачем вы провода из трюма тянете?

— Зачем? Ну, у меня там хранится много всяких замечательных вещей.

— А откуда вы их взяли?

---

[51] Примечания: 51

«*Данди*» — еженедельный комикс для детей.

— Неужели тебе неинтересно посмотреть, что это за вещи?

— Нет. Мне интересно, откуда вы их взяли.

— Почему тебя это так интересует?

— Потому что вы преступник.

— Кто тебе такое сказал, мерзкая сучонка?

— Вы укрыватель краденого! — не сдавалась Тильда.

Она искоса следила за Гарри, глаза у нее так и горели. В конце концов, думала она, этот тип может попасть на «Грейс» двумя способами: либо пройти по сходням, перекинутым с «Мориса», но там уже растянулась страдающая несварением Страйпи, либо вернуться на причал и уже оттуда подняться на корму «Грейс».

Но тут Гарри вдруг наклонился и одной рукой поднял сходни вместе с кошкой почти вертикально. Испуганная Страйпи метнулась было вверх, потом несколько неудачно прыгнула и, растопырив лапы, шлепнулась в воду у самого берега.

— Смотри, твоя киска так шлепнулась, что, небось, пополам раскололась!

— Ничего подобного! Она как раз недавно ча`йку слопала, так что, если б раскололась, из нее бы перья торчали.

Заметив в руках у Гарри бутылку, Тильда спро-

сила:

— Вы что, собираетесь напиться?

— Тем, что у меня в бутылке? Нет, это пить нельзя. Это мне все нутро сожгло бы. Это, черт возьми, любому все нутро бы сожгло.

В бутылке была соляная кислота. Гарри смотрел на девочку в упор, и зрачки у него были как две точки, а выпученные белки, казалось, вращались сами собой. Держа бутылку в правой руке, он раза два встряхнул ее, словно прикидывая, сколько она весит, а затем двинулся в сторону причала, явно намереваясь перебраться на «Грейс» и расправиться с Тильдой.

Но девочка ждать не стала. Перемахнув через фальшборт и цепляясь пальцами рук и ног за наружную обшивку, она соскользнула на причал, подхватила кошку и бегом бросилась к «Рочестеру», прекрасно зная, что боковой трап там спущен.

— Ой, миссис Вуди, вы за мной присмотрите? Марта велела сразу к вам идти. Вот я сразу и пришла.

— Что это у тебя? — спросила миссис Вуди, теперь уже способная безропотно принять все, что угодно.

— Это моя любимая киска. Единственное до-

машнее животное, которое мне разрешили держать с тех пор, как я была совсем крошкой.

Миссис Вуди с подозрением посмотрела на вздувшийся живот Страйпи.

— Дорогая, а ты уверена, что она не…

— Что вы хотите этим сказать, миссис Вуди? Да я уверена, что каждый шаг моей киски ангел охраняет!

Трюм «Рочестера» за последние несколько недель изменился до неузнаваемости; из обычного подпалубного пространства он превратился в довольно уютное помещение, чем-то напоминавшее интерьер дома на колесах. Пол был застелен двусторонним ковром, и Тильда, устроившись прямо на нем, тут же с раскрытым ртом уставилась на экран телевизора, где мелькали персонажи сериала «Доктор Килдэр». Миссис Вуди принялась нарезать сэндвичи на аккуратные квадратики, потом окликнула мужа.

Появился Вуди; было заметно, что вид у него несколько утомленный.

— Я, пожалуй, отнесу Уиллису чашку чая, — заявил он. — По-моему, он чересчур погружен в мысли о прошлом.

— Скажи ему, что здесь Тильда.

И вскоре действительно пришел Уиллис. Он

осторожно присел рядом с девочкой на рундук, где красовалась целая груда новых подушек в ярких наволочках с цветочным рисунком.

— А сестренка твоя куда делась?

— Она с Генрихом гуляет.

— С этим немецким парнишкой? Ну что ж, он, похоже, ничего, вполне симпатичный. Хотя войну он, разумеется, не помнит.

Тильда принялась подробно рассказывать Уиллису, что до его прихода успело произойти в этой серии «Доктора Килдэра» с главным героем фильма, студентом-медиком. К сожалению, о Гарри она так никому ничего и не поведала, поскольку к этому моменту успела начисто о нем позабыть.

Ричард в тот вечер вернулся домой с работы позже, чем рассчитывал. Разочарованный тем, что на «Грейс» не видно ни огонька — ему даже в голову не пришло, что вечером Ненны может там и не оказаться, — он свернул, направляясь к «Лорду Джиму», но еще с набережной заметил на палубе «Мориса» незнакомого человека и, разумеется, сразу же повернул обратно. Спустившись на причал и подойдя к «Морису», он представился:

— Я друг владельца этого судна. Добрый вечер.

Ответа не последовало. Только тут Ричард заметил, что сходни между «Морисом» и «Грейс»

исчезли. Это показалось ему подозрительным, и он без колебаний спрыгнул на палубу.

Гарри молча продолжал травить гибкий электрошнур, огибая рубку, пока не оказался в таком положении, из которого мог видеть Ричарда, не поднимая головы и не оборачиваясь. Затем он положил на палубу плоскогубцы, которые держал в руке, и взял тяжелый раздвижной гаечный ключ.

— Что вы делаете на этом судне? — спросил Ричард.

— А вы что, Господь Бог, чтобы я перед вами отчитывался? — огрызнулся Гарри.

Дневной свет быстро меркнул; уже и очертания башни хлебопекарной компании «Хоувис» с трудом можно было различить на фоне розовато-серого неба. И как только Ричард сделал пару шагов в сторону Гарри — он, разумеется, и не подумал бы вернуться домой, не уладив возникшую проблему должным образом, — тот с несколько удивленным видом, словно и сам не мог поверить, что это оказалось так легко, с размаху ударил Ричарда тяжелым ключом в левую часть головы прямо под ухом. Ричард рухнул, не успев издать ни звука. Он сильно ударился боком о ворот лебедки, но тут же снова попытался встать.

Только лучше бы он подобного рвения не проявлял, потому что, как выяснилось впоследствии, у него было сломано ребро, и когда он с трудом поднялся на ноги, острый обломок проткнул ему легкое. Увидев, что Ричард снова упал и изо рта у него обильно течет кровь, Гарри быстро вытер гаечный ключ и сунул его в сумку с инструментами, думая, что совершить *такое* оказалось гораздо проще, чем возиться с электропроводкой. Затем, прихватив сумку, он выбрался на причал, быстро пошел в сторону Партизан-стрит и Кингз-роуд и вскоре растворился в сумерках.

Генрих и Марта возвращались на причал, держась за руки.

— Вон паб Мориса, — сказала Марта, — он наверняка сейчас там. — А потом со вздохом прибавила: — Жаль, что «Уголка Венеции» больше нет, он так красиво выглядел в сумерках. — Впрочем, особой необходимости о чем-либо разговаривать ни сама Марта, ни Генрих сейчас не испытывали.

Берег уже окутала кромешная тьма, но на палубу «Мориса» все же падал бледный свет от фонаря на углу, высвечивая неподвижное тело какого-то мужчины, точно повисшего на рычаге лебедки. Одна его рука свисала с борта судна.

— Марта, не смотри!

В этих местах — и на Партизан-стрит, и на набережной — довольно часто с наступлением темноты можно было заметить людей, лежащих в странных позах. Да и «клиенты» Мориса тоже отличались непредсказуемостью. Но никогда никто из них не лежал *так* неподвижно и в *такой* нелепой позе.

— Может, это Гарри? — предположила Марта. — Если это он и если он мертвый, то Морис, по-моему, вздохнет с облегчением.

Они очень медленно и осторожно подошли поближе, и в глаза им сразу бросилась лужа крови на палубе; в тусклом свете уличного фонаря кровь казалась черной.

— Господи, это же *Лорд Джим*, — прошептала Марта.

Вид окровавленного тела, из которого преступники вышибли дух, видимо, в точности соответствовал представлениям Генриха о «свингующем» Лондоне, так что Марта была вынуждена пояснить:

— То есть это мистер Блейк с судна «Лорд Джим».

— И как нам поступить?

Марта знала, что если повезет, то полицейский

катер еще вполне может стоять возле баржи «Блуберд», и она шепотом пояснила Генриху:

— Понимаешь, полицейские обычно заезжают за сиделками, которым в ночную смену выходить, и подвозят их в госпиталь.

— В Вене никогда бы такое не разрешили.

— У нас это тоже запрещено.

И оба бегом бросились к барже «Блуберд», пришвартованной в центральной части Баттерси-Рич. На барже, как всегда, играла громкая веселая музыка — на это, кстати, постоянно жаловались жители соседних домов, — эхо которой разносилось не только по всему причалу, но на несколько миль окрест. А рядом с баржой действительно стоял быстроходный полицейский катер.

Вот так Ричарда в полумертвом состоянии и доставили в травматологическое отделение госпиталя «Ватерлоо», поместив в мужскую палату. Когда молодая послушница с «Блуберд», дежурившая в тот день, вошла в палату, намереваясь сделать Ричарду укол, чтобы помочь ему уснуть, он слабым голосом спросил:

— Вы ведь, кажется, мисс Джексон? — Ричард давно уже приучил себя *непременно узнавать* любого, кто либо служил под его началом, либо тем

или иным образом ему помог. А эта мисс Джексон очень помогла ему с Уиллисом. Но попытка Ричарда сесть прямо и изобразить некое подобие вежливого поклона привела к тому, что обломок ребра снова воткнулся ему в легкое, нанеся еще более серьезные повреждения.

Его снова перебинтовали, сделали укол, и до утра он забылся тревожным сном.

Утро, долгое бесцветное больничное утро, тянулось невероятно долго, прерываемое лишь визитами медсестер, уборщиц и прочих представительниц младшего персонала, которых точно магнитом тянуло в ту палату, где каждую с неизменной мрачноватой корректностью приветствовал «ужасно милый и симпатичный» мистер Блейк, испытывавший при этом, кстати сказать, довольно сильную боль. Сиделки-послушницы в один голос твердили, что он должен помнить: с каждой минутой ему будет становиться чуточку легче, а старшая медсестра строго его предупредила, чтобы он ни в коем случае не шевелился, не делал ни малейших усилий и не пытался хоть что-нибудь самостоятельно взять в рот.

— Боюсь, я причиняю вам слишком много беспокойства, — попытался как-то защитить свои

права Ричард.

— И говорить вам тоже нельзя, — последовал мгновенный ответ.

Но когда Ричарда, наконец, оставили в покое, мысли его стали постепенно проясняться, и он начал размышлять, сопоставляя факты. Он вспомнил, как упал, как палуба словно рванулась ему навстречу и с силой его ударила, и это навеяло полузабытое ощущение — хотя как раз тогда подобного ощущения у него практически не возникло — последнего мгновения перед тем, как в «Ланарк» угодила торпеда. Вспомнил Ричард и тот тяжелый гаечный ключ, а потом догадался, что именно этим ключом ему и нанесли удар в голову, заставивший рухнуть на палубу так «удачно», что теперь все его тело обмотано бинтами и ноет от боли. Он понимал, что между этими разрозненными мыслями, безусловно, есть некая связь, и ему казалось, что он гораздо быстрее пошел бы на поправку, если б смог с уверенностью сказать, в чем смысл столь странных воспоминаний.

Затем он по мере возможностей постарался вспомнить, не осталось ли у него на работе чего-то недоделанного, скажем, каких-то срочных писем, на которые он так и не успел ответить;

это была весьма мужественная попытка, однако успехом она не увенчалась, и Ричард позволил своим мыслям вернуться к Ненне. *Вчера* — а может, позавчера или даже третьего дня? — он первым поднялся по трапу на палубу «Лорда Джима», однако в каюту первой вошла Ненна. Стоило ему это вспомнить, и он сразу почувствовал себя немного счастливей, а затем его и вовсе охватил глубокий покой. Скорее всего, было просто совпадением, что Ненна надела точно такую же, как у Лоры, синюю шерстяную матросскую фуфайку «гернси», и он знал, как вслепую расстегнуть ворот этой фуфайки, чтобы ее снять. А в целом по поводу того, что между ними произошло, Ричард не испытывал не только ни малейшего разочарования, но и, безусловно, никаких сожалений. И в итоге пришел к выводу, что это был не только один из лучших поступков в его жизни, но и единственно возможный.

Уже ближе к полудню к Ричарду заглянул, совершая обход, молодой дежурный врач и сказал, что разговаривать ему ни в коем случае нельзя, так что пусть он отвечает на вопросы с помощью самых простых жестов.

— Ничего, скоро мы вас подлечим, выпишем, — бодро пообещал врач, — и вы снова сможете

сколько угодно гонять на своем четырехколесном друге. — Видимо, этот юный человек, менее внимательный, чем сиделки, ошибочно принял Ричарда за другого пациента, весьма, кстати, сварливого, который был хозяином гаража.

— Из ушей у вас кровь не шла? — вдруг спросил он, сверяясь со списком больных.

Ричард, всегда готовый помочь любому новичку, попытался жестами объяснить, что если надо, то он с удовольствием готов устроить даже кровотечение из ушей. Что же касается его основных страданий, которые теперь значительно усилились, то оказалось очень сложно с помощью жестов не только показать, где у него болит, но и выразить то ощущение, что болит *не у него*, а сам он как бы *находится внутри* некой всепоглощающей боли. Врач пообещал помочь ему с помощью лекарств и снова предупредил:

— Но пока что полный покой. И, разумеется, никакой полиции. А то у нас там один офицер уже с нетерпением дожидается возможности получить ваши показания, однако придется ему еще пару деньков подождать. Впрочем, — неожиданно объявил молодой доктор, — мы готовы немного смягчить наши строгие правила и все-таки дать вам возможность повидаться с вашими детьми.

И со стороны «нейтральной территории», из коридора, где перед входом в палату коричневый линолеум сменялся синим, до Ричарда донесся знакомый голос: Тильда спрашивала, можно ли им с сестрой передать мистеру Блейку бутылочку апельсинового напитка «Санкраш».

— Скажи, дорогая, это ваш папа? — услышал Ричард вопрос медсестры.

— Да, только мы очень-очень давно его не видели. Уж и не вспомним, сколько лет.

— Что ж, если доктор Сойер разрешил…

Тильда вошла первой — следом за ней с некоторым сомнением на лице тащилась Марта, — сразу же принялась расчищать среди растений на подоконнике место для бутылки «Санкраш» и затараторила:

— Папочка, дорогой, ты еще нас помнишь?

Медсестра снова выразила недовольство, что дети явились в больницу без сопровождения взрослых, что совершенно недопустимо, но тут, к счастью, появился еще один посетитель, Уиллис, который тут же взял ответственность за девочек на себя. Видимо, беда, случившаяся с Ричардом, окончательно привела Уиллиса в чувство. К тому же он испытывал самое искреннее чувство благодарности — это чувство многие воспринимают

как ненужное бремя, но непритязательный Уиллис приветствовал его с радостью.

— До чего же печально, Капитан, видеть вас беспомощно лежащим на больничной койке! Не так давно, правда, я и сам здесь полеживал, но мне и в голову не могло прийти…

Уиллис не очень-то представлял себе, что можно принести такому больному, и в итоге остановился на пачке небольших сигар. В той палате «Ватерлоо», где лежал он, пациентам курить разрешалось, хотя и не более чем в течение одного часа в сутки.

— Тут, я вижу, порядки совсем другие, — заметил он таким тоном, словно и это тоже было определенным свидетельством превосходства Капитана. Ричард, кстати, вообще не курил, но Уиллис никогда этого не замечал.

— По-моему, дорогая, он хочет что-то вам написать, — сказала Марте сиделка. Между тем Тильда, ничуть не смущаясь, уже успела добраться до буфетной и помогала нянькам, разносившим ужин, снимать с кастрюль крышки. Ричард посмотрел на Марту, увидел перед собой точно такие же, как у Ненны, растерянные глаза, только гораздо темнее, и с огромным трудом нацарапал на предложенном ему листке бумаги:

КАК ТАМ ТВОЯ МАТЬ?

И Марта написала в ответ — ей даже в голову не пришло сказать это вслух, хотя слышал-то Ричард отлично:

ЗАНЯТА, ВЕЩИ ПАКУЕТ.

ЗАЧЕМ?

МЫ УЕЗЖАЕМ В КАНАДУ.

КОГДА?

Но на этот вопрос ответа у Марты не было.

Лоре сообщили о случившемся, и уже на следующий день она вернулась в Лондон. Затем она быстро и легко решила все вопросы и с работой Ричарда, и с полицией, и с пребыванием мужа в больнице, где побеседовала только с матушкой-попечительницей и врачом-фтизиатром.

— А с дежурными врачами и разговаривать смысла нет, они, бедные, так загружены, что одного больного от другого не отличают!

Но старшая сестра все же отвела Лору в сторонку и спросила, не кажется ли ей, что было бы неплохо, если бы впредь она разрешала мужу почаще видеться с детьми.

Разговаривать Ричарду по-прежнему не разре-

шали — его выздоровление шло отнюдь не так быстро, как ожидалось, — и он мало что сумел ответить Лоре, когда она заявила ему, что все время ожидала чего-то в этом роде, а потому немедленно займется ликвидацией «Лорда Джима». За помощью она, естественно, обратилась к своим многочисленным родственникам, и те сразу начали подыскивать подходящий дом — в пределах разумного расстояния от Лондона, в хорошем состоянии, недавно отремонтированный и обставленный, — чтобы Ричарда можно было перевезти сразу после выписки из больницы.

Глава десятая

Ненна чувствовала, что сумела бы найти куда более достойный ответ на обвинения Луизы, если бы Эдвард тогда потрудился вернуть забытую у него сумочку. Там ведь были не только деньги, но и библиотечная карточка, разрешение на получение социального пособия, квитанция из мастерской, без которой она не могла получить обратно свои часы, несколько старых помятых фотографий, в том числе и фотография самого Эдварда, а также записная книжка со всеми адресами — да, собственно, все, что составляло ее, Ненны, личность.

В конце концов, думала она, если я и впрямь отсюда уеду, то особой разницы не почувствую. В некотором смысле Галифакс ничуть не дальше от Баттерси-Рич, чем 42 «би» Милвейн-стрит, Стоук Ньюингтон. Все расстояния одинаковы для тех, кто друг с другом встречаться не хочет.

Столь же далек был Галифакс и от границы с Норфолком, куда Лора увезла Ричарда. Плакатик с надписью «ПРОДАЕТСЯ», пришпиленный к дымовой трубе «Лорда Джима», каждый раз вызывал

у Ненны столь горькие чувства, что теперь она старалась по возможности подходить к «Грейс» с другого конца причала. Ей казалось, что если бы она тогда рассказала Ричарду о Гарри и о том сомнительном грузе, который тот прятал в трюме «Мориса», Ричарду, возможно, не пришлось бы столько времени лежать в луже крови, пока Марта, ее родная девочка, его не спасла. Но, как ни странно, сожаления, которые Ненна сейчас испытывала — причем связаны они были даже не с тем, что она сделала не так, а с тем, чего она так, увы, и не сделала, — положили конец той застарелой утомительной иллюзии судебного разбирательства, которая то и дело возникала перед ее мысленным взором. Ненна больше не чувствовала себя обязанной защищаться перед воображаемыми судьями или в чем-то перед ними отчитываться. Для Эдварда она отныне интереса не представляла, так что данное «судебное дело» оказалось отложено на неопределенный срок.

Поскольку Луиза и ее муж по-прежнему, похоже, не имели ни малейшего желания посетить «Грейс», Ненне и девочкам пришлось самим тащиться к ним на чай в роскошный отель «Картерет». Им пришлось приложить немало усилий,

дабы придать себе относительно пристойный вид. На двенадцатом этаже отеля, откуда Темза выглядела всего лишь далекой серой полоской, их с восторгом встретила тетя Луиза. Выглядела она на редкость цветущей. Выше Ненны ростом, более крепкого телосложения и не такая светловолосая, Луиза всегда отличалась весьма решительным характером. А еще она по-прежнему производила впечатление человека, постоянно удивляющегося жизни.

— Марта! Тильда! Вот это да! Как же давно я вас не видела! Но вы обе такие классные! Интересно, понравится ли вам у нас в Канаде?

— Луиза, подожди, это зависит от множества вещей. Для начала нам придется продать «Грейс»…

— А что будет, если я нажму на эту кнопку с колокольчиком? — спросила Тильда.

— Придет кто-нибудь — официант или дежурный по этажу — и спросит, не хотим ли мы чаю, или пирожных, или еще чего-нибудь вкусненького. Давай, можешь на нее нажать, детка.

Тильда и нажала. На звонок, естественно, отреагировали, а вскоре принесли и заказанное угощение.

— Все правильно, дорогая?

— Да, все это мы с Мартой очень любим. А в

Канаде есть какие-нибудь корабли?

— Да уж, кораблей там хватает! И воды тоже.

И Тильда сразу приняла мысленное решение в пользу этого Нового Мира. Но потом, облизывая каждый палец по очереди, заметила:

— Хотя я не уверена, что нам следует уехать, а Мориса тут бросить. Ведь тогда у него не будет ни нашей мамы, с которой он мог бы поговорить, ни мистера Блейка, который мог бы устроить подписной лист, если и его «Морис» совсем потонет. Он ведь тогда может совсем отчаяться. Да еще эти полицейские все время к нему таскаются, всякие вопросы задают.

— Кто такой Морис, дорогая? — довольно резким тоном спросила у Тильды тетя Луиза.

— Морис? Ну, он с «Мориса». А Блейки точно так же были с «Лорда Джима».

— А, да, Ричард Блейк! Он мне звонил.

— Как это? — вырвалось у Ненны. — Откуда у него твой номер?

— Ты, наверное, помнишь, что мне как-то пришлось позвонить ему, чтобы с тобой поговорить? Ну, когда мы были во Франкфурте? Вот тогда-то я ему и сообщила, что в Англии мы остановимся именно в этом отеле. Он нас полностью устраивает, хотя Джоэль все время твердит, что до войны

сервис здесь был намного лучше…

— И что же Ричард тебе сказал?

Вопрос Ненны вызвал у Луизы некоторое замешательство, из которого она, впрочем, довольно быстро выпуталась. Да и что, собственно, мог ей сказать этот Ричард Блейк? В целом у нее создалось впечатление, что на весну у него намечена целая серия трансатлантических поездок для участия в конференциях страховщиков, и то ли он сперва в Монреаль приедет, то ли в Нью-Йорк, в точности Луиза уже не помнила.

— Господи боже мой, — пожала она плечами, — я и подумать не могла, что это так важно.

— Я еще и сама не знаю, важно это или нет, — прервала ее Ненна. — Но Ричард обещал научить меня правильно складывать карту.

— Этому, моя дорогая, и Джоэль может научить.

— И потом, мы не сможем взять с собой Страйпи, — продолжала оценивать ближайшие перспективы Тильда. — Она же с «Грейс» ни за что не уйдет. Миссис Вуди купила ей корзинку, очень хорошенькую, их слепые плетут, только Страйпи в ней сидеть не захотела.

— Кто такая миссис Вуди?

— Одна очень добрая дама, только она уже

довольно старая.

— Малышка с удовольствием снова начнет учиться в школе и общаться со своими ровесницами, — шепнула Луиза на ухо Ненне.

Появился мистер Свонсон. Поздоровавшись со всеми, он заказал рюмку хлебной водки и сообщил:

— Значит, так: сегодня мне звонил фон Фюрстенфельд; их мальчик благополучно прибыл в Вену, и они страшно благодарны вам, Ненна, за гостеприимство и за то тепло, которым вы окружили их сына. И я тоже очень вам благодарен. Отныне я перед вами в неоплатном долгу.

Марта промолчала, невозмутимо улыбаясь.

Джоэль Свонсон не понял — да он и не ожидал, что сумеет это понять, — о чем, собственно, в данный момент шла речь; впрочем, то, что он все-таки успел услышать, да и раньше урывками слышал, полностью совпало с его представлениями о родственниках жены. А потому он просто улыбнулся им всем, как бы включая их в круг своих забот.

* * *

Теперь, когда в списках у Пинки числились и «Лорд Джим», и «Грейс», он стал сомневаться, что

продать удастся хотя бы одно судно, хотя они, разумеется, и находились в противоположных концах ценового ряда. Но на рынке это, безусловно, скажется, тем более что сам брокер, пребывая в расстройстве, рассказывал всем, что ему еще повезло, поскольку он ничего не потерял на продаже «Дредноута», который, как известно, камнем пошел ко дну. На продажной цене «Лорда Джима» наверняка плохо скажется то, что хозяина судна, Ричарда Блейка, чуть не убили на борту одной из соседних старых барж, ударив по голове чем-то тяжелым. Еще слава богу, что ему, Пинки, не нужно хотя бы *ту* проклятую баржу продавать! Бедный старина Ричард! Надо же — в войну три раза благополучно пережил торпедные атаки, а в мирное время оказался буквально на волосок от смерти из-за удара гаечным ключом! Пинки посоветовался со старшим партнером, и тот сказал:

— Да уж, такое не каждый купить решится. Хотя если кто-то подыскивает необычное пристанище для ночных приключений…

Впрочем, «Грейс», по крайней мере, особого ремонта не требовала. Эти речные баржи были так надежны и так легки в управлении — вполне хватало двоих, взрослого мужчины и мальчиш-

ки-юнги, — что привести «Грейс» в порядок Пинки мог бы за несколько дней. У него вызывала беспокойство только мачта. Опустить ее не удавалось никак, несмотря на все усилия Вуди. Каждое утро, едва ступив на палубу «Грейс», он сообщал Ненне: «Знаете, у меня появилась еще одна идея насчет вашей мачты», но все было тщетно: толстый слой ржавчины держал мачту крепко. Что же до подготовки к отъезду, то миссис Вуди, страстно желавшая помочь Ненне уложить вещи, вскоре с некоторым разочарованием убедилась, что и укладывать-то там практически нечего. Имущества у семейства Джеймс оказалось совсем немного. И миссис Вуди испытывала непреодолимое желание одолжить Ненне немного своих вещей, чтобы их стало побольше и возникла необходимость что-то упаковать, а что-то отложить в сторону.

Кошка Страйпи с невозмутимостью взирала на всю эту суету, а потом как бы невзначай окотилась, весьма умно выбрав для этой цели теплый трюм «Рочестера». Уиллис, всегда вставший очень рано, обнаружил ее на руинах новых подушек, украшавших рундук в «гостиной», в окружении пяти котят цвета речного ила. Всех котят, кроме одного, Марта затем подарила отцу

Уотсону, поскольку он часто намекал, что его домик нуждается в некой «веселой нотке». Однако у отца Уотсона оказался весьма развит инстинкт самосохранения, и он поспешил передать весь выводок речных зверят в женский монастырь, дабы монахини использовали их в качестве призов для Рождественской лотереи. Затем отец Уотсон и сестры с облегчением обсудили предстоящий отъезд семейства Джеймс в Канаду и сочли, что так будет лучше для всех, раз уж нет никакой надежды решить проблемы, скопившиеся в этой семье, мирным путем.

В ночь перед тем как Ненна и обе ее дочери должны были покинуть Англию, над Баттерси-Рич бушевала непогода. Дул штормовой ветер, шел сильный дождь, вода в Темзе так сильно поднялась, что в устьях рек, текущих с северо-запада и впадающих в Темзу, даже придержали воду, опасаясь, как бы приливная волна не понесла всю эту водную массу вверх по течению и не затопила Лондон. А ближе к ночи ветер совсем разыгрался.

Шторм всегда воспринимается как нечто странное в таком огромном городе, где много крепких каменных домов. На их фоне летающий в воздухе мусор — листья деревьев, газетные страницы

— кажется зловещим и словно спешит вовремя из города смыться. Однако на этот раз вслед за легким мусором в воздух вскоре поднялись и более крупные предметы — картонные коробки, ветки деревьев, черепица. Сами собой падали плашмя велосипеды, оставленные на улице в стойках. То и дело слышался звон разбитых оконных стекол, и осколки присоединялись к тем опасным снарядам, которые ветер уже метал вдоль опустевших, залитых дождем тротуаров. На набережной, также дочиста выметенной ветром, не было ни души. Возвращавшиеся с работы люди, вынырнув из подземки, тут же были вынуждены склоняться чуть не до земли, пытаясь противостоять бешеным порывам ветрам, и спешили укрыться в боковых улочках.

Чайки парили над рекой так долго, как только могли, надеясь, что буря принесет им добрую поживу, однако, побежденные страшным напором ветра, с потрепанными перьями, были вынуждены отступить и с пронзительными криками бросались искать убежище. А вот крысы на причале вели себя странно: они старались держаться как можно ближе к сходням, любым способом пытаясь перебраться с суши на борт того или иного судна.

Да и в самом затоне никто не притворялся, что это будет обыкновенная ветреная ночь. Капитаны буксиров, которые прежде словно не замечали старых барж, стоявших на якоре у причала, окликали их хозяев или подавали световой сигнал опасности — пять коротких последовательных вспышек. Перед началом прилива, пока еще довольно вялого, вниз по реке промчался полицейский катер, останавливаясь возле каждого судна и на всякий случай задавая их владельцам вполне разумный вопрос:

— Извините, сэр, вы давно проверяли ваш якорь и якорные цепи?

Собственно, якоря на старых баржах давно уже имели такой вид, что их, пожалуй, и распознать-то было бы невозможно; более всего они походили на допотопные ракообразные существа, на ту их гигантскую разновидность, которую сама Природа давно уже сбросила со счетов, однако отдельные экземпляры все еще цеплялись за прежнее место обитания, прячась в глубоких ямах, проделанных ими в прибрежном грунте. Но от постоянного нахождения в земле и под водой якоря проржавели настолько, что наполовину развалились. Именно поэтому с такой легкостью удалось поднять якорь «Дредно-

ута», когда прибыл спасательный буксир, чтобы увезти старую баржу на свалку. Да и грунт возле берега был довольно илистым, и хотя обычно он держал якоря достаточно крепко, но в один миг при изменившихся условиях мог оказаться предательски непрочным.

— А какой длины у вас якорная цепь? Пятнадцать морских саженей, как и полагается? И что, все пятнадцать в хорошем состоянии?

Как и многие другие вопросы, которые по обязанности задавали полицейские, эти тоже были чистой формальностью, поскольку владельцы старых барж, ясное дело, ответить на них не могли. Оставалось только надеяться, что швартовы у них пребывают в лучшем состоянии, чем якоря. На самом деле подобные визиты полиции были просто вежливым извинением за то, что в качестве помощи они могут лишь оставить записку с номером телефона ближайшего полицейского дивизиона на берегу Темзы.

— Пирс Ватерлоо. WAT 5411. Звонить в любых непредвиденных случаях. Вы хорошо поняли?

— Но ведь нам, чтобы позвонить, придется на берег сойти, — с сомнением заметил Вуди, когда подошла его очередь беседовать с полицейскими. Он как раз обдумывал план погрузки «личного

состава» «Рочестера» в машину, чтобы отвезти всех прямиком в Перли — согласится Уиллис ехать или не согласится. — Как вы считаете, сержант, — спросил он, — шторм еще сильней разыграется?

Сержант, разумеется, отлично его понимал — так могут понимать друг друга только англичане. Ветер уже успел сорвать брезент с нескольких вытащенных на берег и перевернутых вверх килем лодок, и в воздухе свободно летали огромные куски промасленной парусины, обвиваясь вокруг мачт и поручней.

— Вы, главное, вот этих опасных обрывков остерегайтесь, — посоветовал полицейский. — От них большая беда может приключиться.

Баржи на Темзе были целиком построены из натурального дерева, которое легко поддавалось и пружинило под напором ветра, так что эти старые суда чувствовали себя на реке куда уверенней и спокойней, чем прочие плавучие средства. К их привычному потрескиванию и ворчанию просто прибавилось несколько новых нот, и все вместе это даже походило на некую мелодию.

По мере того как поднималась вода, ветер все яростней разгонял облака над головой, вздувая на поверхности реки маленькие смерчи и гоняя

их, словно штормовые волны в открытом море.

Ненна и Марта категорически запретили Тильде подниматься на палубу. И она валялась в каюте, чувствуя себя арестантом и одновременно с радостью ощущая безумное желание их старого судна вновь вырваться на речной простор и плыть в фарватере. Каждый раз, как «Грейс» приподнималась на вздувшейся волне, Тильда чувствовала, что якорная цепь натягивается до предела.

— Все. Сейчас мы с вами отправляемся на берег! — крикнула дочерям Ненна. — С «Рочестера» уже все сошли. С собой возьмем только одну сумку, а за остальным вернемся, когда ветер немного уляжется.

И Тильда принялась натягивать свой анорак, считая всех окружающих трусами.

Никто не знал, что Морис остался на борту, потому что огни на его судне не горели. Он, разумеется, не был алкоголиком в привычном смысле этого слова, однако в ту ночь сидел в кромешной темноте с бутылкой виски, собираясь напиться.

Беспокоила его, впрочем, отнюдь не неопределенность его нынешнего существования, да и на визиты полицейских ему было наплевать, хотя его уже дважды приглашали в участок. Пока что

полицейские, как ни странно, ордера на обыск ему не предъявляли, но даже если б и предъявили, его это не испугало бы. Еще меньше его страшил надвигающийся шторм. Морису было необходимо, чтобы в его жизни случались всякие опасные и странные вещи, иначе его попросту захлестнула бы чрезмерная любовь к людям. Она и сейчас ему угрожала, и Морис чувствовал, что не в силах вынести вид постепенно пустеющего причала. «Дредноут», «Лорд Джим», а теперь еще и «Грейс». Знакомых у Мориса в силу его занятий было, пожалуй, даже слишком много, но стоило ему представить себе свою дальнейшую жизнь без друзей, и он остался сидеть в темноте в обнимку с бутылкой виски.

Услышал на палубе чьи-то шаги, Морис все же включил свет. Это, правда, удалось ему лишь с третьей попытки, и у него даже мелькнула смутная мысль, что, наверное, стоило бы остановиться и больше не пить. Впрочем, все зависело от того, кто именно там ходит; походка этого человека была ему не знакома. Неведомый гость продолжал бродить по палубе, все время спотыкаясь и явно плохо представляя себе устройство судна, а может, и совсем в судах не разбираясь, и никак не мог отыскать люк. Морис, всегда отли-

чавшийся гостеприимностью, стал подниматься по трапу, намереваясь открыть люк, но странное дело — собственные шаги вдруг показались ему огромными, он как бы всплывал вверх, не чувствуя ступенек, и в конце концов плавать в воздухе оказалось не так уж трудно, особенно теперь, когда он стал невесомым. Открыв крышку люка, Морис столкнулся с тем незнакомцем, который как раз до люка добрался, и они буквально упали друг другу в объятья. Незнакомец оказался невысоким, худощавым и довольно молодым мужчиной, и Морис испытал невероятное облегчение, увидев, что тот пьян почти так же сильно, как и он сам.

— Разрешите представиться: Джеймс.

— Входите, пожалуйста.

— Это ведь баржа, верно?

— Да.

— И она называется «Грейс»?

— Нет.

— Жаль.

— Вы сказали, что вас зовут Джеймс?

— Нет, меня зовут Эдвард.

— Ну, это неважно.

Эдвард вытащил из кармана бутылку виски и, что было совсем уж неожиданно, два стакана.

При виде этих стаканов Морис совсем опечалился. Они ведь наверняка принесены в надежде на некое празднество, которое не удалось, да теперь уж и не удастся.

— Какой удачный вечерок вы выбрали для своего визита сюда, — заметил он.

Впрочем, в данный момент его, как хозяина судна, более всего волновало, сумеет ли он благополучно спустить своего гостя с палубы. К счастью, практики у него в этом отношении вполне хватало, и в итоге они оба оказались внизу. Наполняя стаканы, Морис вдруг понял, что его депрессия начинает рассеиваться.

Эдвард тяжело рухнул на рундук и заявил, что для начала хочет объясниться.

— Доктора твердят: не пейте так много. Они на этом прямо-таки настаивают. А их еще и целая армия психологов и всяких научных работников поддерживает.

Он говорил довольно невнятно, запинаясь и с трудом пытаясь обрести нужное направление в мире слов — примерно так же он только что бродил вслепую по палубе «Мориса», надеясь отыскать люк.

— А чем на самом деле должны заниматься эти так называемые ученые? Они должны изучать

производимый виски эффект. Возьмем, например, мой случай. Ведь если одна порция виски делает меня веселым, то от четырех порций я должен был бы веселиться вовсю, согласны?

— Целиком и полностью.

— Ан нет! Вот выпил я четыре порции виски подряд и почувствовал себя хуже некуда. Хоть вешайся, черт побери! Уберите это от меня! В общем, подумайте над тем, что я сказал…

— Вам в процессе работы часто приходится с речами выступать? — спросил Морис.

Эдвард, казалось, на мгновение даже протрезвел.

— Нет, работа у меня чисто канцелярская.

Баржу сильно качнуло, и Морис услышал, как вешалка с «хорошим» костюмом, давно и тщетно ждущим его выхода на работу, с лязганьем проехалась по перекладине в шкафу.

— А я ведь пришел, чтобы сделать Ненне подарок, — сообщил вдруг Эдвард и из того же кармана, откуда раньше извлек стаканы, вытащил маленькую синюю с золотом коробочку. — Там внутри флакон с духами, — пояснил он.

— С какими? — поинтересовался Морис.

— Они называются L'Heure Bleue.

— Вы не возражаете, если я это запишу? — спро-

сил Морис.

— Конечно, нет. Возьмите мою ручку.

— А вы знаете, что «ручка» — это русское слово?

— Да нет, венгерское.

— Нет, русское.

— Но эти ручки изобрел какой-то венгр!

— Тогда он на них, должно быть, просто озолотился. Кстати, это что же, какие-то особенные духи? Раз уж вы их для Ненны купили, значит, она такими пользуется, верно?

— Не знаю. Скорее всего, пожалуй, нет. Я вообще-то ни в духах, ни в запахах не разбираюсь.

— По-моему, Ненна вообще духами не пользуется.

— Значит, вы все-таки ее знаете?

Оба дружно выпили, и Эдвард признался:

— Мне эти духи предложила мать того дома… то есть того человека… у которого в ее доме я живу…

— Как-как?

— Разве не ясно? Боюсь, я теряю нить разговора…

— Ничуть.

— Гордон сказал, что мне следует принести ей какие-нибудь духи.

Прямо у них над головой вдруг раздался грохот, похожий на взрыв в сланцевом карьере. Там явно оторвалось что-то тяжелое и, пару раз прокатившись по палубе, замерло точно над ними. Деревянные балки протестующе взвизгнули. Но Эдвард — похоже, он так ничего и не заметил, — как ни в чем не бывало продолжил свою мысль:

— А еще я принес ее сумку. — И он с некоторым трудом вытащил из того же кармана дамскую сумочку, на которую оба уставились так, словно надеялись взглядом превратить ее в нечто совсем другое.

— Как вы думаете, Ненна примет меня обратно?

— Не знаю… — с сомнением протянул Морис. — Хотя Ненна всех любит. Как и я.

— О, так вы все-таки знаете Ненну?

— Да.

— Вы, должно быть, очень хорошо ее знаете, раз живете с ней на одной барже!

— Я на соседней живу.

— Но она ведь иной раз заглядывает к вам, чтобы попросить взаймы, скажем, сахару? Или спички?

— Ну да, мы оба любим взаймы просить.

— А ведь ее нелегко понять. Можно много лет

пытаться, да так ее и не понять, эту женщину.

В бутылке еще оставалось примерно на четверть, и Эдвард разлил виски по стаканам. На сей раз ему помогло само судно — «Морис» так качнуло, что виски выплеснулось в стаканы двумя аккуратными дугами.

— Вот вы женщин понимаете?

— Да, — ответил Морис, изо всех сил стараясь не потерять способность к концентрации: он, можно сказать, удерживал ее обеими руками. — Вам нужно непременно подарить ей эти вещи! — заявил он. — Да, именно подарить. Да-да, именно так: *подарить*! Но для этого вам придется перебраться на «Грейс».

— А как это делается?

— Это совсем не трудно. Трудно, только если ты тяжелый. Но, к счастью, сегодня вечером мы все такие легкие — ну просто невесомые!

— И как же я туда попаду?

Однако подняться по трапу на палубу оказалось задачей трудной, куда трудней, чем в прошлый раз, когда Морис «парил» над ступеньками, поднимаясь навстречу Эдварду. Судно то ныряло, то вставало на дыбы, но, к сожалению, ритм этих колебаний совсем не совпадал с движениями еле стоявших на ногах Мориса и Эдварда. Когда

им все-таки удалось преодолеть первые три ступеньки, крышка люка над ними сама собой распахнулась, и в отверстии, как в раме, возникло бешеное штормовое небо. А на самой верхней ступеньке трапа сидела крыса и злобно скалилась; временами в отблесках света виднелись ее отвратительные клыки. Эдвард рванулся вперед.

— Ну, погоди, мерзкая тварь!

— Крысу тоже Господь сотворил! — попытался остановить его Морис.

Но Эдвард уже запустил в крысу сумочкой Ненны, которую держал в руках, потом духами, предполагавшимися в подарок, и ухитрился попасть гнусной твари прямо в брюхо. Крыса громко зашипела, привстала на задних лапках, развернулась и исчезла, хотя ее хвост еще некоторое время свисал со ступеньки, похожий на тонкую веревку.

— Неужели духи разбились?

— Боюсь, что да. Я чувствую их запах.

— Но я же специально сюда тащился, чтобы сделать подарок!

— Я знаю, Джеймс.

— Что же я теперь ей подарю?

Расстроенный Эдвард с пустыми руками сидел на ступеньке трапа, а Морис, до которого так

толком и не дошло, кто же такой Эдвард, вдруг страшно распереживался из-за погибших духов и предложил:

— Нужен другой подарок!

— Откуда?

— О, у меня есть сотни подходящих вещей, сотни!

И они, крепко держась друг за друга, двинулись вдоль бокового кильсона к люку на носу.

— Сотни!

Проигрыватели, электрогитары, транзисторы, электробигуди, тостеры в новеньких, обернутых полиэтиленовой пленкой коробках — вся припрятанная на «Морисе» добыча Гарри, служившая странной валютой 1960-х годов, — грудой лежали на полу, стопками высились на рундуках. Морис разом подхватил несколько коробок и сунул Эдварду, у которого все плыло перед глазами, но на ногах он пока держался.

— Это ей очень пригодится на «Грейс».

— Но я-то как туда попаду?

* * *

Трудно сказать, как им удалось снова выбраться на палубу. Под порывами сбивающего с ног ветра они, как можно ниже склонив головы и су-

дорожно цепляясь за поручни, в полной темноте добрались сперва до основания старого шкива, а затем до мачты. Три коробки с тостерами, вырванные у Эдварда из рук бешеным порывом ветра, упали в воду и поплыли прочь, как пена морская. Ветер по-прежнему дул с северо-запада, и оказалось, что сходни, перекинутые с «Мориса» на «Грейс», унесло. Морис вспомнил тот страшный грохот у них над головой и догадался, что это были те самые сходни, которые ветер поднял в воздух, а потом швырнул через всю палубу.

— Ничего, — сказал Морис, — у меня на судне трап имеется.

На «Морисе» и впрямь имелся железный трап, прикрепленный к борту, и по нему можно было спуститься прямо на причал.

— Это «Грейс»? — проорал Эдвард, пытаясь перекричать ветер.

— Да!

— Что-то я там огня не вижу.

— Не видишь, потому что темно. Это естественно.

— Верно, я как-то не подумал. Я вообще в ваших судах не разбираюсь.

Эдвард выглядел куда более растерянным, чем Морис, и Морис, изо всех сил стараясь оказать

ему всю необходимую помощь, поволок его к бортовому трапу. Но сам он был все же не настолько пьян и понимал, что здорово набрался, а также заметил, что обычно узкая полоска воды между «Морисом» и «Грейс» вдруг странным образом расширилась, став какой-то пугающе огромной. Что-то явно было не так — эта ужасная мысль упорно крутилась в его мозгу, но он никак не мог толком ее ухватить, она все время от него ускользала, хоть он и понимал, что это, безусловно, имеет отношение к необходимости перебраться на «Грейс».

— Мы ведь обычно совсем другим путем друг к другу ходим.

Тем временем Эдвард успел выронить в воду все свои потенциальные подарки, пытаясь преодолеть двадцать железных прутьев бортового трапа.

И когда он был уже в самом низу, судно вдруг резко качнуло, так что фальшборт у него над головой совсем исчез, а вместо него стало видно невероятно близкое небо.

— Осторожней!

Морис и сам чуть не свалился в воду, пытаясь помочь новому приятелю. Он был безнадежно пьян, да к тому же вымотался до потери сил, но в

нем тем не менее сохранилось нечто, обещавшее надежду и помощь, — словом, именно то, что, по мнению Эдварда, и подразумевает понятие «дружба».

— Вы непременно должны прийти снова, как только погода немного исправится! — крикнул Морис, низко наклонившись над бортом и подвергая себя вполне реальной опасности. Ему удалось разглядеть на нижней перекладине трапа совершенно белое от ужаса лицо Эдварда, который что-то крикнул в ответ, но ветер сразу унес его слова прочь; впрочем, похоже, он снова пытался объяснить Морису, что в судах совершенно не разбирается.

А «Морис» в последний раз с силой качнулся, словно вздохнул, и его полусгнивший якорь вылетел из прибрежного грунта, а швартовы оказались не в состоянии удержать тяжелое судно на месте, и оно стало отплывать от берега. А потом, влекомое приливной волной, поплыло дальше, унося на себе обоих молодых мужчин, из последних сил цеплявшихся за него во имя спасения собственной жизни.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ